КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон Карр

КТО ШЕПЧЕТ В ТЕМНОТЕ?

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Кто шепчет в темноте?
Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Кто шепчет в темноте?
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

В истории невозможного, но свершившегося убийства, рассказанной в романе «Кто шепчет в темноте?» (1946), все указывает на мистическую природу преступления, и хитроумному доктору Феллу предстоит либо поверить в нее, либо развеять сгустившийся

морок...

Джон Диксон Карр
Кто шепчет в темноте?

John Dickson Carr
HE WHO WHISPERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1946

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© Е. А. Королева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА
ДЕТЕКТИВА

Глава первая

Ужин в Клубе убийств — наше первое заседание за пять с лишним лет — назначен на половину девятого вечера в ресторане «Белтринг», в пятницу, первого июня. Выступает профессор Риго. До сих пор посторонние не допускались, однако не желаете ли Вы, мой дорогой Хаммонд, прийти в качестве моего гостя?..

Очень, подумал он, в духе времени.

Когда Майлз Хаммонд свернул с Шафтсбериавеню на Дин-стрит, шел мелкий дождик, даже не дождик, а какая-то изморось. Хотя по потемневшему небу было трудно определить, но время, должно быть, близилось к половине десятого. Получить приглашение на ужин в Клуб убийств, а потом опоздать почти на час было более чем неучтиво — это была дьявольская, непростительная наглость, даже если причина уважительная.

И все же, когда он достиг первого поворота, где Ромилли-стрит тянется вдоль окраины Сохо, Майлз Хаммонд остановился.

Это письмо у него в кармане очень в духе времени. Знак, что в год тысяча девятьсот сорок пятый

мир неохотно, понемногу, но возвращается в Европу. И он никак не мог к этому привыкнуть.

Майлз огляделся по сторонам.

Остановившись на углу Ромилли-стрит, он видел слева от себя восточную стену церкви Святой Анны. Серая стена с высокой скругленной аркой окна поднималась, почти не пострадавшая. Только стекол не было в окне и позади — ничего, кроме серо-белой башни, видневшейся в просвете. Там, где мощный фугас разнес Дин-стрит, обратив в щепы дощатые дома и расшвыряв по дороге связки чеснока заодно с битым стеклом и цементной пылью, уже успели вкопать аккуратную цистерну с водой — и обнести колючей проволокой, чтобы дети не упали туда и не утонули. Однако и шелестящий дождь не скрывал шрамы улицы. На восточной стене Святой Анны, прямо под зияющим окном, висела старая мемориальная доска, увековечивавшая память жертв предыдущей войны.

Невероятно!

Нет, сказал себе Майлз Хаммонд, не стоит называть это ощущение болезненным или нереальным или оправдывать расшатанными за войну нервами. Нынче вся его жизнь, подарок судьбы, хороший и плохой сразу, *невероятна*.

В какой-то момент, давным-давно, ты вступаешь в армию с ощущением, что надежные стены рушатся и с этим так или иначе надо что-то делать. Потом, совершенно негероически, получаешь отравление дизельным топливом, которое в бронетанковых войсках тем не менее так же смертельно, как и все, что швыряют в тебя фрицы. Полтора года ты валяешься на госпитальной койке под белыми шершавыми простынями, и время тянется так медленно, что теряет всякий смысл. А потом, когда на деревьях во второй раз распускаются почки, тебе сообщают в письме, что твой дядя Чарльз скончался — в гостинице в Девоне, находясь в безопасности и устроившись, по своему обыкновению, с полным комфортом — и вы с сестрой унаследовали все его имущество.

Ты вечно изводился от безденежья? Вот тебе все, что пожелаешь.

Всегда был влюблен в этот дом в Нью-Форесте, заодно с библиотекой дядюшки Чарльза? Получай!

С тоской мечтал — гораздо сильнее, чем о прочем, — о свободе от удушающей толпы, от давления человечества в чистом виде, сходного с физическим давлением пассажиров, стиснутых в автобусе? О свободе от муштры, чтобы

снова появилось пространство двигаться и дышать? О свободе читать и мечтать без ощущения неисполненного долга по отношению ко всем и каждому? Все это тоже станет возможным, если война когда-нибудь закончится.

И вот, охнув напоследок, словно гауляйтер, проглотивший яд, война закончилась. Ты вышел из госпиталя — слегка неуверенной походкой, с документами о демобилизации в кармане — в Лондон, все еще страдающий от нехватки всего; в Лондон длинных очередей, идущих не туда автобусов, пабов без выпивки; в Лондон, где зажигают уличные фонари и тут же выключают снова, чтобы сэкономить электричество; но все же в город, наконец-то свободный от невыносимого гнета опасностей.

Люди праздновали эту победу, не сходя с ума от радости, что бы там по тем или иным причинам ни писали газеты. И то, что показывали в кинохрониках, было всего лишь пузырем на громадной поверхности города. Как и он сам, подозревал Майлз Хаммонд, большинство жителей ощущали легкую апатию, потому что никак не могли осознать, что все это реально.

Однако что-то встрепенулось, глубоко в недрах человеческих душ, когда в газеты начали снова

просачиваться результаты крикетных матчей, а из подземки — исчезать койки. И даже такие явления мирного времени, как Клуб убийств…

— Так я никуда не дойду! — произнес Майлз Хаммонд вслух. Он надвинул на глаза промокшую шляпу и свернул направо, двинувшись по Ромилли-стрит к ресторану «Белтринг».

Ресторан находился по левой стороне, четыре этажа, некогда выкрашенные белой краской и до сих пор призрачно белеющие в сумерках. Вдали по Кембридж-Серкус громыхал поздний автобус, из-за которого вибрировала вся улица. Освещенные окна, собрав все силы, противостояли завесе дождя, который, кажется, шумел здесь сильнее. И у входа в «Белтринг», словно привет из прошлого, стоял швейцар в униформе.

Однако, если вы собирались на ужин в Клубе убийств, не нужно было входить в парадную дверь. Вместо того требовалось завернуть за угол, к боковому входу со стороны Грик-стрит. Через низкую дверь, вверх по лестнице, застеленной толстым ковром, — если верить известной легенде, когда-то это был тайный вход для одного из членов королевской семьи — вы попадали в коридор, где по одной стороне тянулись двери отдельных кабинетов.

На полпути наверх, прислушиваясь к слабому, сдержанному гулу голосов, всегда звучащих фоном в респектабельном ресторане, Майлз Хаммонд едва не поддался настоящей панике.

Этим вечером он гость доктора Гидеона Фелла. Но даже в качестве гостя он все равно оставался чужаком.

Об этом Клубе убийств рассказывали не меньше легенд, чем о похождениях того королевского отпрыска, по чьей частной лестнице он сейчас поднимался. В Клубе убийств состояло строго тринадцать членов: девять мужчин и четыре женщины. Все это были прославленные имена — причем некоторые прославились еще и своим нежеланием прославиться — в юриспруденции, литературе, науке и искусствах. Его честь судья Коулмен был членом клуба. И доктор Бэнфорд, токсиколог, и романист Мерридью, и госпожа Эллен Най, актриса.

До войны они традиционно собирались четыре раза в год, в двух отдельных кабинетах ресторана «Белтринг», которые им неизменно предоставлял метрдотель Фредерик. В передней комнате устраивался импровизированный бар, а во второй комнате ужинали. В этой второй комнате — где Фредерик по такому случаю всегда вешал на

стену гравюру с черепом — эти мужчины и женщины засиживались далеко за полночь, с детской увлеченностью обсуждая убийства, признанные классическими.

И вот теперь с ними он, Майлз Хаммонд…

Спокойствие!

Он здесь — посторонний, едва ли не самозванец, в промокшей насквозь шляпе и плаще, с которых течет на лестницу ресторана, где в прежние дни он едва ли мог позволить себе отобедать. Позорно опоздавший, ощущающий себя убогим до мозга костей, с тревогой ожидающий увидеть вытянутые шеи и вопрошающие взгляды, обращенные на него…

Спокойствие, черт побери!

Ему пришлось напомнить себе, что когда-то давным-давно, в подернутые туманом забвения времена, до войны, был такой ученый, Майлз Хаммонд, последний в длинном ряду ученых мужей, дядюшка которого, сэр Чарльз Хаммонд, скончался совсем недавно. Ученый по имени Майлз Хаммонд получил Нобелевскую премию по истории в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. И этот самый человек, как ни удивительно, и есть он сам. Нельзя позволять болезни глодать его нервы. У него полное право быть здесь!

Однако же мир постоянно меняется, все время обретает новые формы, и люди так быстро все забывают.

С таким вот циническим настроем Майлз добрался до коридора верхнего этажа, где приглушенный свет из-под матовых абажуров лился на полированные двери из красного дерева. Здесь было пустынно и тихо, если не считать отдаленного бормотания голосов. Прямо-таки довоенный «Белтринг». Над одной из дверей светилась табличка «Гардеробная для джентльменов», и он повесил там свою шляпу и плащ. На другой стороне коридора он заметил дверь красного дерева с прикрепленным к ней плакатом «Клуб убийств».

Майлз открыл эту дверь и тут же замер.

— Кто… — Женский голос, пролетев через комнату, хлестнул его внезапно. В нем успела прозвучать тревожная нотка, прежде чем он обрел мягкие и естественные интонации. — Прошу прощения, — прибавил голос несколько неуверенно, — но кто вы?

— Я ищу Клуб убийств, — пояснил Майлз.

— Ах да, конечно. Только…

Что-то здесь было не так. Что-то было совершенно неправильно.

Посреди передней комнаты стояла девушка в белом вечернем платье, и это платье особенно ярко выделялось на фоне толстого темного ковра. Комната была освещена довольно скупо тускло-желтым светом из-под абажуров. Тяжелые шторы с невнятным золотым узором были задернуты на двух окнах, выходивших на Ромилли-стрит. Перед этими окнами стоял длинный, покрытый белой скатертью стол, служивший барной стойкой: бутылка хереса, бутылка джина и еще бутылка горькой настойки стояли рядом с дюжиной натертых до блеска неиспользованных бокалов. Кроме девушки, в комнате никого не было.

В стене справа от себя Майлз увидел двойные двери, немного приоткрытые, ведущие во вторую комнату. Он рассмотрел за ними большой круглый стол, накрытый для ужина, вокруг которого чопорно выстроились стулья; так же чопорно лежали сверкающие столовые приборы; украшения стола, розы с зелеными папоротниками, образовывали на белой скатерти яркий узор; четыре высокие свечи стояли пока не зажженные. Над каминной полкой в глубине комнаты гротескно нависала вставленная в рамку гравюра с черепом, означавшая, что здесь заседает Клуб

убийств.

Только Клуб убийств не заседал. В этой комнате тоже никого не было.

Затем Майлз осознал, что девушка подошла ближе.

— Мне ужасно стыдно, — произнесла она. Низкий, неуверенный голос, бесконечно восхитительный после профессионально бодрых интонаций медсестер, пролился бальзамом на душу. — С моей стороны было очень грубо вот так кричать на вас.

— Что вы! Что вы!

— Я… мне кажется, нам стоит познакомиться. — Она подняла на него взгляд. — Я Барбара Морелл.

Барбара Морелл? Барбара Морелл? Кто же это из знаменитостей?

Ибо она была молода, и у нее были серые глаза. Больше всего поражала ее необычайная живость, ее энергичность в этом мире, наполовину обескровленном войной. Она сквозила в искрящихся серых глазах, в повороте головы и движении губ, в нежно-розовом румянце на лице, в коже шеи и плеч над белым платьем. Когда в последний раз, соображал Майлз, он видел девушку в вечернем платье?

И каким же пугалом огородным рядом с ней,

должно быть, выглядит он сам!

На стене между двумя зашторенными окнами, выходившими на Ромилли-стрит, висело вытянутое зеркало. Майлз видел в нем смутное отражение спины Барбары Морелл, обрезанное на уровне талии столом-баром, и блестящий узел, в который она уложила свои гладкие пепельно-светлые волосы. Поверх ее плеча отражалась его собственная физиономия: исхудавшая, перекошенная, насмешливая, с высокими скулами и рыжевато-карими раскосыми глазами, с седой прядью, из-за которой в свои тридцать пять он выглядел на все сорок с хвостиком, — весьма похож на высоколобого короля Карла Второго[1] и (черт побери!) такой же красавчик.

— Майлз Хаммонд, — представился он и огляделся в отчаянии, выискивая, перед кем извиниться за опоздание.

— Хаммонд? — Последовала легкая заминка. Ее серые глаза, сосредоточенные на нем, широко раскрылись. — Так вы, значит, не член клуба?

— Нет. Я гость доктора Гидеона Фелла.

— Доктора Фелла? И я тоже! Я тоже не член

---

[1] Notes: 1

Карл II Стюарт (1630–1685) — английский король, сын Карла I. В числе прочего покровитель наук, искусств, театра, любитель алхимии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

клуба. Но в том-то и беда. — Мисс Барбара Морелл развела руками. — Сегодня вечером ни единого члена клуба здесь нет. Весь клуб целиком просто… исчез.

— *Исчез?*

— Да.

Майлз внимательно оглядел комнату.

— Здесь никого, — пояснила девушка, — кроме нас с вами и профессора Риго. Метрдотель Фредерик буквально сходит с ума, а что до профессора Риго… чего там! — Она осеклась. — Почему вы смеетесь?

Майлз и не думал смеяться. Во всяком случае, сказал он себе, это вряд ли можно назвать смехом.

— Прошу прощения, — поспешно произнес он. — Я всего лишь подумал…

— Подумали о чем?

— Ладно! Много лет этот клуб собирался, каждый раз приглашая нового оратора, чтобы он поведал им о какой-нибудь нашумевшей трагедии, известной ему не понаслышке. Они обсуждали преступление, они упивались преступлением, они даже повесили на стену изображение черепа как свой символ.

— И что же?

Он глядел на ее прическу: пепельные волосы, настолько светлые, что казались почти белыми, разделял прямой пробор, который он счел довольно старомодным. Майлз выдержал взгляд поднятых на него глаз с темными ресницами и непроницаемо черными крапинками на радужке. Барбара Морелл стиснула ладони. Она умела слушать с полным вниманием, как будто жадно впитывая каждое произнесенное слово, что очень льстило расшатанным нервам выздоравливающего.

Он широко улыбнулся ей.

— Я просто подумал, — пояснил он, — это стало бы сенсацией из сенсаций, если бы в вечер назначенного заседания все члены клуба исчезли из своих домов. Или же каждый был бы обнаружен спокойно сидящим у себя дома с кинжалом в спине под бой курантов.

Его попытка пошутить не увенчалась успехом. Лицо Барбары Морелл слегка раскраснелось.

— Какая жуткая мысль!

— В самом деле? Простите. Я всего лишь имел в виду…

— Вы случайно детективов не пишете?

— Нет. Зато читаю их пачками. И это… ну да!

— Это *серьезно,* — заверила она с наивной убеж-

денностью маленькой девочки, все еще пламенея румянцем. — В конце-то концов, профессор Риго проделал такой долгий путь, чтобы рассказать им о том деле, убийстве на башне, а они так с ним обошлись! Почему?

А вдруг что-то *действительно* случилось? Это было невероятно, это было немыслимо, однако все казалось возможным в этот нереальный вечер. Майлз принялся соображать.

— Нельзя ли что-нибудь предпринять и выяснить, что же произошло? — спросил он. — Может быть, позвонить?

— Они уже позвонили!

— Кому?

— Доктору Феллу, он почетный секретарь клуба. Только у него дома никто не ответил. И сейчас профессор Риго пытается дозвониться до президента, этого судьи, его чести судьи Коулмена…

Однако стало ясно, что связаться с президентом Клуба убийств не удалось. Дверь в коридор распахнулась, словно от беззвучного взрыва, и вошел профессор Риго.

Жорж Антуан Риго, профессор французской литературы из Эдинбургского университета, двигался словно дикий кот. Он был низенький и толстый; он был взбудоражен; он был одет

слегка небрежно, начиная от галстука-бабочки и лоснящегося темного костюма и заканчивая ботинками с квадратными носами. Волосы над ушами казались очень черными по контрасту с крупной лысой головой и красноватой физиономией. В целом манера профессора Риго отличалась необычайной напористостью и внезапными взрывами смеха, демонстрировавшими блестящий золотой зуб.

Однако сейчас ему было не до смеха. Его очки в тонкой оправе и даже черная щетка усов как будто дрожали от откровенного негодования. Голос звучал сердито и сипло, когда он заговорил по-английски почти без акцента. Он вскинул руку ладонью к публике.

— Прошу, ничего не говорите, — произнес он.

На сиденье кресла у стены, обтянутого розовой парчой, лежала мягкая темная шляпа с обвислыми полями и толстая трость с загнутой рукоятью. Профессор Риго подскочил и набросился на эти предметы.

Теперь во всех его жестах сквозила высокая трагедия.

— Столько лет подряд, — произнес он, не успев распрямиться, — они уговаривали меня прийти в этот клуб. Я отвечаю им: «Нет, нет, нет!» — потому

что я не люблю журналистов. «Там не будет никаких журналистов, — говорят они мне, — никто не станет перепечатывать ваши слова». — «Обещаете?» — спрашиваю я. «Да!» — говорят они. И вот я проделал весь путь от Эдинбурга. А ведь мне не удалось достать билет в спальный вагон из-за так называемого преимущественного права. — Он наконец распрямился и потряс в воздухе пухлой рукой. — При слове «преимущественное право» у честных людей свербит в носу от вони!

— Послушайте, послушайте, *послушайте же,* — с жаром произнес Майлз Хаммонд.

Профессор Риго отвлекся от своей гневной тирады, впившись в Майлза жесткими блестящими глазками за стеклами очков в тонкой оправе.

— Вы согласны, друг мой?

— Да!

— Как мило с вашей стороны. А вы…

— Нет, — ответил Майлз на невысказанный вопрос. — Я не пропавший член клуба. Я тоже гость. Моя фамилия Хаммонд.

— Хаммонд? — повторил его собеседник. Интерес и подозрение быстро промелькнули во взгляде. — Но вы же не сэр Чарльз Хаммонд?

— Нет. Сэр Чарльз Хаммонд был моим дядей. Он…

— Ах да, конечно! — профессор Риго прищелкнул пальцами. — Сэр Чарльз умер. Да, да, да! Я читал об этом в газетах. У вас есть сестра. И вы с сестрой унаследовали библиотеку.

Барбара Морелл, как заметил Майлз, глядела на них с искренним недоумением.

— Мой дядя, — пояснил он ей, — был историком. Он прожил много лет в маленьком доме в Нью-Форесте, где собрал тысячи книг, сваленных в дичайшем, безумном беспорядке. На самом деле я прежде всего приехал в Лондон узнать, не найдется ли здесь опытный библиотекарь, который поможет привести книги в порядок. Но вместо того доктор Фелл пригласил меня в Клуб убийств…

— Библиотека! — выдохнул профессор Риго. — Библиотека!

Сильное душевное волнение, кажется, клокотало и расширялось внутри его, словно пар: у него вздымалась грудь и лицо побагровело чуточку сильнее.

— Этот Хаммонд, — заявил он с восторгом, — был великий человек! Он был любознательный! Он был неугомонный! Он… — профессор Риго повертел запястьем, словно человек, открывающий дверь ключом, — умел прозревать суть вещей!

Я бы многое отдал, чтобы изучить его библиотеку. Чтобы изучить его библиотеку, я бы отдал… Но я забылся. Я в ярости. — Он нахлобучил свою шляпу. — И я немедленно ухожу.

— Профессор Риго, — мягко окликнула девушка.

Майлз Хаммонд, всегда чувствительный к атмосфере вокруг себя, ощутил легкое потрясение. По неизвестным причинам отношение обоих его собеседников к нему едва заметно изменилось, или так ему показалось, после того как он упомянул дом своего дядюшки в Нью-Форесте. Он не сумел бы этого объяснить, — возможно, ему почудилось.

Однако, когда Барбара Морелл вдруг сжала кулаки и заговорила, в ее тоне безошибочно угадывались настойчивость и нетерпение.

— Профессор Риго! Прошу вас! Нельзя ли… нельзя ли нам все же провести заседание Клуба убийств?

Риго развернулся на месте:

— Мадемуазель?

— Они ужасно с вами обошлись. Я понимаю. — Она спешно выступила вперед. Легкая улыбка на ее губах плохо сочеталась с мольбой во взгляде. — Но я так ждала приезда сюда! Это дело, о котором

собирался говорить профессор, — торопливо пояснила она Майлзу, — совершенно особенное и сенсационное. Все случилось во Франции, еще до войны, и профессор Риго один из немногих живых свидетелей, который что-то знает об этом. Суть в том…

— Суть, — прервал профессор Риго, — во влиянии некой женщины на жизни других людей.

— Мы с мистером Хаммондом будем ужасно благодарными слушателями. И мы ни словечка не скажем прессе, ни один из нас! Ну, в конце-то концов, надо же нам где-то поужинать, а я сомневаюсь, что мы сумеем найти хоть что-нибудь, если уйдем отсюда. Давайте, профессор Риго? Давайте? Давайте?

Метрдотель Фредерик, подавленный, рассерженный и скорбный, незаметно проскользнул в приоткрытую дверь из коридора, поманив за собой кого-то, ждавшего с другой стороны.

— Ужин подан, — объявил он.

Глава вторая

Историю, рассказанную им Жоржем Антуаном Риго — за кофе, поданным после довольно посредственного ужина, — Майлз Хаммонд поначалу пренебрежительно счел байкой, легендой, сложной мистификацией. Частично причина была в выражении лица профессора Риго: с присущей французам торжественной серьезностью он бросал короткие взгляды то на одного собеседника, то на другого, однако во всем сказанном ощущалась изрядная доля язвительной насмешки.

Впоследствии Майлз, конечно, выяснил, что каждое слово в этой истории правдиво. Однако на тот момент…

Голос глухо звучал в небольшой тихой столовой, освещенной лишь четырьмя высокими свечами на столе. Они раздвинули шторы и открыли окна, чтобы впустить в этот душный вечер немного воздуха. Снаружи по-прежнему шуршал дождь, в лиловых сумерках светилось несколько окон в ресторане с красными стенами на другой стороне улицы.

В целом подходящая декорация для того, что

им предстояло услышать.

— Криминалистика и оккультизм! — провозгласил профессор Риго, взмахнув ножом и вилкой. — Вот единственно достойные хобби для человека со вкусом! — Он весьма пристально посмотрел на Барбару Морелл. — Вы коллекционируете, мадмуазель?

Насыщенный влагой ветер ворвался в открытые окна, всколыхнув пламя свечей. Ожившие тени задвигались по лицу девушки.

— Коллекционирую? — переспросила она.

— Криминальные реликвии?

— Боже упаси, нет!

— В Эдинбурге живет один человек, — с легкой завистью произнес профессор Риго, — у которого имеется перочистка из человеческой кожи, с тела Бёрка[2], похитителя трупов. Я вас шокировал? Но видит Бог… — он внезапно хмыкнул, продемонстрировав золотой зуб, после чего снова сделался крайне серьезен, — я знаю одну леди, совершенно очаровательную леди вроде вас, которая украла на кладбище Челмсфордской тюрьмы надгробье

---

[2] Notes: 2

Уильям Бёрк и Уильям Хайр (Хэр) совершили 16 убийств в 1827–1828 годах в Эдинбурге, добывая таким способом и продавая дефицитный на тот момент трупный материал для медицинских исследований. Бёрк был повешен с последующим публичным анатомированием.

с могилы Дугала, убийцы с фермы Моут, и теперь это надгробие стоит у нее в саду.

— Прошу прощения, — вставил Майлз. — Но неужели все, кто интересуется криминалистикой… ну, действуют подобным образом?

Профессор Риго обдумал вопрос.

— Это, конечно, чтобы похвастаться, — признал он. — Но все равно занятно. Что касается моей коллекции, я скоро вам покажу.

Больше он ничего не сказал, пока не убрали со стола и не подали кофе. Затем, сосредоточенно раскурив сигару, он придвинул стул ближе к столу и уперся в столешницу мясистыми локтями. Его трость из полированного желтого дерева, прислоненная к ноге, блестела в свете свечей.

— На окраине маленького города Шартра, который расположен в шестидесяти с лишним километрах к югу от Парижа, в тысяча девятьсот тридцать девятом году жила одна английская семья. Возможно, вам знаком Шартр?

Кто-то видит в нем памятник Средневековья, мечту о былых временах, жемчужину прошлого, и в некотором смысле это так и есть. Он заметен издалека, город на холме в окружении желтых пшеничных полей, с возносящимися к небу несимметричными башнями знаменитого собо-

ра. Вы въезжаете между круглыми башнями в ворота Порт-Гийом, распугивая своим автомобилем кур и гусей, и поднимаетесь по крутым мощеным улицам до отеля «Гран-Монарх».

У подножия холма вьется река Эр, над ней возвышаются старинные фортификации, и ивы склоняются до самой воды. Вы видите, как по крепостным стенам прогуливаются люди, в вечерней прохладе, когда цветут персиковые деревья.

А в базарные дни — уф! Коровы мычат так, словно сам дьявол дудит в клаксон. Чего тут только не покупается, в торговых рядах, где продавцы перекрикивают даже скотину. В тех краях, — профессор Риго слегка замялся, — суеверия такая же естественная составляющая жизни, как мох на скалах. Вы едите там лучший во Франции хлеб, вы пьете хорошее вино. И вот вы говорите себе: «Ах! Это то самое место, где можно поселиться и написать книгу».

Однако же там имеется и промышленность: мельницы, литейное производство, изготовление художественного стекла, кожевенная мануфактура и прочее, во что я уже не вникал, потому что неинтересно. Я упоминаю об этом, потому что самая крупная из кожевенных мануфактур, «Пеллетьер и К°», принадлежала англичанину.

Мистеру Ховарду Бруку.

Мистеру Бруку пятьдесят, у него жизнерадостная жена, лет на пять моложе. Есть еще сын Гарри, лет двадцати пяти. Все они теперь уже умерли, и потому я могу говорить о них свободно.

Словно холодом повеяло в небольшой столовой — Майлз Хаммонд не мог сказать почему.

Барбара Морелл, которая курила сигарету и с интересом наблюдала за Риго, прячась за дымом, шевельнулась в своем кресле.

— Умерли? — повторила она. — Значит, больше никакого вреда нельзя причинить…

Профессор Риго оставил ее слова без внимания.

— Они живут, повторяю я, за пределами Шартра. Живут на вилле — громко именуемой шато, хотя никакое это не шато, — на самом берегу реки. Эр в этом месте узкий и спокойный, и темно-зеленый из-за отражающихся в воде берегов. Сейчас покажу!

Напряженно-сосредоточенный, он передвинул вперед свою кофейную чашку.

— Это, — объявил он, — дом из серого камня, охватывающий двор с трех сторон. Это… — макнув палец в остатки кларета на дне бокала, профессор Риго изобразил на скатерти извили-

стую линию, — это река, которая течет перед домом.

Здесь наверху, примерно в двух сотнях ярдов на север от дома, выгнутый аркой каменный мост над рекой. Мост в частном владении: мистеру Бруку принадлежит земля по обоим берегам Эра. А еще дальше, но на противоположном берегу, стоит старинная разрушенная башня.

Местные называют башню ля тур д'Анри Катр, башня Генриха Четвертого, хотя она не имеет ни малейшего отношения к этому королю. Некогда она была частью замка, который сожгли гугеноты, осаждавшие Шартр в конце шестнадцатого столетия. Осталась одна башня: круглая, каменная, с выгоревшими деревянными перекрытиями, — так что это, по сути, пустая оболочка с каменной винтовой лестницей вдоль стены, которая ведет на плоскую каменную крышу с парапетом.

Башня — заметьте! — не видна с виллы, где живет семья Бруков. Но панорама изумительная, изумительная, изумительная!

Вы идете на север по густой траве, мимо ив, по берегу реки, которая поворачивает здесь. Первым делом видите каменный мост, отражающийся в сияющей воде. Чуть поодаль башня, вознося-

щаяся над зеленым берегом, круглая, из серых камней, с вертикальными узкими прорезями окон, наверное, футов сорок в высоту, на фоне тополей вдалеке. Семья Бруков использует башню в качестве пляжной кабинки, когда приходит купаться.

Итак, английское семейство — мистер Ховард, отец, миссис Джорджина, мать, мистер Гарри, сын, — живет на своей прекрасной вилле счастливо и, может быть, немного скучновато. Пока…

— Пока? — поторопил Майлз, когда профессор Риго умолк.

— Пока не появляется некая женщина.

Профессор Риго еще немного помолчал.

Затем, шумно выдохнув, он пожал толстыми плечами, как будто снимая с себя всякую ответственность.

— Лично я, — продолжил он, — приезжаю в Шартр в мае тридцать девятого. Я только что завершил свою «Жизнь Калиостро», и мне хочется мира и покоя. В один из дней мой добрый друг, Коко Легран, фотограф, знакомит меня с мистером Ховардом Бруком на ступенях *hôtel de ville*[3]. Мы совершенно несхожи с ним, но мы

---

[3] Notes: 3
Здание городского муниципалитета *(фр.)*.

симпатизируем друг другу. Он подсмеивается над моей «французистостью», я подтруниваю над его «англичанством», и все счастливы.

Мистер Брук седой, прямолинейный, сдержанный, но дружелюбный, трудолюбивый хозяин своего кожевенного бизнеса. Он расхаживает в широких брюках для гольфа, что выглядит в Шартре так же странно, как балахон кюре в Ньюкасле. Он гостеприимный, у него в глазах озорной огонек, однако он человек абсолютно нормальный во всех смыслах, и можно смело ставить шиллинг на то, что́ он сделает или скажет в следующий момент. Его жена, пухленькая, хорошенькая женщина с румяным лицом, почти такая же.

Но вот его сын Гарри…

Ах! Вот он совсем другой!

Этот Гарри заинтересовал меня. Он впечатлительный, у него воображение. Рост, телосложение, манера держаться — все в отца. Однако под учтивой маской он сплошные оголенные провода, сплошные нервы.

Кроме того, он миловидный молодой человек: твердый подбородок, прямой нос, широко расставленные карие глаза и светлые волосы, которые (так я решил про себя) станут седыми, как

у отца, если он не научится держать в узде свои нервы. Гарри — настоящий идол для обоих родителей. Мне довелось повидать любящих отцов и матерей, скажу я вам, но не таких, как эти двое!

Поскольку Гарри способен запустить мячик для гольфа на двести ярдов — или на двести миль, или на любое другое несуразное расстояние, — мистер Брук раздувается от гордости. Поскольку Гарри как безумный носится по теннисному корту под палящим солнцем и имеет целую полку серебряных кубков, его отец на седьмом небе от счастья. Гарри он в этом не признается. Он говорит лишь: «Недурно, недурно». Но он хвастает этим бесконечно перед каждым, кто готов его слушать.

Гарри учится, чтобы заниматься кожевенным делом. Однажды он унаследует фабрику, он станет очень богатым, как и его отец. Он парень разумный, он сознает, в чем его обязанность. И все равно этот мальчик хочет уехать в Париж и учиться живописи.

Бог мой, как же он этого хочет! Он хочет этого до умопомрачения. Мистер Брук мягко кладет конец этим бредням о желании стать художником. Он человек широких взглядов, живопись очень даже хороша в качестве хобби, но как серьезное заня-

тие — все же нет! Что до миссис Брук, она едва не впадает в истерику по этому поводу, поскольку у нее в голове возникает картина, как Гарри живет в мансарде среди хорошеньких девиц совершенно безо всякой одежды.

«Мальчик мой, — говорит его отец, — я прекрасно понимаю твои чувства. Я и сам проходил через похожий этап в твоем возрасте. Но лет через десять ты посмеешься над всем этим».

«В конце концов, — говорит мать, — неужели нельзя остаться дома и рисовать животных?»

После таких слов Гарри уходит, не разбирая дороги, и лупит по теннисному мячу с такой силой, что его просто выносит за пределы корта, или же сидит на лужайке с побелевшим лицом, погруженный в мрачные размышления, и, судя по виду, сыплет проклятиями. Эти люди такие честные, такие благонамеренные, такие всецело искренние!

Я так и не понял, признаюсь в этом сейчас, всерьез ли Гарри считал живопись делом всей своей жизни. Мне не представилось возможности выяснить это. Потому что в конце мая того года личный секретарь мистера Брука — дама средних лет с суровым лицом, которую звали миссис Макшейн, — встревоженная международной

ситуацией, возвращается в Англию.

А вот это уже было серьезно. Потому что личной корреспонденции у мистера Брука — его секретарша не занималась работой в конторе — целый ворох. Уф! У меня голова шла кругом при виде того, как этот человек строчит письма! Его инвестиции, его благотворительные дела, его друзья, его заметки в английские газеты — обычно он расхаживал по комнате, диктуя: руки за спиной, седой, с худощавым лицом, рот негодующе кривится, обличая кого-то.

Так что его секретарь должен быть лучшим. Он написал в Англию в поисках лучшего. И вот в Борегар[4] — так Бруки называли свой дом, — в Борегар прибыла мисс Фей Сетон.

Мисс Фей Сетон…

Это случилось днем тридцатого мая, как сейчас помню. Я пил с Бруками чай — в Борегаре, сером каменном доме, начала восемнадцатого века постройки, с вырезанными из камня масками и белыми рамами, стены которого охватывают двор с трех сторон. Мы и сидели во дворе, на ровной травянистой лужайке, пили чай в тени дома.

---

[4] Notes: 4
Beauregard *(фр.) — здесь:* прекрасный вид.

Перед нами была «четвертая стена»: большие решетчатые ворота, распахнутые настежь. За этими воротами проходила дорога, а за дорогой начиналась полоса зеленого берега, спускавшегося к воде, обрамленной ивами.

Глава семейства сидит в плетеном кресле, с очками в роговой оправе на носу и, улыбаясь, протягивает кусочек печенья собаке. В английских домах всегда есть собака. Для англичанина тот факт, что собаке хватает ума сидеть рядом и выпрашивать еду, служит источником неиссякаемого изумления и восторга.

Пусть их!

Вот он, папаша Брук, и собака, темно-серый скотчтерьер, похожий на ожившую швабру. По другую сторону чайного стола сидит мамаша Брук — каштановые волосы коротко пострижены, приятное разрумянившееся лицо, одета не слишком старательно, — наливает пятую чашку чаю. Сбоку стоит Гарри в спортивной куртке и фланелевых брюках, отрабатывает удары длинной клюшкой для гольфа, но с воображаемым мячом.

Верхушки деревьев слабо колышутся — французское лето! — листья шелестят и шуршат, солнышко играет на них, цветы и травы источают

ароматы, и кругом царит сонное умиротворение — глаза сами так и слипаются, стоит лишь вспомнить…

Вот тогда к парадным воротам и подкатило такси «ситроен».

Из такси вышла молодая женщина и расплатилась с водителем так щедро, что он понес за ней ее багаж. Она прошла по дорожке в нашу сторону, довольно несмело. Она сказала, что ее зовут мисс Фей Сетон и что она и есть новый секретарь.

Привлекательная? *Grand ciel!*[5]

Прошу запомнить — надеюсь, вы простите мне этот назидательно воздетый указательный палец, — прошу запомнить, однако, что я не осознал ее привлекательности в полной мере и сразу. Нет. Потому что она обладала свойством, и тогда и всегда, не бросаться в глаза.

Я помню, как она стояла на дорожке в тот первый день, пока папаша Брук обстоятельно представлял ее всем, включая собаку, а мамаша Брук спросила, не желает ли она подняться наверх и умыться с дороги. Она была довольно рослая, и нежная, и стройная, в пошитом на заказ костюме, который тоже не бросался в глаза. У нее

---

[5] Notes: 5
О небо! *(фр.)*

была изящная шея, у нее были густые, гладкие, темно-рыжие волосы, глаза миндалевидной формы, голубые, мечтательные, улыбчивые, хотя они как будто редко смотрели прямо на вас.

Гарри Брук не сказал ничего. Однако он в очередной раз ударил по воображаемому мячу так, что клюшка просвистела по стриженой траве.

А я покуривал свою сигару — мне всегда-всегда-всегда было до крайности интересно наблюдать за поведением людей — и сказал себе: «Ага!»

Потому что эта молодая женщина нравилась мне все больше и больше. Это было странно и чуточку загадочно. Ее одухотворенное миловидное лицо, ее мягкие движения, а более всего — ее невероятная отрешенность…

Фей Сетон была леди во всех смыслах этого слова, хотя она как будто скрывала это и даже боялась показать. Она происходила из очень хорошей семьи, старинного обедневшего рода из Шотландии; мистер Брук, узнав об этом, был под сильным впечатлением. Она вовсе не училась на секретаря, нет, она училась кое-чему другому. — Профессор Риго хмыкнул и окинул свою аудиторию проницательным взглядом. — Однако она была расторопной, работоспособной, находчивой и прекрасно выглядела. Если требовался

четвертый для бриджа или кто-то, способный сесть за пианино и спеть, когда вечером зажигаются фонари, Фей Сетон всегда соответствовала. Она была по-своему дружелюбна, хотя застенчива и чрезмерно щепетильна, и частенько сидела, глядя куда-то вдаль. И тогда вы спрашивали себя, едва ли не с негодованием: да о чем же думает эта девушка?

Ах, то жаркое лето!..

Когда сама вода в реке казалась загустевшей и тягучей на солнце, а с наступлением темноты начинали стрекотать хоры кузнечиков… Наверное, я никогда не забуду то лето.

Будучи девушкой деликатной, Фей Сетон не особенно увлекалась спортом, хотя истинной причиной было ее слабое сердце. Я рассказывал вам о каменном мосте и о разрушенной башне, которую использовали в качестве пляжной кабинки, когда отправлялись купаться. Она ходила купаться всего раз или два — высокая и стройная, рыжие волосы собраны в узел на затылке под резиновой шапочкой, изумительно! — когда Гарри Бруку удавалось ее уговорить. Он катал ее по реке на лодке, водил ее в кино слушать, как господа

Лорел и Харди[6] изъясняются на безупречном французском, он гулял с ней в опасно романтичных рощах Эра и Луары.

Мне было очевидно, что Гарри непременно влюбится в нее. Как вы понимаете, не настолько быстро, как в том восхитительном повествовании Анатоля Франса: «Я вас люблю! Как вас зовут?» Однако это случилось достаточно быстро.

Одним июньским вечером Гарри пришел ко мне в номер в отеле «Гран-Монарх». С родителями он ни за что не стал бы говорить. Зато обрушил свое признание на меня: наверное, ему казалось, я сочувствую ему, потому что я в основном молча покуривал сигару. Я успел приохотить его к чтению наших великих романистов, развивая в нем утонченный вкус, и в какой-то степени, наверное, сыграл роль адвоката дьявола. Его родители были бы недовольны.

В тот вечер он поначалу лишь стоял у окна и вертел пузырек с чернилами на столе, пока не опрокинул его. Но в конце концов он выпалил то, о чем пришел говорить.

«Я от нее без ума, — сказал он. — Я просил ее выйти за меня замуж».

---

[6] Notes: 6

Лорел и Харди — популярная пара британо-американских киноактеров-комиков, расцвет творчества которых пришелся на 1927–1955 годы.

«И что же?» — осведомился я.

«Она не пойдет за меня!» — закричал Гарри, и мне на мгновение показалось, вполне серьезно, что он собирается выпрыгнуть в открытое окно.

Это меня изумило, ее отказ, я имею в виду, а не предполагаемое любовное отчаяние. Потому что я мог бы поклясться, что Фей Сетон не осталась равнодушной, ее тянуло к этому молодому человеку. Я мог бы поклясться в этом, насколько вообще мог расшифровать загадочное выражение ее лица, взгляд этих раскосых голубых глаз, которые не смотрят прямо на тебя, эту ее эфемерную, призрачную отстраненность.

«Может быть, вы как-то неуклюже подошли к делу?»

«Я ничего в этом не смыслю, — сказал Гарри, ударяя кулаком по столу, где до того опрокинул чернила. — Но вчера вечером мы с ней ходили гулять на реку. Там светила луна…»

«Понимаю».

«И я сказал Фей, что люблю ее. Я целовал ее губы и шею, — (ха! а вот это важно отметить!), — пока едва не лишился рассудка. Затем я просил ее выйти за меня. Она побелела, как привидение в лунном свете, и сказала: „Нет, нет, нет!“ — как будто я предложил ей что-то ужасное. А мигом

позже она убежала от меня, скрылась в тени разрушенной башни.

Все время, пока я целовал ее, профессор Риго, Фей стояла окаменевшая, словно статуя. Признаюсь, мне от этого было не по себе. Пусть даже я понимал, что не ровня ей. В общем, я побежал за ней к башне через заросли травы и спросил: может быть, она любит другого? Она едва не ахнула и сказала: нет, конечно же нет. Я спросил: может быть, я ей не нравлюсь? И она призналась, что нравлюсь. Тогда я сказал, что не перестану надеяться. И я *не перестану* надеяться».

Enfin![7]

Вот что рассказал мне Гарри Брук, стоя у окна моего номера в отеле. Это озадачило меня еще сильнее, поскольку эта юная женщина, Фей Сетон, явно была женщиной во всех смыслах этого слова. Я принялся утешать Гарри. Я сказал ему, что он должен набраться храбрости и что, если он проявит должный такт, без сомнений, переубедит ее.

И он ее переубедил. Прошло всего три недели, и Гарри торжествующе объявил — и мне, и родителям, — что он помолвлен и женится на

---

[7] Notes: 7
Словом! *(фр.)*

Фей Сетон.

Если честно, сомневаюсь, что папа Брук и мама Брук были в восторге.

Заметьте себе, не было сказано ни слова против этой девушки. Или против ее семьи, ее происхождения или ее репутации. Нет! В глазах всех она была подходящей партией. Возможно, она была года на три-четыре старше Гарри, но что с того? Вероятно, папа Брук смутно, в британской манере, ощущал нечто унизительное в том, что его сын женится на девушке, которая изначально прибыла сюда в качестве наемного работника. А еще этот брак получался внезапным. Он ошеломил их. Но они все равно были бы довольны только в одном случае — если бы Гарри женился на миллионерше с титулом, да и то когда-нибудь потом, подождав лет до тридцати пяти или сорока, прежде чем покинуть родной дом.

И что им оставалось сказать, кроме: «Благослови вас Господь»?

Мамаша Брук проявила истинно английскую сдержанность, хотя слезы катились по ее лицу. Папаша Брук повел себя с сыном грубовато-благодушно, и сердечно, и по-мужски откровенно, как будто бы Гарри внезапно повзрослел за одну ночь. В паузах папа с мамой приговаривали друг другу

вполголоса: «Наверняка все образуется!» — так можно говорить на похоронах, строя предположения, куда отправится душа усопшего.

Но прошу вас заметить: оба родителя теперь постоянно радовались. Однажды смирившись с мыслью, они начали находить в ней удовольствие. Так ведут себя семьи повсеместно, а в Бруках не было ничего необычного. Папа Брук с нетерпением ждал, когда его сын в полную силу примется за кожевенный бизнес, еще больше прославив марку «Пеллетьер и К°». В конце-то концов, молодожены будут жить дома или хотя бы разумно близко к дому. Это был идеал. Это была лирика. Это была Аркадия.

А потом… трагедия.

Мрачная трагедия, должен сказать вам, такая же непредвиденная и пугающая, как воздействие колдовства.

Профессор Риго умолк.

Он сидел, подавшись вперед и склонив голову набок, упираясь в стол мясистыми локтями, и указательный палец правой руки выразительно ударял по указательному пальцу левой каждый раз, когда он сообщал очередной факт. Он был как лектор. Глаза сияли, лысая голова блестела, даже весьма комичная щеточка усов топорщилась от

ораторского пыла.

— Ха! — сказал он.

Шумно выдохнув через нос, он сел прямо. Толстая трость, прислоненная к бедру, с грохотом упала на пол. Он поднял ее и аккуратно положил на стол. Покопавшись во внутреннем кармане пиджака, он выудил сложенную стопку бумаг, исписанных от руки, и фотографию примерно в половину кабинетного формата.

— Это, — объявил он, — портрет мисс Фей Сетон. Сделан в цвете, и очень даже недурно, моим другом Коко Леграном. А это заметки по этому делу, которые я набросал специально для архива Клуба убийств. Но, прошу вас, взгляните на фото!

Он пододвинул фотографию по столу, сметая заодно крошки.

Нежное лицо, тревожно западающее в память лицо, глядело куда-то за плечо зрителя. Широко расставленные глаза, тонкие брови, короткий нос, полные и довольно чувственные губы, что, впрочем, не вполне гармонировало с изящной и безупречной посадкой головы. В уголках этих губ таилась улыбка. Густые темно-рыжие волосы, гладко зачесанные в узел, казались слишком тяжелыми для такой тонкой шейки.

Дело было не в красоте. Однако же образ волно-

вал воображение. Что-то в глазах — ирония ли, горечь ли, скрытая под мечтательным выражением? — вроде бы одновременно бросало вызов и пыталось скрыться от вас.

— Вот скажите мне! — произнес профессор Риго с горделивым удовлетворением человека, которому кое-что известно. — Видите ли вы в ее лице что-нибудь порочное?

Глава третья

— Порочное? — эхом отозвалась Барбара Морелл.

Жорж Антуан Риго как будто весь дрожал от переполнявшего его радостного возбуждения.

— Именно, именно, именно! Почему же я назвал ее крайне опасной женщиной?

Мисс Морелл, несмотря на слегка надменное выражение лица, все это время была совершенно поглощена его рассказом. Раз или два она бросала взгляд на Майлза, словно собираясь заговорить. Она наблюдала за профессором Риго, когда он взял с края блюдечка свою потухшую сигару, с торжествующим видом затянулся и положил обратно.

— Боюсь… — неожиданно ее голос зазвенел, словно все это каким-то образом касалось ее лично, — боюсь, мы должны вернуться к вопросу об определениях. Что вы подразумеваете под словом «опасная»? Настолько привлекательная, что… ну, скажем, кружила головы всем мужчинам, какие встречались ей на пути?

— Нет! — ответил профессор Риго с жаром.

И снова хмыкнул. — Я признаю, заметьте, — поспешно прибавил он, — что дело могло быть и в этом. Только взгляните на фотографию! Но я имел в виду совершенно другое.

— В таком случае в каком смысле опасная? — не сдавалась Барбара Морелл, и ее серые глаза заблестели от напряжения, даже легкого гнева. Следующий вопрос она выпалила, как будто бросая ему вызов: — Вы хотите сказать, она преступница?

— Ну, милая моя! Нет, нет, нет!

— В таком случае авантюристка? — Барбара стукнула ладонью по краю стола. — Какая-нибудь там возмутительница спокойствия? — воскликнула она. — Злонамеренная? Или коварная? Или интриганка?

— Говорю вам, — заявил профессор Риго, — что Фей Сетон вовсе не такая. Прошу меня простить, если я, старый циник, продолжаю утверждать, что она, на свой пуританский манер, была и мягкой, и добросердечной.

— Тогда что же остается?

— А вот то, что остается, мадмуазель, и есть истинный ответ на загадку. Загадку гнусных слухов, которые начали расползаться по Шартру и окрестностям. Загадку, почему наш здравомыс-

лящий и консервативный мистер Ховард Брук, ее предполагаемый свекор, во всеуслышание проклинал ее в таком людном месте, как банк «Лионский кредит»…

Барбара издала какой-то невнятный звук, выражавший то ли недоверие, то ли презрение, либо отказываясь принимать это на веру, либо отмахиваясь, как от вовсе неважного момента. Профессор Риго подмигнул ей:

— Вы сомневаетесь в моих словах, мадмуазель?

— Нет! Ни в коем случае! — Она раскраснелась. — *Мне-то* откуда об этом знать?

— А вы, мистер Хаммонд, *вы* почти ничего не говорите?

— Да, — рассеянно отозвался Майлз. — Я тут…

— Смотрите на фотографию?

— Да. Смотрю на фотографию.

Профессор Риго широко распахнул глаза от восторга:

— И вы под впечатлением, а?

— Есть в этом что-то завораживающее, — признал Майлз, проводя рукой по лбу. — Эти глаза на портрете! И еще поворот головы. Будь она неладна, эта фотография!

Он, Майлз Хаммонд, был человек уставший,

лишь недавно оправившийся после долгой болезни. Он хотел покоя. Он хотел жить в уединении в своем Нью-Форесте, среди старых книг, только с сестрой, которая будет вести его хозяйство, пока не выйдет замуж. Он вовсе не хотел, чтобы что-то будоражило его воображение. Однако же он сидел, уставившись на фотографию, таращился на нее в свете свечей, пока все оттенки не начали расплываться, а профессор Риго продолжал свой рассказ:

— Эти слухи о Фей Сетон…

— Какие слухи? — резко спросила Барбара.

Профессор Риго деликатно пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Лично я, слепой крот, глухой пень, ничего не слышал. Гарри Брук и Фей Сетон объявили о помолвке в середине июля. А теперь я должен рассказать вам о том, что произошло двенадцатого августа.

В тот день, который для меня был самым обычным днем, я писал критическую статью для *«Revue des Deux Mondes».* Все утро я работал в своем прекрасном гостиничном номере, как и целую неделю до того. Однако после обеда я отправился на площадь Дезепар, чтобы подстричься. И пока я сидел у парикмахера, я подумал: надо же за-

скочить в «Лионский кредит» и обналичить чек, пока банк не закрылся.

Было очень тепло. Все утро висели тяжелые темные тучи, время от времени где-то вдалеке едва слышно громыхало, изредка брызгая дождем. Но дальше слабой мороси дело не шло, никаких ливней, ничего, способного освежить и успокоить. В общем, я отправился в «Лионский кредит». И первый, кого я там увидел, был мистер Ховард Брук, выходивший из кабинета управляющего.

Странно?

Да, еще как странно! Я-то был уверен, что он сидит у себя в конторе, он, такой ответственный господин.

Мистер Брук поглядел на меня как-то странно. Он был в плаще и твидовом кепи. На левой руке у него висела трость с загнутой ручкой, в правой он нес старый портфель из черной кожи. Мне даже тогда показалось, что его светло-голубые глаза как-то необычно слезятся, а еще я заметил то, чего не замечал прежде: у такого упитанного человека кожа под подбородком провисла.

«Дорогой мой Брук! — сказал я и едва ли не насильно пожал ему руку. Его ладонь была совсем вялой. — Мой дорогой Брук, — продолжал я, — какая неожиданная радость! Как у вас дела

дома? Как поживает ваша милая жена, и Гарри, и Фей Сетон?»

«Фей Сетон? — повторил он. — Будь проклята Фей Сетон!»

«Уф!»

Он говорил по-английски, однако так громко, что люди в банке начали оборачиваться. Он вспыхнул от смущения, этот добрый человек, однако он был настолько взбудоражен, что на самом деле, кажется, ему было все равно. Он увлек меня на улицу перед банком, где нас никто уже не слышал. Затем открыл портфель и показал мне.

Внутри лежали только четыре тонкие пачки английских банкнот. В каждой пачке по двадцать пять двадцатифунтовых бумажек, всего две тысячи фунтов.

«Пришлось посылать за ними в Париж, — пояснил он, и руки у него при этом дрожали. — Я просто подумал, что английские деньги покажутся большим искушением. Если Гарри не порвет с этой женщиной, мне придется просто откупиться от нее. А теперь прошу меня извинить».

Он расправил плечи, защелкнул свой портфель и пошел прочь от банка, больше не сказав ни слова.

Друзья мои, вас когда-нибудь били со всей си-

лы в живот? Так, что перед глазами все плывет, желудок подскакивает к горлу и вам внезапно кажется, что вы резиновая игрушка, которую сильно сжали? Вот именно так я почувствовал себя тогда. Я забыл о своем чеке. Я забыл обо всем. Я пошел обратно к себе в отель под моросящим дождем, от которого сделались черными и скользкими булыжники площади Дезепар.

Однако работать дальше, как оказалось, я не мог. Примерно через полчаса, в четверть четвертого, зазвонил телефон. Я предполагал, кто это может быть, хотя и не подозревал, по какому поводу. Это была мамаша Брук, миссис Джорджина Брук, и она сказала: «Ради бога, профессор Риго, немедленно приезжайте к нам».

На этот раз, друзья мои, я был более чем взволнован.

На этот раз я был не на шутку перепуган, и откровенно в этом признаюсь!

Я выгнал свой «форд» и понесся к их дому во весь опор, ведя машину даже хуже обычного. Дождь так толком и не пошел, бреши в этом накрывшем нас облачном одеяле не пробило, лишь громыхало впустую. Когда я доехал до Борегара, дом показался мне заброшенным. Я вошел в прихожую внизу и громко позвал хозяев, но

никто не ответил. Тогда я прошел в гостиную, где застал мамашу Брук, она сидела на диване прямо, словно аршин проглотила, и предпринимала героические усилия, чтобы никакие чувства не отражались у нее на лице, однако в руке она сжимала мокрый носовой платок.

«Мадам, — сказал я ей, — что случилось? Что такое происходит между вашим добрым супругом и мисс Сетон?»

И она разрыдалась при мне, потому что больше ей было некому пожаловаться.

«Я не знаю! — сказала она, и было ясно, что это правда. — Ховард ничего мне не объясняет. Гарри утверждает, что все это ерунда — что бы там ни было, — но он тоже ничего мне не объясняет. Все теперь стало каким-то нереальным. Всего два дня назад…»

Всего два дня назад, как оказалось, произошло шокирующее и необъяснимое событие.

Рядом с Борегаром, у главной дороги на Ле-Ман, жил фермер по имени Жюль Фреснак, который снабжал Бруков яйцами и свежими овощами. У Жюля Фреснака было двое детей — дочка семнадцати лет и шестнадцатилетний сын, — к которым Фей Сетон была очень добра, так что все семейство ее обожало. Но вот двумя днями рань-

ше Фей Сетон столкнулась с Жюлем Фреснаком, когда он ехал на телеге по дороге, по белой дороге, обрамленной по обеим сторонам высокими деревьями и пшеничными полями. Жюль Фреснак слез со своей телеги, его лицо налилось кровью и раздулось от ярости, и он принялся орать на нее, пока она не закрыла глаза рукой.

Все это видела горничная мамаши Брук, Алиса. Алиса находилась слишком далеко, чтобы понять, о чем шла речь, кроме того, голос фермера так хрипел от негодования, что слов было почти не разобрать. Однако, когда Фей Сетон развернулась, чтобы спешно уйти, Жюль Фреснак поднял камень и запустил ей вслед.

Хорошенькая история, а?

Вот об этом мне и рассказала мамаша Брук, беспомощно разводя руками, сидя на диване в гостиной.

«И вот теперь, — сказала она, — Ховард отправился в ту башню, в башню Генриха Четвертого, чтобы встретиться с бедняжкой Фей. Профессор Риго, вы должны нам помочь. Вы должны что-то предпринять».

«Но, мадам! Что же я могу сделать?»

«Понятия не имею, — ответила она; когда-то она, наверное, была красоткой. — Но вот-вот

случится что-то ужасное! Я это чувствую!»

Мистер Брук, как оказалось, вернулся из банка в три часа со своим портфелем, полным денег. Он сказал жене, что намерен, по его собственным словам, поговорить с Фей Сетон начистоту и что он условился встретиться с ней на башне в четыре часа.

Затем он спросил мамашу Брук, где Гарри, потому что, сказал он, ему хотелось бы, чтобы Гарри присутствовал при этом разговоре. Она ответила, что Гарри наверху, у себя в комнате, пишет какое-то письмо, и отец поднялся к нему. Гарри он не застал — на самом деле тот уже возился в гараже с мотором — и потому спустился обратно. «Он выглядел таким *жалким,* — сказала мамаша Брук, — и таким постаревшим и брел медленно, словно больной». Вот таким папаша Брук вышел из дома, направляясь к башне.

Всего пять минут спустя Гарри вернулся из гаража и сам спросил, где отец. Мамаша Брук ответила, уже пребывая на грани истерики. Гарри минуту стоял, о чем-то размышляя и бормоча себе под нос, а потом уже *он* вышел из дома, направляясь к башне Генриха Четвертого. Все это время Фей Сетон отсутствовала.

«Профессор Риго, — рыдала мамаша, — вы

должны пойти за ними и что-то предпринять. Вы наш единственный друг здесь, и вы должны пойти туда!»

Работенка для старого дядюшки Риго, а?

Ничего себе!

И вот я отправился за ними.

Когда я вышел из дома, громыхнул гром, но настоящего дождя по-прежнему не было. Я двинулся на север по восточному берегу реки, пока не добрался до каменного моста. Тут я перешел на западный берег. Башня стояла на этом берегу, возвышаясь немного поодаль.

Надо сказать, она выглядит вполне себе заброшенной, когда шагаешь по старым обломкам почерневших камней, — разрушенная пожаром, заросшая травой у основания, — только и оставшихся от первоначального строения. Вход в башню всего лишь круглая арка, прорезанная в стене. Этот дверной проем выходит на запад, в противоположную от реки сторону, на травянистую поляну и рощу каштанов позади нее. Пока я шел, небо продолжало темнеть и ветер задувал все сильнее.

В дверном проеме, глядя на меня, стояла Фей Сетон.

Фей Сетон, в платье из тонкого шелка в цвето-

чек, с голыми ногами в белых кожаных босоножках. Через руку у нее был переброшен купальник, полотенце и купальная шапочка, однако она точно не купалась, потому что ни пряди ее блестящих темно-рыжих волос не намокло и не выбилось из прически. Она дышала медленно и тяжело.

«Мадмуазель, — сказал я ей, не вполне понимая, что делать дальше, — я ищу Гарри Брука и его отца».

Секунд пять, которые показались очень долгими, она не отвечала.

«Они здесь, — сказала она мне. — Наверху. На крыше башни. — Внезапно в ее глазах (могу в этом поклясться!) промелькнуло какое-то ужасное воспоминание. — Они там, похоже, ссорятся. Полагаю, мне сейчас не стоит вмешиваться. Прошу меня извинить».

«Но, мадмуазель…»

«Простите, пожалуйста».

Затем она ушла, отворачивая от меня лицо. Первые капли дождя клюнули гнувшуюся под ветром траву, за ними последовали еще.

Я сунул голову в дверной проем. Как я уже говорил, эта башня, по сути, лишь каменная оболочка, по стене которой тянется каменная же винтовая

лестница, ведущая к квадратному отверстию, через которое попадаешь на плоскую крышу. Внутри пахло древностью и рекой. И там было пусто, совершенно голо, если не считать пары деревянных скамеек и сломанного стула. Благодаря высоким узким окнам вдоль лестницы света хватало, впрочем, на тот момент небо снаружи полыхало, обещая сильную грозу.

Сверху доносились сердитые голоса. Слов я не различал. Я окликнул их, мой голос отдался гулким эхом в этом каменном стакане, и их голоса моментально умолкли.

И вот я затопал наверх по этой спиральной лестнице — головокружительное предприятие, особенно трудное для того, кто страдает одышкой, — и протиснулся через квадратное отверстие на крышу.

Гарри Брук с отцом стояли лицом друг к другу на круглой каменной площадке с высоким парапетом, возносящейся над деревьями. Отец, все еще в плаще и твидовом кепи, непримиримо стискивал губы. Сын о чем-то умолял его. Гарри был без шляпы и плаща, в вельветовом костюме, и развевавшийся на ветру галстук подчеркивал его душевное состояние. Оба были бледными и взвинченными, но оба, кажется, испытали облег-

чение оттого, что их прервал я.

«Вот что я скажу вам, сэр!..» — начал Гарри.

«В последний раз говорю, — произнес мистер Брук холодным, сдержанным тоном, — дашь ты мне разобраться с этим делом так, как я считаю нужным? Профессор Риго!»

«Да, мой дорогой друг?»

«Не могли бы вы увести отсюда моего сына, пока я не улажу кое-что должным образом?»

«Увести его куда?»

«Уведите его куда угодно», — ответил мистер Брук и повернулся к нам спиной.

Украдкой поглядев на часы, я отметил, что было без десяти минут четыре. Мистер Брук должен встретиться с Фей Сетон в четыре, и он намеревался дождаться ее. Гарри был повержен и опустошен, это бросалось в глаза. Я ничего не сказал о том, что минуту назад повстречал мисс Фей, поскольку мне хотелось притушить пожар, а не раздувать его. Гарри позволил мне свести его вниз по лестнице.

Теперь я хочу, чтобы вы представили — и как можно яснее! — что мы видели последним, уходя.

Мистер Брук стоял у парапета, бескомпромиссно повернувшись к нам спиной. По одну сторону

от него стояла, прислоненная к парапету, трость из светло-желтой древесины. По другую сторону, так же приваленный к парапету, лежал раздутый портфель. Этот парапет, высотой по грудь, тянется по всей окружности башни, каменные зубцы, сломанные, крошащиеся, исчерчены беловатыми иероглифами — инициалами тех, кто поднимался сюда.

Это понятно? Отлично!

Я свел Гарри вниз. Увлек его через травянистую лужайку под сень большой каштановой рощи, раскинувшейся на запад и на север от башни. Поскольку дождь поливал уже ощутимо, а никакого другого укрытия поблизости не имелось. И там, где было почти темно, среди шороха и биения листьев, мной овладело болезненное любопытство. Я умолял Гарри, как его друг и в некотором смысле наставник, рассказать мне, в чем суть всех этих претензий к Фей Сетон.

Сначала он едва слушал меня. Он то и дело сжимал и разжимал кулаки, этот миловидный и психологически еще такой незрелый юноша, отвечая, что все слишком нелепо, чтобы вообще об этом говорить.

«Гарри, — сказал дядюшка Риго, выразительно воздев указательный палец, вот так. — Гарри, я

много говорил с тобой о французской литературе. Я говорил с тобой о криминалистике и оккультизме. Я охватил широкое поле человеческого опыта. И я скажу тебе: больше всего бед в мире случается из-за разных нелепостей, о которых не стоит и говорить».

Он быстро посмотрел на меня какими-то странными, скорбными и сияющими, глазами.

«Слышали ли вы когда-нибудь, — спросил он, — о Жюле Фреснаке, фермере?»

«Твоя мать упоминала о нем, — сказал я, — но я пока еще понятия не имею, что не так с Жюлем Фреснаком».

«У Жюля Фреснака, — сказал Гарри, — есть сын шестнадцати лет».

«И что же?»

Именно в этот момент — в сумеречном лесу, со стороны башни — раздался детский крик.

Да-да: *детский* крик.

Признаюсь, он напугал меня так, что волосы зашевелились на голове. Дождевая капля проскользнула сквозь густую листву и шлепнулась мне на лысину, и я подскочил как ужаленный. Ведь я уже поздравлял себя с тем, что беду удалось отвести: Ховард Брук, Гарри Брук и Фей Сетон были на данный момент разделены, а эти три

элемента не представляли опасности, пока не сходились все вместе. И вот теперь…

Крик доносился со стороны башни. Мы с Гарри выскочили из леса на открытое, поросшее травой пространство с башней и излучиной реки перед нами. Все это открытое пространство теперь как будто было полно людей.

Скоро мы узнали, что́ успело произойти.

Под покровом леса уже полчаса как находилась пришедшая на пикник компания, состоявшая из месье и мадам Ламберт, их племянницы, их невестки и четырех детей возрастом от девяти до четырнадцати лет.

Как истинные французы, собравшиеся на пикник, они не позволили погоде сорвать их планы в намеченный день. Земли, конечно, были частной территорией. Но во Франции частная собственность значит не так много, как в Англии. Понимая, что мистер Брук может рассердиться, если узнает о нарушителях, они не показывались, пока не увидели, как из башни сначала уходит Фей Сетон, а затем мы с Гарри. Они рассудили, что горизонт чист. Дети выбежали на лужайку, тогда как месье и мадам Ламберт присели под каштанами, чтобы разгрузить корзину для пикника.

Двое младших детей отправились исследовать

башню. Когда мы с Гарри выбежали из леса, я увидел маленькую девочку, которая стояла в дверном проеме башни, тыча пальцем наверх. И услышал ее голос, дрожащий и пронзительный:

«Папа! Папа! Папа! Там наверху человек весь в крови!»

Вот что она кричала.

Не могу сказать, что говорили или делали в этот момент остальные. Но я помню, как дети испуганно смотрели на родителей, а сине-белый мячик прокатился по лужайке и с плеском шлепнулся в реку. Я двинулся к башне, стараясь не бежать. Поднялся по винтовой лестнице. Какая-то странная, дикая, причудливая мысль посетила меня, пока я шел: было так бестактно предлагать мисс Фей Сетон, с ее-то слабым сердцем, карабкаться по всем этим ступеням.

А потом я выбрался на крышу, где дул свежий ветер.

Мистер Ховард Брук — еще живой, еще шевелившийся — лежал ничком посредине площадки. Спина его плаща промокла и напиталась кровью, и дырка в полдюйма зияла там, где ему сзади, под левую лопатку, вонзилось лезвие.

Я до сих пор не упоминал, что его собственная трость, трость, которую он постоянно носил с

собой, на самом деле была с клинком. И теперь она валялась, разобранная на две части, по обеим сторонам от него. Часть с ручкой и с длинным заостренным лезвием, запачканным кровью, лежала прямо под его правым ботинком. Деревянный футляр откатился и остановился под самым парапетом на противоположной стороне башни. И портфель с двумя тысячами фунтов исчез.

Все это я видел как будто в дымке, пока семейство Ламберт вопило внизу. На часах было шесть минут пятого, я заметил это не для полиции, а потому, что мне хотелось знать, сдержала ли Фей Сетон свое обещание прийти.

Я подбежал к мистеру Бруку и поднял его, усаживая. Он улыбнулся мне и попытался заговорить, но все, что сумел произнести: «Скверное шоу». Гарри присоединился ко мне, хотя толку от Гарри не было никакого. Он спросил: «Папа, кто это сделал?» — но старик уже не мог говорить. Спустя несколько минут он умер на руках у сына, цепляясь за Гарри так, словно сам был ребенком.

Здесь профессор Риго сделал в своем повествовании паузу.

С виноватым видом он опустил голову и уставился на обеденный стол, схватившись за его края широко раскинутыми толстыми руками.

Все долго молчали, пока он не встрепенулся с досадой.

И прибавил с особой настойчивостью:

— Прошу вас, как следует запомните, что я вам рассказал!

Мы *знаем,* что мистер Ховард Брук был цел и невредим, совершенно здоров, когда я оставил его одного на верхней площадке башни без десяти четыре.

Исходя из этого, тот, кто его убил, должен был подняться на башню. И этот человек, дождавшись, когда мистер Брук повернется к нему спиной, вероятно, выдернул клинок из трости и проткнул им свою жертву. Действительно, полиция обнаружила, что несколько фрагментов крошащегося камня выпали из одного сломанного зубца стены со стороны реки, как будто чьи-то пальцы вырвали его, цепляясь. И это должно было случиться во временной промежуток от без десяти четыре до пяти минут пятого, когда двое детей обнаружили Брука уже умирающим.

Отлично! Великолепно! Установлено!

Профессор Риго рывком передвинул стул вперед.

— Однако же убедительно доказано, — подытожил он, — что в этот промежуток времени к нему

не приближалась ни одна живая душа.

Глава четвертая

— Вы услышали, что я сказал? — настойчиво спросил Риго, быстро прищелкнув пальцами, чтобы привлечь внимание.

На этих словах Майлз Хаммонд очнулся.

Для любого человека с воображением, подумал он, это повествование толстенького маленького профессора — со всеми его звуками, запахами и такими зримыми подробностями — создает иллюзию живого присутствия. На какой-то миг Майлз забыл, что сидит на верхнем этаже ресторана «Белтринг», рядом с догорающими свечами и окнами, которые выходят на Ромилли-стрит. Какой-то миг он жил среди звуков, запахов и зрительных образов этой истории, так что шепот дождя на Ромилли-стрит сделался дождем над башней Генриха Четвертого.

Он понял, что восприятие его обострилось, а сам он с волнением сопереживает некоторым героям этой истории. Ему понравился мистер Ховард Брук, понравился, вызвал уважение и симпатию, словно бы этот человек был его другом. И кто бы ни *убил* старика…

И все это время загадочный взгляд Фей Сетон обращался к нему с раскрашенной фотографии, лежавшей сейчас на столе, еще сильнее будоража воображение.

— Я прошу прощения, — начал Майлз, резко очнувшись от щелчка пальцев профессора Риго. — Э… вы не могли бы повторить последнюю фразу?

Профессор Риго издал свой сардонический смешок.

— С удовольствием, — отозвался он любезно. — Я сказал, есть доказательства, что ни одна живая душа не приближалась к мистеру Бруку в эти фатальные пятнадцать минут.

— Не приближалась к нему?

— Или не могла приблизиться к нему. Он был совершенно один на вершине башни.

Майлз сел прямо.

— Давайте-ка рассмотрим это подробнее! — воскликнул он. — Его же *закололи*?

— Его закололи, — подтвердил профессор Риго. — И я могу не без гордости, прямо сейчас, продемонстрировать орудие убийства.

Он с напускной скромностью протянул руку к толстой трости из светло-желтой древесины, которая на протяжении всего ужина так и стояла

рядом с ним и которую он теперь прислонил к краю стола.

— Это же, — воскликнула Барбара Морелл, — это?..

— Да. Это принадлежало мистеру Бруку. Кажется, я намекнул мадмуазель, что коллекционирую подобные предметы. Красиво, не правда ли?

Театральным жестом, подняв трость обеими руками, профессор Риго открутил загнутую ручку. Он вытянул длинное и тонкое стальное лезвие, заостренное на конце, недобро сверкнувшее в свете свечей, и почтительно опустил его на стол. Однако же в клинке не было живого блеска, его не чистили и не полировали несколько лет, и Майлз увидел, когда он лег на край фотографии Фей Сетон, засохшие пятна цвета темной ржавчины.

— Красота, а? — повторил профессор Риго. — Кровавые пятна есть и внутри трости, вы увидите, если поднесете поближе к глазам.

Барбара Морелл резко отодвинула стул, вскочила на ноги и попятилась.

— Какого черта, — выкрикнула она, — вы притащили это сюда? Да еще и восхищаетесь?

Брови славного профессора изумленно взлетели.

— Мадемуазель это не нравится?

— Нет. Прошу вас, уберите. Это… это же омерзительно!

— Но разве мадемуазель не должна любить подобные вещи? Ведь иначе она не стала бы гостьей Клуба убийств?

— Да. Да, конечно! — торопливо исправилась она. — Только…

— Только — что? — переспросил профессор Риго негромко и с интересом.

Майлз, и сам заинтересованный, смотрел на нее, пока она стояла, схватившись за спинку стула.

Раз или два за ужин он замечал, как она впивается взглядом в него самого. Однако в основном она пристально смотрела на профессора Риго. Должно быть, она лихорадочно курила на протяжении всего его рассказа — Майлз только что заметил не меньше полудюжины окурков на ее кофейном блюдце. А в какой-то момент, когда профессор дошел до сцены, в которой Жюль Фреснак поносил Фей Сетон на чем свет стоит, она наклонилась, как будто поднимая что-то из-под стола.

Такая живая, невысокая фигурка — наверное, это белое платье делало ее похожей на маленькую девочку, — Барбара стояла, водя пальцами

по спинке стула.

— Да, да, да? — продолжал добиваться ответа профессор Риго. — Вас весьма интересуют подобные вещи. Только?..

Барбара выдавила из себя смешок.

— Ладно! — сказала она. — Не стоит делать преступление *слишком* реалистичным. Любой писатель вам это подтвердит.

— А вы пишете, мадемуазель?

— Нет… не совсем. — Она снова засмеялась, стараясь взмахом руки отвлечься уже от этой темы. — Как бы там ни было, — торопливо прибавила она, — вы говорите, что кто-то убил мистера Брука. Кто же его убил? Это была… Фей Сетон?

Повисла пауза, пауза слегка напряженная, наконец профессор Риго посмотрел на собеседницу так, словно пытался прийти к какому-то выводу. Затем он хмыкнул.

— Какие основания у вас делать подобные предположения, мадемуазель? Разве я не сказал вам, что эта леди вовсе не была преступницей в общепринятом смысле?

— О! — воскликнула Барбара Морелл. — В таком случае все в порядке.

И она снова пододвинула свой стул и села, пока Майлз пристально смотрел на нее.

— Если вы считаете, что все в порядке, мисс Морелл, то я не могу согласиться. По словам профессора Риго, никто за все время не приближался к жертве…

— Именно! И я повторю свое утверждение!

— Как же вы можете быть в этом уверены?

— Помимо прочего, имеются свидетели.

— Какие же?

Бросив быстрый взгляд на Барбару, профессор Риго с нежностью взял со стола клинок. Он поместил его в трость-ножны, крепко прикрутил ручку на место и снова аккуратно поставил трость, прислонив к столу.

— Вероятно, вы согласитесь, друг мой, что я человек наблюдательный?

Майлз улыбнулся:

— Соглашусь без возражений.

— Прекрасно! В таком случае я покажу вам.

Профессор Риго проиллюстрировал следующие свои доводы, снова утвердив локти на столе, подняв руки и постукивая указательным пальцем правой руки по указательному пальцу левой, при этом его внимательные сияющие глаза находились настолько близко к рукам, что едва не съезжались к носу.

— Прежде всего, я и сам могу подтвердить, что

ни в башне, ни на ней — прятаться там негде — не было никого и мы оставили мистера Брука одного. Подобная идея просто абсурдна! Эта башня как пустой кувшин! Я сам видел! И то же самое можно сказать, когда я вернулся в пять минут пятого. Могу поклясться, что никакой убийца не проскочил внутрь, чтобы затем бежать оттуда.

Далее, что случилось, как только мы с Гарри ушли? Открытое, поросшее травой пространство, обступающее башню со всех сторон, за исключением одного узкого места, где башня нависает над рекой, мгновенно заполонило семейство из восьми человек: месье и мадам Ламберт, их племянница, их невестка и четверо детей.

Я, слава богу, холостяк.

Эти люди буквально захватили открытое пространство. Они его заполнили благодаря одной своей многочисленности. Папаша с мамашей — со стороны входа на лужайку. Племянница и старший ребенок прогуливаются вокруг башни, рассматривая ее снаружи. Двое младших уже на самом деле *внутри*. И все уверяют, что никто больше не входил и не выходил из башни за это время.

Майлз открыл рот, чтобы запротестовать, но профессор Риго перебил его раньше, чем он успел

заговорить.

— Да, правда, — признал профессор, — все эти люди ничего не могут сказать о той стороне башни, которая выходит на реку.

— Ага! — сказал Майлз. — Значит, с той стороны никаких свидетелей нет?

— Увы, нет.

— В таком случае все довольно очевидно, разве не так? Вы совсем недавно сказали нам, что на одном из зубцов парапета, со стороны реки, были выкрошившиеся камни, как будто за край цеплялись чьи-то пальцы, когда кто-то взбирался наверх. Убийца, должно быть, поднялся со стороны реки.

— Примите во внимание, — произнес профессор Риго с нажимом, — недостатки этой версии.

— Какие же недостатки?

Профессор принялся перечислять, ставя в воздухе галочку указательным пальцем:

— Ни одна лодка не приближалась к башне, иначе ее заметили бы. Камни этой башни, в сорок футов высотой, гладкие, как только что выловленная рыбина. Нижнее окно (замеры сделала полиция) находится на высоте двадцати пяти футов над водой. И как же ваш убийца вскарабкался на стену, убил мистера Брука и снова спустился?

Последовало долгое молчание.

— Но, черт побери, дело-то *было* сделано! — возмутился Майлз. — Вы же не станете утверждать, будто преступление совершено…

— Кем же?

Вопрос был задан так быстро, а сам профессор Риго при этом опустил руки и подался вперед, отчего Майлз ощутил странный и тревожный трепет. Ему показалось, профессор Риго пытается подсказать ему что-то, старается навести его на след, старается подтолкнуть его, не теряя при этом своей сардонической веселости.

— Я хотел сказать, — ответил Майлз, — не могло же какое-то сверхъестественное существо воспарить в воздух.

— Как любопытно, что вы выбрали именно эти слова! До крайности интересно!

— Вы разрешите мне прервать вас на минутку? — спросила Барбара, теребя скатерть. — В конце концов, самое главное касается… касается Фей Сетон. Мне кажется, вы сказали, у нее была назначена встреча с мистером Бруком на четыре часа. Она в итоге пришла на эту встречу?

— Ее, по меньшей мере, не видели там.

— Так она *пришла* на встречу, профессор Риго?

— Она пришла уже после, мадемуазель. Когда

все уже произошло.

— В таком случае чем она занималась все это время?

— Ага! — вырвалось у профессора Риго с таким облегчением, что оба его слушателя почти с испугом ждали продолжения. — Вот теперь мы подобрались!

— Подобрались к чему?

— К самой завораживающей части этой тайны. Загадка, кем заколот человек, оставшийся один, — профессор Риго надул и сдул щеки, — любопытна, да. Но для меня в этом деле гораздо интереснее не материальные улики, подобные яркой маленькой коробочке-головоломке, где все фишки пронумерованы и разного цвета. Нет! Для меня самое интересное заключено в образе мыслей, в человеческом поведении, если хотите, в человеческой душе. — Голос его зазвучал резче. — К примеру, Фей Сетон. Опишите мне, если сможете, ее образ мыслей и душу.

— Нам было бы проще, — заметил Майлз, — если бы мы знали, что она сделала такого, чтобы настолько потрясти окружающих, заставив их переменить мнение о ней. Прошу прощения, но… вам же известно, что это было?

— Да, — прозвучал отрывистый ответ. — Из-

вестно.

— И где она находилась в момент убийства, — продолжал Майлз, пока вопросы вскипали в голове. — И что решила полиция по поводу ее роли во всем этом деле. И чем закончились ее романтические отношения с Гарри Бруком. В общем, в двух словах, окончание истории!

Профессор Риго кивнул.

— Я вам расскажу, — пообещал он. — Но прежде всего… — как истинный гурман, он, лучезарно улыбаясь, заставил их томиться в предвкушении, — мы должны чего-нибудь выпить. У меня в глотке сухо, как в пустыне. И вам тоже это не повредит. — Он возвысил голос: — Официант!

После паузы он крикнул еще раз. Его голос заполнил комнаты, кажется, даже сотряс гравюру с черепом, висевшую над каминной полкой, и заставил пламя свечей медленно изогнуться, однако ответа они не получили. Ночь за окнами была уже непроницаемо черной, и журчало так, словно там шел проливной дождь.

— Ах, черт! — вспылил профессор Риго и принялся озираться в поисках колокольчика.

— По правде говоря, — рискнула заметить Барбара, — я несколько удивлена, что нас не выставили отсюда уже давным-давно. Похоже, Клуб

убийств очень здесь ценят. Сейчас, должно быть, часов одиннадцать!

— Сейчас *действительно* почти одиннадцать, — профессор Риго, клокоча от негодования, сверился со своими часами. Затем он вскочил с места. — Умоляю, мадемуазель, ни в коем случае не утруждайтесь! И вы тоже, друг мой! Я *сам* найду официанта.

Двойные двери, ведущие в переднюю комнату, сомкнулись за ним, снова всколыхнув пламя свечей. Когда Майлз машинально поднялся, собираясь его опередить, Барбара протянула руку и коснулась его плеча. Ее глаза, такие дружелюбные и сочувственные серые глаза под гладким лбом и пепельными волосами, безмолвно, но ясно говорили, что она хочет о чем-то спросить его наедине.

Майлз сел обратно.

— Да, мисс Морелл?

Она быстро отдернула руку.

— Я… я, честно говоря, не знаю, как начать.

— В таком случае, может быть, начать мне? — предложил Майлз, улыбаясь терпеливо и кривовато, что настраивает на доверительный лад.

— Что вы имеете в виду?

— Я не хочу совать нос не в свое дело, мисс

Морелл. И все это строго между нами. Однако за сегодняшний вечер мне пару раз бросилось в глаза, что вас гораздо больше интересует это конкретное дело Фей Сетон, чем собственно Клуб убийств.

— Что вас заставило так подумать?

— А разе я не прав? Профессор Риго тоже заметил.

— Да. Все так. — Она ответила после некоторого колебания, с жаром кивая, а затем отвернулась от него. — Именно поэтому я должна объясниться. И я хочу вам объяснить. Но прежде чем сделать это… — она снова повернулась к нему лицом, — могу я задать вам ужасно бестактный вопрос? *Я* тоже не хочу совать нос не в свое дело, действительно не хочу, но можно я спрошу вас?

— Конечно. Что вас интересует?

Барбара постучала по фотографии Фей Сетон, лежавшей между ними рядом со сложенной стопкой исписанных от руки листов.

— Вы же зачарованы, верно? — спросила она.

— Ну… да. Подозреваю, что так и есть.

— И вы задаетесь вопросом, — продолжала Барбара, — а каково это — быть влюбленным в нее?

Если ее первое замечание привело его в легкое замешательство, то второе совершенно ошело-

мило.

— Вы что, умеете читать мысли, мисс Морелл?

— Простите! Но разве это не правда?

— Нет! Подождите! Хватит! Это заходит уже слишком далеко!

Фотография *в самом деле* воздействовала гипнотически, положа руку на сердце, он не стал бы этого отрицать. Но причиной было любопытство, притягательная сила загадки. Майлза всегда занимали подобные истории, обычно романтические и с трагичным концом, в которых какой-нибудь бедолага влюбляется в женский портрет. Подобное случалось и в реальной жизни, конечно, однако никак не умаляло его недоверия. Да и в любом случае здесь подобный вопрос был неуместен.

Он мог бы посмеяться над Барбарой за ее серьезность.

— Как бы там ни было, — продолжал он, — но чем вызван такой вопрос?

— Тем, что вы сказали сегодня вечером. Прошу, не пытайтесь вспомнить, что это было! — Ироническая насмешка, вступившая в противоречие со светившейся в глазах улыбкой, чуть искривила рот Барбары. — Вероятно, я просто устала и мне мерещится всякое. Забудьте, что я это говорила!

Только…

— Видите ли, мисс Морелл, я историк.

— Вот как? — В ее тоне мгновенно отразилось сочувствие.

Майлз немного сконфузился.

— Боюсь, это прозвучит сейчас несколько высокопарно. Но подобное случается, надо отдать должное, хотя и крайне редко. Моя работа, мир, в котором я живу, наполнены людьми, мне не знакомыми. Попытками представить их себе, попытками понять многих мужчин и женщин, которые обратились в прах еще до моего рождения. Что до этой Фей Сетон…

— Она наделена удивительным очарованием, правда? — Барбара показала на фотографию.

— В самом деле? — холодно переспросил Майлз. — Работа, конечно, недурная. Раскрашенные фотографии обычно вызывают отвращение. В любом случае, — он яростно цеплялся за предмет их разговора, — эта женщина не более реальна, чем Агнесса Сорель или… или Памела Хойт. Мы ничего о ней не знаем. — Он помолчал, встревоженный. — Если подумать, мы не услышали даже, жива ли она до сих пор.

— Да, — медленно согласилась девушка. — Да, мы не услышали даже этого.

Барбара медленно поднялась, проведя по столу костяшками пальцев, словно смахивала что-то. Затем сделала глубокий вдох.

— Могу лишь еще раз просить вас, — продолжала она, — забудьте все, что я только что наговорила. Это глупая идея с моей стороны, она бы нас никуда не привела. Надо же, какой странный выдался вечер! Профессор Риго поистине околдовал нас. А кстати… — внезапно проговорила она, озираясь по сторонам, — не слишком ли долго профессор Риго разыскивает официанта?

— Профессор Риго! — крикнул Майлз. Он возвысил голос до предела: — *Профессор Риго!*

И снова, как и в тот раз, когда исчезнувший профессор сам звал исчезнувшего официанта, лишь дождь журчал и шуршал в темноте. Ответа не последовало.

Глава пятая

Майлз поднялся и подошел к двустворчатой двери. Он распахнул ее и заглянул в переднюю комнату, сумрачную и пустынную. Бутылки и бокалы исчезли с импровизированной барной стойки, горела всего одна электрическая лампочка.

— Странный вечер, — объявил Майлз, — совершенно верно. Сначала исчезает Клуб убийств в полном составе. Профессор Риго рассказывает нам невероятную историю, — Майлз затряс головой, словно пытаясь привести мысли в порядок, — которая кажется тем невероятнее, чем больше думаешь о ней. Затем и он исчезает. Здравый смысл подсказывает, что он просто пошел… не важно. Однако в то же время…

Распахнулась дверь красного дерева, ведущая в коридор. Внутрь проскользнул метрдотель Фредерик, на круглом лице которого была написана укоризна.

— Профессор Риго, сэр, — сообщил он, — внизу. У телефона.

Барбара, задержавшаяся немного, очевидно,

чтобы забрать сумочку и задуть одну свечу, которая колыхалась и ярко вспыхивала, густо коптя, вышла вслед за Майлзом в переднюю комнату. И снова она остановилась.

— У телефона? — переспросила Барбара.

— Да, мисс.

— Но… — ее слова прозвучали почти комично, когда она выпалила их вслух, — он же пошел найти кого-нибудь, кто принесет напитки!

— Да, мисс. Позвонили, когда он был внизу.

— И кто же?

— Полагаю, мисс, доктор Гидеон Фелл. — (Небольшая пауза.) — Почетный секретарь Клуба убийств. — (Небольшая пауза.) — Доктор Фелл узнал, что профессор Риго звонил отсюда в начале вечера, и вот доктор Фелл перезвонил. — (Что за огонек загорелся в глазах Фредерика?) — Профессор Риго, кажется, сильно разгневан, мисс.

— О боже! — выдохнула Барбара в непритворном испуге.

На спинке одного из стульев, обитых розовой парчой, стульев, чопорно выстроившихся по периметру комнаты, словно в ритуальном зале похоронного бюро, висела меховая накидка и зонтик девушки. Напустив на себя нарочито беззаботный вид, который никого не обманул,

Барбара взяла все это и завернулась в накидку.

— Мне ужасно жаль, — сказала она Майлзу. — Но я должна уйти прямо сейчас.

Он вытаращил на нее глаза:

— Нет, но послушайте! Вы не можете вот так взять и убежать! Разве старикан не рассердится, если вернется и обнаружит, что вас нет?

— Он рассердится гораздо сильнее, — убежденно заявила Барбара, — если вернется и обнаружит, что я *здесь*. — Она покопалась в сумочке. — Я хочу заплатить свою часть за ужин. Все было мило. Я… — Замешательство, полное и безоговорочное, охватило ее до кончиков пальцев. Сумочка накренилась, вывалив на пол монеты, ключи и пудреницу.

Майлз едва не расхохотался, хотя смеялся вовсе не над ней. На него вдруг снизошло просветление. Он наклонился, поднял разбросанные предметы, опустил в сумочку и закрыл, щелкнув замком.

— Так это вы устроили все это? — спросил он.

— Устроила? Я…

— Боже, это же *вы* сорвали встречу Клуба убийств! Каким-то образом вы умудрились отговорить от нее доктора Фелла, его честь судью Коулмена, госпожу Эллен Най, дядюшку Тома Коблея и всех остальных! Всех, кроме профессора

Риго, потому что вы хотели услышать эту историю Фей Сетон от непосредственного участника! Но вы знали, что Клуб убийств не приглашает гостей, за исключением оратора, так что вы никак не рассчитывали на *мое* появление…

Ее убийственно серьезный голос отвлек его от рассуждений:

— Прошу вас! Не выставляйте меня круглой дурой!

Высвободившись из-под руки Майлза, которую он опустил ей на плечо, Барбара бросилась к двери. Фредерик, уставившийся неподвижным взором куда-то в потолок, медленно отступил в сторону, словно желая обратить внимание на тот факт, что он мог бы послать за полицией. Майлз заторопился следом за ней.

— Стойте! Подождите! Я вас не обвинял! Я…

Но она уже неслась по застеленному мягким ковром коридору в сторону боковой лестницы, ведущей на Грик-стрит.

Майлз в отчаянии огляделся по сторонам. Напротив светилась табличка на двери гардеробной для джентльменов. Он схватил свой плащ, нахлобучил шляпу и развернулся, чтобы натолкнуться на красноречивый взгляд Фредерика.

— Ужины Клуба убийств оплачиваются одним

человеком, который вносит всю сумму? Или же каждый участник расплачивается сам за себя?

— Как правило, каждый платит за себя, сэр. Однако сегодня вечером…

— Понимаю, понимаю! — Майлз сунул банкноты ему в руку, возликовав при мысли, что теперь может себе такое позволить. — Это должно покрыть все расходы. Передайте мои наилучшие пожелания профессору Риго и скажите, что утром я позвоню ему, чтобы извиниться. Не знаю, где он остановился в Лондоне, — эту трудность он сразу отмел, — но я смогу узнать. Э… там достаточно денег?

– *Денег* более чем достаточно, сэр. Но в то же время…

— Простите. Виноват. Доброй ночи!

Он не осмеливался бежать во весь опор, потому что его застарелая болезнь была готова вцепиться в него и вызвать головокружение. Однако же он все равно шагал быстро, как только мог. Когда он спустился и вышел на улицу, то как раз успел заметить отблеск белого платья Барбары под короткой меховой накидкой — она удалялась по направлению к Фрит-стрит. Вот тут он побежал по-настоящему.

По Фрит-стрит катило в сторону Шафтсбери-

авеню такси, звук мотора особенно отчетливо разносился в пустынной тишине ночного Лондона. Майлз окликнул такси без особой надежды, но, к его изумлению, машина неуверенно свернула к тротуару. Левой рукой Майлз перехватил Барбару Морелл, а правой — повернул ручку на дверце такси раньше, чем из расчерченной дождем темноты успел выскочить кто-нибудь еще и заявить свои права.

— Честное слово, — обратился он к Барбаре с такой сердечностью, что ее рука, которую он держал, расслабилась, — вовсе нет причин вот так убегать. Вы могли бы, по меньшей мере, позволить довезти вас до дома. Где вы живете?

— Сент-Джонс-Вуд. Только…

— Не могу, начальник, — сказал водитель такси решительно, и в его голосе прозвучало мученическое упрямство. — Я еду в сторону Виктории, и бензина хватит только вернуться домой.

— Ладно. В таком случае подбросьте нас к станции метро «Пикадилли-Сёркус».

Дверца машины хлопнула. Покрышки шаркнули по мокрому асфальту. Барбара, забившись в дальний угол сиденья, заговорила тоненьким голосом:

— Вы бы с удовольствием прибили меня, да? —

спросила она.

— Последний раз говорю, милая моя: нет! Напротив. Нашу жизнь так исковеркали, что радуешься любому пустяку.

— О чем это вы вообще?

— Судья Высокого суда, политик, несколько других важных персон были ловко одурачены и остались с носом. Разве вы не пришли бы в восторг, если бы услышали — чего точно не услышите никогда, — что некая Важная Шишка не смогла заказать номер или была отправлена в конец очереди?

Девушка подняла на него глаза.

— А вы милый, — серьезно сказала она.

Это несколько вывело Майлза из равновесия.

— Тут речь не о том, что́ вы считаете милым, — резко возразил он. — Тут речь о Ветхом Адаме.

— Но бедный профессор Риго!..

— Да, получилось немного невежливо по отношению к Риго. Мы обязаны найти способ как-то загладить вину перед ним. Все равно!.. Я понятия не имею, как вы это провернули, мисс Морелл, но я очень рад тому, что все так устроилось. Вот только есть два момента.

— Какие еще моменты?

— Во-первых, я считаю, вам следовало дове-

риться доктору Феллу. Он великий человек, он с сочувствием отнесся бы ко всему, что бы вы ему рассказали. А как бы он насладился этим делом о невозможном убийстве на башне! Только, — прибавил Майлз, проникнувшись непостижимыми странностями этого вечера, — если это действительный случай, а не фантазия и не мистификация. Если бы вы рассказали доктору Феллу…

— Но я даже не знакома с доктором Феллом! Об этом я тоже солгала.

— Это не важно!

— Это как раз важно, — возразила Барбара и крепко прижала ладони к глазам. — Я никогда в жизни не видела никого из членов клуба. Но, понимаете, у меня была возможность узнать все их имена и адреса, и я выяснила, что профессор Риго будет выступать по делу Брука. Я позвонила всем, кроме доктора Фелла, назвавшись секретарем доктора Фелла, и сказала, что ужин переносится. Затем я связалась с доктором Феллом в качестве представителя президента клуба. А потом уповала уже только на Небеса, чтобы этих двоих не оказалось дома сегодня вечером, если кто-нибудь *действительно* позвонит, желая уточнить информацию.

Она умолкла, глядя прямо перед собой в стек-

лянную перегородку за сиденьем водителя, а потом медленно прибавила:

— Я сделала это не шутки ради.

— Понимаю. Об этом я догадался.

— Правда? — воскликнула Барбара. — Это правда?

Такси тряхнуло. Фары, непривычно яркие без затемнения, несколько раз залили заднее сиденье машины светом сквозь грязноватые, подернутые дождевым туманом окна.

Барбара повернулась к нему. Уперлась для надежности рукой в стекло, отделяющее их от водителя. Мучительная тревога, просьба о прощении, непонятное замешательство и — да! — очевидная симпатия к нему явственно читались на ее лице, как и желание сказать ему что-то еще. Однако это «что-то еще» она так и не произнесла. И спросила лишь:

— А другой момент?

— Другой момент?

— Вы сказали, есть два момента, почему вы сожалеете о случившемся — о той глупости, какую я учудила сегодня вечером. Что за второй момент?

— Ах да! — Он старался держаться легко и непринужденно. — Да будь оно все неладно, но меня здорово заинтересовало это убийство на

башне! Поскольку профессор Риго, очевидно, не захочет говорить ни с кем из нас…

— Вы можете никогда не узнать конец этой истории. Вы об этом?

— Да, именно об этом.

— Понимаю. — Она секунду помолчала, барабаня пальцами по сумочке, ее рот странно кривился, глаза блестели так, словно были полны слез. — Где вы остановились в городе?

— В «Беркли». Но уже завтра я возвращаюсь в Нью-Форест. Моя сестра со своим женихом приедут в Лондон на день, а потом мы все вместе вернемся. — Майлз помолчал. — Но почему вы спросили?

— Возможно, я смогу вам помочь. — Открыв сумочку, она вытащила стопку исписанных от руки листов и протянула ему. — Это отчет профессора Риго по делу Брука, специально составленный для архивов Клуба убийств. Я… я украла его со стола в «Белтринге», когда вы ходили искать профессора. Я собиралась переслать его вам, когда дочитаю, однако я уже узнала то единственное, что действительно хотела знать.

Она напористо впихнула рукопись ему в руки.

— Не понимаю, какая теперь от меня польза! — воскликнула она. — *Не понимаю,* какая теперь от

меня польза!

Таксист, со скрежетом переключив рычаг коробки передач в нейтральное положение, подкатил к тротуару, задев колесами бордюр. Впереди, на Шафтсбери-авеню, словно отверстая пасть, зияла «Пикадилли-Сёркус», из которой доносились гомон и шарканье припозднившейся публики. Барбара мгновенно передвинулась по сиденью и выскочила на тротуар.

— Не выходите! — настойчиво проговорила она, отступая назад. — Я отсюда доберусь на метро прямо до дома. А такси едет как раз в вашу сторону. В отель «Беркли»! — обратилась она к водителю.

Дверца захлопнулась прямо перед носом у восьми американских солдат из трех разных компаний, одновременно ринувшихся к такси. Майлз успел увидеть в залитом светом окне отражение лица Барбары, напряженно и неубедительно улыбавшейся в этой толпе, пока такси отъезжало.

Майлз откинулся на сиденье, держа рукопись профессора Риго и чувствуя, как она буквально жжет ему руки.

Старик Риго будет рвать и метать. Он будет задаваться вопросом, подчиняясь своей безумной

галльской логике, почему подобный фокус проделали с ним. А это уже не смешно, это вполне справедливо и логично, ведь Майлз и сам до сих пор не знал почему. Единственное, в чем он был уверен: у Барбары Морелл имеется очень весомый мотив, подлинный.

Что же касается замечания Барбары насчет Фей Сетон…

«Вы спрашиваете себя, каково это — влюбиться в нее».

Что за инфернальная чушь!

Разрешилась ли загадка смерти Ховарда Брука с помощью полиции, самого Риго или кого-то еще? Выяснили ли они, кто совершил убийство и каким образом? Очевидно, нет, судя по тону профессорских замечаний. По его словам, он знает, что «не так» с Фей Сетон. Однако еще он сказал — в странных и туманных выражениях, — что не верит в ее виновность. Каждое утверждение, касающееся этого убийства, во всей этой причудливой истории явно сводилось к тому, что никакого решения нет.

В таком случае эта рукопись может сообщить ему… Майлз взглянул на нее в полумраке… лишь рутинные факты из полицейского расследования. Может быть, там найдутся еще какие-нибудь

гадкие подробности о характере миловидной женщины с рыжими волосами и голубыми глазами. Но не более того.

На Майлза вдруг нахлынуло несказанное отвращение ко всему этому делу. Он хотел мира и покоя. Хотел быть свободным от этой липкой паутины. Внезапно поддавшись импульсу, не успев подумать как следует, он подался вперед и забарабанил по стеклянной перегородке.

— Водитель! Вам хватит бензина, чтобы завезти меня обратно в ресторан «Белтринг», а уже оттуда — в «Беркли»? Плачу двойную цену!

Водительская спина напряглась в сердитой нерешительности, однако такси замедлило ход, огибая островок со статуей Антероса[8] и возвращаясь на Шафтсбери-авеню.

У Майлза созрело решение. В конце концов, он ушел из «Белтринга» всего какие-то минуты назад. И то, что он намеревался сделать, было единственно разумным. Он был полон решимости, когда выпрыгнул из такси на Ромилли-стрит, торопливо обогнул угол, устремляясь к боковому

---

[8] Notes: 8

Статуя Антероса — скульптурный монумент на площади Пикадилли, достопримечательность Лондона. Антерос считается братом-близнецом Эроса, покровителем взаимной любви и мстителем за неразделенную любовь.

входу, и взлетел по лестнице.

В коридоре верхнего этажа он обнаружил унылого официанта, который запирал все на ночь.

— А профессор Риго еще здесь? Такой невысокий толстенький француз с усами почти как у Гитлера, ходит с желтой тростью?

Официант поглядел на него с интересом:

— Он внизу, в баре, месье. Он…

— Не могли бы вы передать ему вот это? — попросил Майлз, вкладывая все еще сложенную стопку листов в руку официанта. — Скажите, что это забрали по ошибке. Спасибо.

И он стремительно удалился.

По дороге в гостиницу, раскурив трубку и вдыхая успокоительный дым, Майлз ощущал радостное воодушевление и бодрость. Завтра днем, когда он покончит с настоящим делом, приведшим его в Лондон, он встретится на вокзале с Мэрион и Стивом. Он вернется в деревню, в уединенный дом в Нью-Форесте, где они поселились всего-то две недели назад, — так в жаркий день бросаешься в холодную воду.

А *это* канет в прошлое, будет подрублено на корню раньше, чем успеет по-настоящему растревожить его разум. Какая бы тайна ни была связана с призрачным образом Фей Сетон, его это

не касается.

Чтобы успокоиться, в его распоряжении вся дядюшкина библиотека, такое притягательное место, до сих пор совершенно не исследованное из-за хлопот, связанных с переездом и обустройством на новом месте. В это же время завтра вечером он будет в Грейвуде среди вековых дубов и буков Нью-Фореста, рядом с небольшим ручьем, где в сумерках играет радужная форель, когда кидаешь в воду хлебные крошки. Майлз вдруг явственно ощутил, что ему удалось спастись из западни.

Такси высадило его на улице Пикадилли перед входом в «Беркли», и он расплатился с водителем, пребывая в приподнятом настроении. Заметив, что бар внизу до сих пор полон людей за маленькими круглыми столиками, Майлз, с его искренней ненавистью к толпе, намеренно прошелся до входа с Беркли-стрит, обогнув здание, чтобы чуть дольше насладиться одиночеством. Дождь прекратился. Свежесть разливалась в воздухе. Майлз протолкнулся сквозь вращающиеся двери в маленькое фойе со стойкой портье справа.

Ключ лежал на стойке перед ним, и он стоял, решая, не побаловать ли себя на сон грядущий

трубкой и виски с содовой, прежде чем пойти наверх, когда ночной портье торопливо выскочил из своей каморки с полоской бумаги в руке.

— Мистер Хаммонд!

— Да?

Служащий всматривался в бумажку, пытаясь разобрать собственный почерк.

— Тут для вас сообщение, сэр. Насколько я понимаю, вы обращались… вот в это агентство по найму в поисках библиотекаря, который сможет составить каталог?

— Обращался, — сказал Майлз. — И они обещали направить ко мне соискателя сегодня вечером. Никто так и не пришел, из-за чего я опоздал на ужин, где меня ждали.

— Соискатель все же *приходил,* сэр. Соискательница. Леди сказала, что приносит свои извинения, но иначе не получилось. Она спросила, не могли бы вы встретиться с нею завтра утром? Она говорит, у нее трудное положение, поскольку ее только что репатриировали из Франции…

— Репатриировали из Франции?

— Именно, сэр.

Стрелки золоченых часов на серовато-зеленой стене показывали двадцать пять минут двенадцатого. Майлз Хаммонд стоял неподвижно и

даже перестал вертеть ключ в руке.

— А эта леди назвала свое имя?

— Да, сэр. Мисс Фей Сетон.

Глава шестая

На следующий день, в субботу, второго июня, в четыре часа Майлз приехал на вокзал Ватерлоо.

Ватерлоо, с акром железных балок крыши, все еще темной, за исключением немногих стеклянных заплаток, уцелевших после бомбардировок, уже пережил наплыв субботней публики, стремящейся в Борнмут. Но бодрый женский голос до сих пор звенел в громкоговорителе, объясняя пассажирам, в какую очередь им вставать. (Если этот голос вдруг начинает вещать то, что вам необходимо услышать, он моментально тонет в шипении пара или в басовитом грохоте локомотива.) Потоки путешественников — штатская серость теряется на фоне хаки — отхлынули, закручиваясь между скамьями за книжным киоском, и, к досаде леди из громкоговорителя, перемешались в чужих очередях.

Майлза Хаммонда это не развеселило. Опустив на пол чемодан, он ждал под часами, почти ничего не видя вокруг себя.

Какого же дурака, твердил он себе, он *свалял*?

Что скажет Мэрион? Что скажет Стив?

Если кто-нибудь на этом свете и был воплощенным здравомыслием, так это его сестрица и ее жених. И он воспрянул духом, увидев их спустя несколько минут — Мэрион, нагруженную покупками, и Стива с трубкой во рту.

Мэрион Хаммонд, лет на шесть-семь младше Майлза, пышущая здоровьем миловидная девушка с темными, как у ее брата, волосами, отличалась практичностью, которой точно недоставало ее брату. Она обожала Майлза и постоянно потакала ему, поскольку искренне верила — хотя никогда не говорила вслух, — что он так до сих пор и не повзрослел. Она, разумеется, гордилась братом, который умеет писать такие мудреные книги, впрочем, Мэрион признавалась, что сама ничего в этом не смыслит, да и вообще подобные книги не имеют отношения к настоящей жизни.

И она, как Майлз по временам соглашался про себя, вероятно, права.

Мэрион торопливо пересекла гулкое пространство под крышей Ватерлоо, прекрасно одетая, даже в такие времена, благодаря кое-каким новым фокусам со старыми вещами; живые карие глаза под темными прямыми бровями глядели непринужденно и с интересом — даже с удовольствием, — ожидая, что Майлз объяснит свою

очередную причуду.

— Честное слово, Майлз! — сказала его сестра. — Взгляни на часы! Сейчас всего несколько минут пятого!

— Я знаю это.

— Но поезд ведь отправляется только в половине *шестого,* милый. Даже если надо прийти заранее, чтобы помолиться о свободных местах, зачем ты заставил нас быть так рано? — Тут его сестра оценила выражение его лица и осеклась. — Майлз! Что случилось? Ты заболел?

— Нет, нет, нет!

— Тогда что же?

— Я хочу поговорить с вами обоими, — сказал Майлз. — Идемте со мной.

Стивен Кёртис вынул трубку изо рта.

— Ого! — удивился он.

Стивену было, вероятно, под сорок. Он успел почти полностью облысеть — болезненная для него тема, — однако отличался чрезвычайно приятной внешностью, обаянием и невозмутимостью. Светлые усы придавали ему легкое сходство с пилотом ВВС Британии, хотя на самом деле он служил в Министерстве информации и всегда сильно негодовал из-за шуточек в адрес этого ведомства. Там он и познакомился с Мэрион два

года назад, когда в начале войны был комиссован из армии. Вдвоем с Мэрион они фактически сами составили настоящее ведомство.

И вот он стоял, с интересом глядя на Майлза из-под полей мягкой шляпы.

— Так куда нам? — поторопил Майлза Стивен.

Напротив платформы номер одиннадцать на вокзале Ватерлоо есть ресторан, куда надо подняться по двум крутым лестничным пролетам. Майлз подхватил свой чемодан и повел их туда. Когда все устроились за столом у окна с видом на платформу в большом, едва заполненном зале, отделанном под дуб, Майлз первым делом заказал чай.

— Есть одна женщина, по имени Фей Сетон, — начал он. — Шесть лет назад во Франции она была замешана в деле об убийстве. Ее обвиняли в неподобающем поведении — подробностей не знаю, — отчего жители целой округи едва не взбесились. — Он помолчал. — Я пригласил ее приехать в Грейвуд, чтобы составить каталог.

Повисло долгое молчание, пока Мэрион со Стивеном глядели на него. Стивен снова вынул трубку изо рта.

— Зачем? — спросил он.

— Не знаю! — честно ответил Майлз. — Я решил

не иметь с этим ровным счетом никакого дела. Я собирался твердо объявить ей, что должность уже занята. Всю прошлую ночь я не мог заснуть, представляя себе ее лицо.

— Прошлую ночь, вот как? И когда ты с ней познакомился?

— Сегодня утром.

Стивен с величайшей аккуратностью положил трубку на стол между ними. Он передвинул ее на долю дюйма влево, затем деликатно передвинул ее на долю дюйма вправо.

— Послушай, старик… — начал он.

— О, Майлз, — воскликнула его сестра, — но *при чем* тут это?

— Так я ведь пытаюсь вам рассказать! — Майлз был печален. — Фей Сетон училась на библиотекаря. Потому-то и Барбара Морелл, и профессор, как бишь его там, в Клубе убийств так странно посмотрели, когда я упомянул библиотеку и сказал, что ищу дипломированного библиотекаря. Однако Барбара сообразила даже быстрее, чем старый профессор. *Она* догадалась. При нынешней катастрофической нехватке квалифицированных кадров, если я обратился в агентство по найму в поисках библиотекаря, а Фей Сетон ищет работу, двадцать к одному, что Фей Сетон направят ко

мне. Да. Барбара все заранее угадала.

И он побарабанил пальцами по столу.

Стивен стянул свою мягкую шляпу, выставив напоказ розоватую лысину над сосредоточенным, обеспокоенным лицом, на котором отражались волнение и укоризна.

— Давай-ка все проясним, — предложил он. — Вчера утром, в пятницу, ты приехал в Лондон в поисках библиотекаря…

— На самом деле, Стив, — вмешалась Мэрион, — он собирался идти на ужин в некий Клуб убийств.

— Именно там, — сказал Майлз, — я и услышал впервые имя Фей Сетон. Я не сошел с ума, и в этом нет ничего таинственного. Несколько позже я познакомился с ней…

Мэрион улыбнулась.

— И она поведала тебе какую-то душераздирающую историю? — предположила Мэрион. — И ты, как и всегда, проникся состраданием?

— Совершенно наоборот, она понятия не имеет, что я о ней что-то знаю. Мы просто посидели в фойе «Беркли» и поговорили.

— Все ясно, Майлз. Она молода?

— Да, довольно молода.

— Красива?

— В определенном смысле — да. Однако вовсе не это повлияло на меня. Дело в…

— В чем же, Майлз?

— Просто есть в ней что-то! — Майлз развел руками. — Времени рассказывать историю целиком нет. Суть в том, что я *уже* пригласил ее и она поедет сегодня с нами. Я подумал, мне лучше предупредить вас.

Испытав явное облегчение, Майлз откинулся на стуле, когда подошла официантка и со звоном расставила на столе чайные принадлежности, делая такие движения кистью руки, словно набрасывала кольца на крючок. Снаружи, под пыльными окнами, за которыми они сидели, лениво ползли нескончаемые пассажиры, сбиваясь в кучи перед черными воротами с белыми номерами, ведущими на платформы.

И Майлза внезапно осенило, пока он смотрел на двух своих спутников, что история повторяется. Не найти людей более консервативных, способных лучше олицетворять традиционный домашний уклад, чем Мэрион Хаммонд и Стивен Кёртис. В точности так же, как шесть лет назад, когда Фей Сетон представляли семейству Бруков, теперь она войдет в другое такое же семейство.

История повторяется. Да.

Мэрион и Стивен переглянулись. Мэрион рассмеялась.

— Ну, я даже не знаю, — заметила она задумчивым тоном человека, нисколько не расстроенного. — В каком-то смысле это даже забавно.

– *Забавно?* — воскликнул Стивен.

— Майлз, а ты сказал ей, чтобы обязательно захватила с собой продуктовые карточки?

— Нет. — В его голосе звучала горечь. — Боюсь, эта подробность от меня ускользнула.

— Ничего страшного, милый. Мы всегда сможем… — Мэрион вдруг резко выпрямилась, в карих глазах под темными прямыми бровями на мгновение отразился испуг. — Майлз! Погоди-ка! А эта женщина, случаем, никого не *отравила*?

— Моя дорогая Мэрион, — произнес Стивен, — будь добра, объясни, какая разница, отравила ли она кого-то, застрелила или же размозжила голову кочергой какому-нибудь старику? Суть в том…

— Минутку, — хладнокровно прервал Майлз. Он старался вести себя очень спокойно, очень рассудительно и держать под контролем свой пульс. — Я же не сказал, что девушка — убийца. Напротив, если я хоть что-то понимаю в человеческом характере, она совершенно точно не из

той породы.

— Да, милый, — снисходительно произнесла Мэрион и перегнулась через стол, чтобы потрепать его по руке. — Не сомневаюсь, ты *совершенно* в этом уверен.

— Да черт побери, Мэрион, хватит уже приписывать мне несуществующие мотивы!

— Майлз! Прошу тебя! — Мэрион прищелкнула языком, больше по привычке, чем по какой-то иной причине. — Мы же в общественном месте.

— Именно, — подхватил Стивен. — Давай-ка потише, старик.

— Ладно, ладно! Просто…

— Вот! — примирительно произнесла Мэрион, ловко разливая чай. — Бери чашку, а еще попробуй кекс. Вот так! Тебе лучше? А эта твоя интересная леди, Майлз, сколько, ты говоришь, ей лет?

— Немного за тридцать, я так понимаю.

— И она библиотекарь? Как же получилось, что ее так и не мобилизовали?

— Ее только что репатриировали из Франции.

— Из Франции? Правда? Интересно, она привезла с собой французские духи?

— Кажется, припоминаю, — сказал Майлз, который на самом деле отлично это помнил, — что

сегодня утром от нее действительно пахло какими-то духами. Я случайно заметил.

— Майлз, мы хотим знать все о ее прошлом. Времени еще полно, и мы оставим чаю на тот случай, если она придет раньше. Так там точно был *не* яд? Ты уверен? Стив, дорогой, ты так и не выпил чаю!

– *Послушай!* — начал Стивен авторитетным тоном человека, наконец взявшего слово.

Забрав со стола свою трубку, он повертел ее в руках и сунул черенком вниз в нагрудный карман.

— Чего я не понимаю, — посетовал он, — как такое получилось. Они что, держат убийц в этом Клубе убийств, или как? Ладно, Майлз! Только не надо так презрительно хмыкать! Я люблю, когда все факты упорядочены, вот и все. Сколько времени уйдет у мисс, как ее там, чтобы привести книги в порядок? Неделя где-то?

Майлз усмехнулся ему:

— Чтобы составить каталог этой библиотеки, Стив, со всеми перекрестными ссылками на старые книги, потребуется от двух до трех месяцев.

Даже Мэрион выглядела ошеломленной.

— Что ж, — буркнул Стивен после паузы, — Майлз всегда поступает так, как считает нужным.

Так что все в порядке. Однако я не смогу вернуться с вами в Грейвуд сегодня вечером…

— Не сможешь вернуться сегодня вечером? — воскликнула Мэрион.

— Моя дорогая, — ответил Стивен, — я всю дорогу пытался сказать тебе в такси — только ты не обладаешь даром почтительно внимать, — что у нас в конторе снова аврал. Но все это лишь до завтрашнего утра. — Он замялся. — Полагаю, ничего страшного, если я отправлю вас в деревню в обществе этой интересной особы?

Повисла короткая пауза.

Затем Мэрион насмешливо фыркнула:

— Стив! Ты *просто* идиот!

— В самом деле? Да. Наверное, так и есть.

— Что может сделать нам Фей Сетон?

— Не будучи знакомым с этой леди, не могу знать. Ничего не могу сказать, на самом деле. — Стивен пригладил свои короткие усы. — Но только…

— Пей чай, Стив, и оставь уже свои старомодные замашки. Лично *я* буду только рада, если она поможет мне по дому. Когда Майлз сказал, что собирается нанять библиотекаря, мне сразу же представился старичок с длинной седой бородой. Более того, я поселю ее в своей спальне, и тогда у

меня будет предлог переехать в ту шикарную комнату на первом этаже, пусть даже там до сих пор пахнет краской. Твое Министерство информации могло бы обойтись без тебя, но я сомневаюсь, что эта женщина запугает нас до смерти за одну только ночь, даже если тебя не будет рядом. Ты завтра каким поездом приедешь?

— В девять тридцать. И очень тебя прошу, ничего не делай с кухонным бойлером, пока меня нет. Оставь его *в покое,* слышишь?

— Я такая покладистая невеста, Стив.

— Черта с два ты покладистая, — произнес Стив без всякого напора или негодования — он просто констатировал факт. И в то же время, явно успокоенный и вновь обретший душевное равновесие благодаря этому разговору, он отмел прочь тему Фей Сетон. — Боже мой, Майлз, ты должен как-нибудь взять *меня* на заседание этого Клуба убийств! Чем они там занимаются?

— Они там ужинают.

— В смысле, притворяются, что соль — это яд? Так, что ли? И можно записать очко в свою пользу, если удается подсыпать ее кому-то в кофе так, чтобы тебя не вычислили? Ладно, старик, не дуйся! А сейчас мне пора идти.

— Стив! — Такие интонации в голосе Мэрион ее

брат знал слишком хорошо. — Я кое-что забыла. Можно тебя на два слова? Ты ведь *извинишь* нас, Майлз, мы на минутку!

Что, речь пойдет о нем?

Майлз сердито уставился в стол, стараясь сделать вид, что не понимает, о чем они могут говорить, пока Мэрион увлекала Стивена к двери. Мэрион заговорила проникновенно, вполголоса, а Стивен пожимал плечами и улыбался, надевая шляпу. Майлз глотнул чаю, который начал уже остывать.

У него зародилось неприятное подозрение, что он каким-то образом выставил себя дураком, и уверенность, что он теряет чувство юмора. Но почему? Подлинную причину он понял мигом позже. Потому что он задается вопросом, не впускает ли он сам в свой дом некие силы, над которыми не властен.

Звякнул ящик кассы, за окнами кафе запыхтел поезд, картавый голос в громкоговорителе напомнил ему, что он на вокзале Ватерлоо. Майлз сказал себе, что эта мимолетная мысль — мгновенный холодок, коснувшийся его сердца, — просто чепуха. Он повторил это, заставив себя хохотнуть, и почувствовал, как улучшилось настроение, когда вернулась Мэрион.

— Извини, если я вдруг вышел из себя, Мэрион.

— Да брось, милый! — Она отмахнулась от его слов. А затем выразительно на него посмотрела. — Ну а теперь, когда мы одни, Майлз, расскажи все своей сестренке.

— Да там нечего рассказывать! Я увидел эту девушку, мне понравились ее манеры, я убедился, что она стала жертвой клеветы…

— Но ты не сказал ей, что тебе кое-что о ней известно?

— Ни слова. И она тоже не упоминала о своей истории.

— Но она, разумеется, предоставила тебе рекомендации?

— Я их не спрашивал. А с чего ты вдруг заинтересовалась?

— Майлз, Майлз! — Мэрион покачала головой. — Практически все женщины покупаются на этот твой вальяжный вид а-ля Карл Второй, в особенности потому, что ты сам величественно его не сознаешь. Вот не надо только так смотреть! Ты ненавидишь, когда я проявляю хоть *капельку* заботы о твоем благополучии!

— Я всего лишь хочу сказать, что эта твоя вечная сестринская опека…

— Ну, когда я слышу о женщине, которая, по-

хоже, произвела на тебя такое впечатление, разумеется, мне интересно! — Мэрион не сводила с него глаз. — Что там за дело, в котором она была замешана?

Майлз оторвал взгляд от окна.

— Шесть лет назад она приехала в Шартр в качестве личного секретаря одного зажиточного мануфактурщика по фамилии Брук. Потом она стала невестой сына Брука…

— О!..

— …Юного невротика по имени Гарри. Затем разразился некий скандал. — В душе Майлз едва не давился словами. Он не мог, не мог физически, рассказать Мэрион, как Ховард Брук намеревался откупиться от девушки.

— Что за скандал, Майлз?

— Никто не знает, по меньшей мере, не знаю *я*. Однажды днем отец семейства поднялся на вершину башни, это местная достопримечательность, и… — Майлз умолк. — Между прочим, ты же не станешь упоминать об этом при мисс Сетон? Ты не будешь намекать, что тебе кое-что известно?

— Ты считаешь, я могу вести себя настолько бестактно, Майлз?

— День был дождливый, над башней гремели

грозы, словно в каком-нибудь готическом романе с привидениями. Мистера Брука нашли заколотым в спину его собственным клинком, который он носил в трости. И вот тут самая поразительная часть истории, Мэрион. Есть доказательства, что он был на момент смерти один. Никто к нему не подходил, не мог к нему приблизиться. Казалось даже, что убийство, если это было убийство, сумел бы совершить только тот, кто в состоянии подняться по воздуху…

Он снова умолк. Потому что Мэрион как-то странно всматривалась в него широко раскрытыми глазами и едва не прыскала со смеху.

— Майлз Хаммонд! — воскликнула она. — Кто вложил тебе в голову всю эту жуткую чепуху?

— Я просто-напросто, — проговорил он сквозь стиснутые зубы, — пересказываю факты из полицейского протокола.

— Хорошо, дорогой. И кто же сообщил их тебе?

— Профессор Риго из Эдинбургского университета. Весьма уважаемый человек в научных кругах. Должно быть, ты хотя бы видела его «Жизнь Калиостро»?

— Нет. Кто такой Калиостро?

(Ну почему — Майлз часто задавался этим вопросом — в дебатах с собственной родней по-

стоянно выходишь из себя из-за того, что́ в устах постороннего воспринял бы снисходительно, даже с юмором?)

— Граф Калиостро, Мэрион, знаменитый маг и шарлатан, живший в восемнадцатом столетии. Профессор Риго придерживается мнения, что Калиостро, хотя во многом и откровенный мошенник, все-таки в действительности обладал некими сверхъестественными способностями, которые…

Он в третий раз умолк на полуслове. Мэрион давилась от смеха. И Майлз, поняв, как его речи, должно быть, звучат со стороны, согласился, что, наверное, следовало тщательнее подбирать слова.

— Да, — признал он. — Все это в самом деле звучит несколько забавно.

— Именно так, Майлз. Я поверю в подобное, когда увижу собственными глазами. Но хватит уже о графе Калиостро. И перестань водить меня за нос, расскажи уже все об этой *девушке*! Кто она? Какая она? Какое впечатление она производит?

— Ты увидишь все это сама, Мэрион.

Все еще глазея в окно, Майлз поднялся на ноги. Он смотрел на один из зеленых указателей напротив ворот, ведущих на платформы, указатель,

под которым уже скапливались по одному, по двое пассажиры, готовясь штурмовать поезд на пять тридцать, идущий в Винчестер, Саутгемптон-Централ и Борнмут. И Майлз с величайшей осторожностью кивнул в ту сторону:

— Вон она.

Глава седьмая

Серые сумерки повисли над серым лесом в Грейвуде в тот памятный, как оказалось впоследствии, вечер.

От главного шоссе из Саутгемптона ответвляется еще одно шоссе. По нему можно попасть в высокие зеленые дебри, где на лесных опушках пасутся пони. Теперь остается повернуть налево, миновав широкие деревянные ворота, выбраться на извилистую гравиевую дорожку, сумрачную даже в полдень, пересечь грубо сколоченный мост над ручьем, который петляет через все поместье, и прямо перед вами Грейвуд — на зеленой лужайке, в окружении могучих буков и дубов.

Дом вытянутый и узкий, небольшой, и его короткая стена смотрит на вас, когда вы пересекаете мост. Надо подняться по нескольким вымощенным камнем ступеням, обогнуть выложенную плиткой террасу, направляясь к боковой, как вам покажется, стороне дома, чтобы оказаться перед парадной дверью. Построенный из дерева и оштукатуренного кирпича дом восстает, коричнево-белый, на фоне припудренного солнечным

светом леса. От него веет дружелюбием, и есть в нем какая-то магия.

Один-два огонька мерцали в окнах тем вечером. Это были керосиновые лампы, поскольку электростанцию, работавшую во времена сэра Чарльза Хаммонда, еще не запустили.

Их свет разгорелся сильнее, желтый и дрожащий, когда сгустились прохладные сумерки. Теперь отчетливо различался, почти неслышный днем, шелковистый плеск воды над миниатюрной плотиной. Сумерки размывали контуры садовых качелей под ярким навесом, плетеных стульев и чайного стола, которые стояли на открытой площадке недалеко от излучины ручья слева.

А в вытянутой комнате в глубине дома — в комнате как раз по его вкусу — стоял Майлз Хаммонд, держа над головой керосинку.

«Все в порядке, — говорил он себе. — Я не совершил никакой ошибки, пригласив ее сюда. Все в порядке».

Но в глубине души он знал, что все не в порядке.

Крошечный огонек в маленькой лампе под стеклянным колпаком изгнал часть теней из мумифицированного мира книг. Было, конечно,

неправильно называть это место библиотекой. Это было книгохранилище, склад, невероятная куча в две-три тысячи томов, скопившихся, словно пыль, у его покойного дядюшки. Книги старые и поврежденные, книги новые и сверкающие, книги ин-кварто, ин-октаво и ин-фолио, книги в изящных переплетах и книги почерневшие, источающие такой вдохновляющий затхлый аромат, — целая сокровищница, пока еще едва тронутая.

Полки достигали потолка, тянулись даже над дверью, ведущей в столовую, и смыкали ряды над окнами с мелким переплетом, выходившими на восток. Книги громоздились на полу шеренгами, кипами и неустойчивыми башнями разной высоты, создавали лабиринт с такими узкими дорожками, что едва ли можно было сделать шаг, не сбив какой-нибудь том и не всколыхнув облако пыли.

Стоя посреди всего этого, Майлз высоко держал лампу, медленно озираясь вокруг.

— Все *в порядке*! — с нажимом произнес он вслух.

И тут дверь отворилась — и вошла Фей Сетон.

— Вы меня звали, мистер Хаммонд?

— Звал вас, мисс Сетон? Нет.

— Прошу прощения. Мне показалось, я услышала, что вы зовете.

— Должно быть, разговаривал с самим собой. Но, возможно, вам интересно взглянуть на этот кавардак.

Фей Сетон остановилась в раме двери, и книги всех оттенков возвышались по бокам от нее. Довольно рослая, нежная и стройная, она стояла, чуть склонив голову набок. Она тоже пришла с керосиновой лампой, и, когда она подняла лампу так, что свет упал на ее лицо, Майлз испытал самое настоящее потрясение.

При свете дня, в «Беркли», и позже, в поезде, она казалась… не старше, хотя, конечно же, она стала старше; не менее привлекательной… но как-то едва ощутимо и тревожно иной, чем тот образ, который сложился у него в голове.

Теперь же, при искусственном освещении, в мягком сиянии лампы, образ с фотографии, виденной вчера вечером, как будто первый раз возродился к жизни. То был всего лишь короткий промельк — глаз, щека, рот, — когда она подняла лампу, чтобы оглядеться по сторонам. Однако это отрешенное лицо с его вежливой улыбкой дышало той же самой *податливостью,* мешая рассуждать здраво.

Майлз тоже поднял лампу повыше, и два огня схлестнулись в неровной игре теней, неспешной, но все равно неистовой, на стенах из книг.

— Просто кошмар, да?

— Все и вполовину не так плохо, как я предполагала, — ответила Фей. Она говорила, понизив голос и почти не поднимая глаз.

— Боюсь, я даже пыль не смахнул и не прибрался перед вашим приездом.

— Это не важно, мистер Хаммонд.

— Мой дядя, если правильно помню, купил шкаф для картотеки и несметное количество каталожных карточек. Только никакого каталога он так и не составил. Все это погребено где-то в этом беспорядке.

— Я обязательно найду, мистер Хаммонд.

— Моя сестра… э… удобно вас устроила?

— О да! — Она коротко улыбнулась ему. — Мисс Хаммонд хотела даже переехать из своей спальни наверху, — она кивнула на потолок библиотеки, — и поселить там меня. Этого я уже не могла допустить. В любом случае у меня есть причины, по которым я гораздо, гораздо больше люблю жить на первом этаже. Вы не против?

— Против? Нет, конечно! Может быть, войдете?

— Спасибо.

Высота книжных стопок на полу варьировалась: одни доходили до пояса, другие — до груди. Фей послушно шагнула вперед, с этой своей исключительной и бессознательной грацией, огибая книжные завалы так, что подол ее порядком поношенного платья оттенка голубиного крыла едва задевал их. Она поставила маленькую лампу на кучу фолиантов, подняв облачко пыли, и снова огляделась.

— Выглядит любопытно, — заметила она. — А чем интересовался ваш дядя?

— Да почти всем. В особенности историей Средних веков. Но еще он был помешан на археологии, охоте, садоводстве и шахматах. Даже на криминалистике и… — Майлз резко оборвал себя. — Вы *уверены,* что вам вполне у нас удобно?

— О да! Мисс Хаммонд — она просила называть ее Мэрион — была так добра.

Ну да, да, Майлз допускал, что она *была* добра. Все время в поезде и после, когда они с Фей готовили в просторной кухне перекус на скорую руку, Мэрион болтала без умолку. Мэрион почти насмерть заговорила их гостью. Однако Майлзу, хорошо знавшему свою сестру, было не по себе.

— Прошу прощения за отсутствие прислу-

ги, — сказал он ей. — Но в этой части мира слуг невозможно достать ни за какие коврижки. По крайней мере, новым хозяевам. Мне не хотелось, чтобы вы… чтобы…

Она энергично запротестовала:

— Но мне все нравится. Здесь уютно. Мы здесь совершенно одни. И это Нью-Форест!

— Да.

Поколебавшись, Фей с той же гибкой грацией обогнула кипы книг, подойдя к ряду окон с мелким переплетом — тоже утопавших в книгах — в восточной стене. В свете оставленной лампы за ней потянулась длинная тень. Два окна стояли открытые, створки закреплены на щеколдах, словно маленькие дверки. Фей Сетон оперлась ладонями на подоконник и выглянула наружу. Майлз, высоко державший свою лампу, кое-как пробрался между стопками книг к ней.

За окном еще не до конца стемнело.

Травянистая терраса поднималась на несколько футов, переходя в зеленую лужайку, обнесенную покосившейся железной оградой. За оградой — далекий, таинственный, пепельно-серый, но понемногу чернеющий в этом нереальном освещении — надвигался на них высокий лес.

— А лес большой, мистер Хаммонд?

— Около ста тысяч акров.

— Настолько большой? Я и не подозревала…

— Очень не многие это сознают. Однако можно пойти в лес погулять, а вместо того заблудиться и бродить там долгие часы, так что придется собирать поисковый отряд. Это кажется нелепым в такой маленькой стране, как Англия, но дядя неоднократно говорил мне, что подобное время от времени случается. Поскольку я здесь недавно, сам я пока не отваживался заходить далеко.

— Нет, конечно, не надо. Он кажется… даже не знаю!

— Волшебным?

— Можно и так сказать. — Фей повела плечами.

— Видите, куда я показываю, мисс Сетон?

— Да?

— На расстоянии короткой прогулки отсюда находится место, где Вильгельм Руфус[9], Рыжий Король, был убит стрелой на охоте. Теперь это место отмечено каким-то железным уродством. И… вы же читали «Белый отряд»?

Она коротко кивнула.

— Сегодня луна поднимается очень поздно, —

---

[9] Notes: 9

Вильгельм II Руфус — сын Вильгельма Завоевателя, правил Англией в 1087–1100 годах.

продолжал Майлз. — Но как-нибудь вечером мы с вами — и Мэрион, разумеется, тоже — обязательно погуляем при полной луне по Нью-Форесту.

— Это будет просто чудесно.

Она застыла, подавшись вперед, упираясь ладонями в подоконник, и кивнула так, словно едва слышала его. Майлз стоял рядом с ней. Он видел мягкую линию ее плеч, белизну ее шеи, тяжелый узел темно-рыжих волос, блестевших в свете лампы. Аромат ее духов был слабым, но отчетливым. Майлз осознал волнующую близость ее телесного присутствия.

Возможно, она поняла это, потому что внезапно, но в своей текучей манере она отодвинулась от него и отправилась в обратный путь через книжные завалы к тому месту, где оставила лампу. Майлз тоже резко развернулся и стал смотреть в окно.

Он видел ее отражение, призрачное в оконном стекле. Взяв старую газету, она стряхнула с нее пыль, развернула и постелила на стопку книг. Затем присела рядом с маленькой лампой.

— Осторожнее! — предостерег он, не оборачиваясь. — Вы запачкаетесь.

— Это не имеет значения. — Она не поднимала глаз. — Здесь замечательно, мистер Хаммонд.

Подозреваю, и воздух здесь отличный?

— Великолепный. Сегодня будете спать как убитая.

— А у вас какие-то трудности со сном?

— Временами бывает, да.

— Ваша сестра сказала, вы тяжело болели.

— Теперь уже поправился.

— Война?

— Да. Весьма специфическая, болезненная и негероическая форма отравления, какую можно получить в танковых войсках.

— Гарри Брук погиб при эвакуации из Дюнкерка в тысяча девятьсот сороковом, — заметила Фей, совершенно не меняя интонации. — Он вступил во французскую армию офицером связи для коммуникации с британцами — ну, вы понимаете, он же билингв — и был убит во время Дюнкеркской операции.

Навалилась оглушительная тишина, у Майлза даже зазвенело в ушах, пока он стоял, таращась на ее отражение в оконном стекле, а голос Фей Сетон прозвучал ровно так же, как прежде, когда она прибавила:

— Вы ведь все обо мне знаете, не так ли?

Майлз опустил керосинку на подоконник, потому что рука задрожала, и он ощутил, как что-то

сдавило грудь. Он повернулся, чтобы взглянуть ей в лицо:

— Кто вам…

— Ваша сестра намекнула на это. Она сказала, что вы человек настроения и даете волю воображению.

«Ну, Мэрион!»

— Думаю, с вашей стороны в высшей степени достойно, мистер Хаммонд, предложить мне эту работу — а я сейчас *отчаянно* нуждаюсь! — не задав мне ни единого вопроса. Между прочим, меня едва не отправили на гильотину за убийство отца Гарри. Однако вам не кажется, что вы просто обязаны выслушать *мою* версию?

Долгая пауза.

Прохладный ветерок, бесконечно целительный, ворвался в открытые окна, смешиваясь с пыльным запахом старых книг. Краем глаза Майлз заметил, как под потолком колышется черная паутина. Он прокашлялся, прочищая горло.

— Это вообще не мое дело, мисс Сетон. И мне не хочется расстраивать вас.

— Меня это не расстраивает. Честное слово, не расстраивает.

— Но разве вы не чувствуете…

— Нет. Уже нет. — Она говорила очень стран-

ным тоном. Голубые глаза, белки которых ярко блестели в свете лампы, глядели куда-то в сторону. Она с силой прижала одну руку к груди, очень белую руку на фоне серого шелкового платья. — Самопожертвование!

— Прошу прощения?

— И чего мы только ни делаем, — пробормотала вполголоса Фей Сетон, — если выпадает шанс пожертвовать собой! — Она надолго умолкла, широко расставленные голубые глаза глядели в пол без всякого выражения. — Простите меня, мистер Хаммонд. Это на самом деле не имеет значения, но все-таки — кто рассказал вам о случившемся?

— Профессор Риго.

— А, Жорж Риго. — Она кивнула. — Я слышала, ему удалось вырваться из Франции во время немецкой оккупации и устроиться в университет в Англии. Я спрашиваю только потому, что ваша сестра, понимаете, не знала толком. Она почему-то решила, как мне показалось, что вашим источником информации был граф Калиостро.

Оба засмеялись. Майлз обрадовался поводу посмеяться, обрадовался возможности сбросить напряжение, громко расхохотавшись, однако этот смех прозвучал отчего-то необъяснимо жутко в возвышающихся стенах из книг.

— Я… я не убивала мистера Брука, — сказала Фей. — Вы верите в это?

— Да.

— Спасибо, мистер Хаммонд. Я…

«Видит Бог, — думал про себя Майлз, — я так хочу услышать твою историю! Продолжай! Продолжай! Продолжай!».

— Я поехала во Францию, — заговорила она негромко, — чтобы стать личным секретарем мистера Брука. Я была, так сказать, — она отвернулась от него, — без опыта работы.

Майлз молча кивнул, поскольку она умолкла.

— Мне жилось замечательно. Бруки были славные, во всяком случае, я так считала. Я… вероятно, вы знаете, что я полюбила Гарри Брука. Я по-настоящему в него влюбилась, мистер Хаммонд, с самого начала.

Вопрос Майлза, вопрос, который он не собирался задавать, сам вырвался у него:

— Но вы же отказали Гарри, когда он в первый раз попросил вашей руки?

— В самом деле? Кто вам такое сказал?

— Профессор Риго.

— О, понимаю. — (Что это за странная, затаенная веселость у нее в глазах? Или ему померещилось?) — В любом случае, мистер Хаммонд, мы

были помолвлены. Я думала, что ужасно счастлива, поскольку всегда мечтала о семейной жизни. Мы строили планы на будущее, когда кто-то начал распускать слухи обо мне.

У Майлза пересохло в горле.

— Какого рода слухи?

— О, об отвратительной распущенности. — Слабый румянец проступил на гладких белых щеках, но глаз она по-прежнему не поднимала. — И еще кое о чем, — Фей едва не засмеялась, — настолько глупом, что нет смысла и говорить. Лично до *меня,* разумеется, эти сплетни не доходили. А вот мистер Брук, должно быть, выслушивал все это не одну неделю, хотя и не обмолвился ни словом. Но первым делом, как мне кажется, он начал получать анонимные письма.

— Анонимные письма? — воскликнул Майлз.

— Да.

— Профессор Риго ничего об *этом* не говорил!

— Вероятно. Это… это я так думаю, на самом деле. Обстановка в доме была ужасно напряженная: и в кабинете, когда мистер Брук диктовал мне, и за столом, и по вечерам. Даже миссис Брук, кажется, почувствовала что-то неладное. А потом настал тот кошмарный день, двенадцатое августа, когда мистер Брук погиб.

Майлз Хаммонд, не сводя с нее взгляда, попятился, передвинулся, чтобы присесть на широкой подоконник.

Крохотные язычки пламени в керосинках горели ровно, тени не двигались. Но в воображении Майлза эту вытянутую библиотеку унесло куда-то прочь. Он снова был в Шартре на берегу Эра, на заднем плане поднималась вилла под названием Борегар, и каменная башня возносилась над рекой. Сцены из прошлого ожили.

— Какой же жаркий был день! — задумчиво проговорила Фей, поводя плечами. — Влажный, с грозами, но такой *жаркий*! Мистер Брук спросил меня после завтрака, наедине, не могу ли я встретиться с ним в башне Генриха Четвертого в четыре часа. Конечно, мне и во сне не могло присниться, что он отправится в «Лионский кредит» в Шартре, чтобы снять эти пресловутые две тысячи фунтов.

Лично я вышла из дома незадолго до трех, как раз перед тем, как мистер Брук вернулся из банка с этими деньгами в портфеле. Время я могу вам назвать до минуты — столько раз я потом повторяла все это полиции! Я хотела пойти окунуться, потому взяла с собой купальник. Но вместо того просто побрела вдоль берега.

Фей помолчала.

— Когда я покинула тот дом, мистер Хаммонд, — она издала странный, какой-то отстраненный смешок, — внешне это был совершенно умиротворенный дом. Джорджина Брук, это мать Гарри, была в кухне, разговаривала с кухаркой. Гарри наверху, у себя в комнате, писал письмо. Гарри — бедняга! — раз в неделю писал в Англию своему старому другу по имени Джим Морелл.

Майлз выпрямился.

— Погодите минутку, мисс Сетон!

— Да?

Вот теперь она наконец подняла веки, быстро поглядела голубыми встревоженными глазами, как будто ее что-то внезапно заинтересовало.

— А этот Джим Морелл, — спросил Майлз, — имеет какое-нибудь отношение к девушке по имени Барбара Морелл?

— Барбара Морелл. Барбара Морелл. — Она повторила имя, и возникший на миг интерес в глазах угас. — Нет, не могу сказать, что когда-либо слышала об этой девушке. А почему вы спросили?

— Потому что… нет, пустяки! Это не имеет значения.

Фей Сетон разгладила юбку, словно всерьез по-

глощенная выбором верных слов. Похожее, она считала все это дело до крайности деликатным.

— Я ничего не знаю об убийстве! — воскликнула она с болезненной настойчивостью. — Потом я снова и снова повторяла это полиции! Незадолго до трех часов я вышла прогуляться по берегу реки, повернула на север и ушла довольно далеко от башни.

Вы, несомненно, слышали, что происходило в это время. Мистер Брук вернулся из банка и принялся искать Гарри. Поскольку Гарри за это время успел спуститься из своей комнаты в гараж, мистер Брук медленно вышел из дома и направился на встречу со мной — на самом деле задолго до назначенного времени! — в башню. Вскоре после того Гарри узнал, куда он ушел, схватил свой дождевик и последовал за мистером Бруком. Миссис Брук позвонила Жоржу Риго, и он выехал в Борегар на своей машине.

А в половине четвертого… я взглянула на наручные часы… я решила, что пора мне возвращаться к башне. Я вошла и услышала голоса, доносившиеся с верхней площадки. Когда я начала подниматься по ступенькам, я узнала голоса Гарри и его отца.

Фей облизнула губы.

Майлзу показалось по едва заметно изменившемуся тону, что она уже в силу привычки — искренне, но как по писаному — твердит слова, заученные от многочисленных повторений.

— Нет, я не слышала, о чем они говорили. Просто я плохо переношу ссоры, потому и не осталась. Выходя из башни, я столкнулась с месье Риго, который как раз входил. А потом… да! Я все-таки пошла искупаться.

Майлз вытаращил на нее глаза:

— Вы плавали в реке?

— Мне было жарко, я устала. Я подумала, это меня освежит. Я переоделась в лесочке у реки, как многие местные. Это даже не рядом с башней, это на порядочном расстоянии от нее, гораздо севернее, на западном берегу. Я плавала, лежала на воде, мечтала. И не знала о случившемся, пока не вернулась обратно домой без четверти пять. Вокруг башни суетилось много людей, среди них и полицейские. И Гарри подошел ко мне, протягивая руки, и сказал: «Боже, Фей, кто-то убил папу».

Она осеклась.

Подняв руку, чтобы прикрыть глаза, Фей полностью заслонила лицо. Когда она снова взглянула на Майлза, на ее губах играла горестная и извиняющаяся улыбка.

— Очень прошу меня простить! — сказала она, чуть повернув голову, отчего тусклый желтый свет волной прошел по волосам. — Понимаете, я как будто снова это *пережила*. У одиноких людей есть такая привычка.

— Да. Знаю.

— И это все, что мне известно. Хотите задать мне какой-нибудь вопрос?

Охваченный смущением, Майлз развел руками:

— Дорогая мисс Сетон! Я здесь не для того, чтобы допрашивать вас, как прокурор!

— Да, наверное. Но лучше бы вы спросили, если у вас остались сомнения.

Майлз замялся.

— Единственное, что полиция действительно смогла мне предъявить, — сказала она, — мое злосчастное купание. Я была на реке. И не оказалось ни одного свидетеля, который видел бы часть башни, обращенную к реке, чтобы подтвердить, кто приближался к ней, а кто — нет. Конечно, это совершенный абсурд, чтобы кто-то — особенно в купальном костюме! — смог подняться по гладкой стене в сорок футов высотой. Им в конце концов пришлось это признать. Но пока до этого дошло!..

Улыбаясь так, словно теперь это уже не имело значения, однако все равно слегка дрожа, Фей поднялась с места. Она проскользнула между стопками книг, доходившими ей до пояса, как будто поддавшись порыву и не оставляя себе времени передумать. Она так и держала голову, чуть склонив набок. В ее глазах и в очертаниях рта была какая-то безвольная мягкость, столь прелестная, что у Майлза защемило сердце. Он спрыгнул с подоконника.

— Вы мне верите? — воскликнула Фей. — Скажите, что верите мне!

Глава восьмая

Майлз улыбнулся ей:

— Конечно я верю вам!

— Спасибо, мистер Хаммонд. Просто мне показалось, вы немного сомневаетесь, немного… как бы это сказать?

— Ничего подобного. Похоже, отчет профессора Риго был как-то скомкан посередине, и некоторые моменты не давали мне покоя. К какому же официальному заключению пришла полиция?

— Они решили в итоге, что это самоубийство.

— *Самоубийство?*

— Да.

— Но почему?

— Я подозреваю, — и тонкие дуги бровей Фей робко взлетели в изумлении, — потому что они не смогли подыскать другое объяснение. А подобный вывод помогал им сохранить лицо. — Она замялась. — Так же правда, что отпечатки мистера Брука, и только отпечатки мистера Брука, были найдены на рукояти его трости с клинком. Вы знаете, что у него была трость с клинком?

— О да. Я даже видел это адское орудие.

— Патологоанатома, милого и забавного коротышку, по имени доктор Поммар, едва удар не хватил, когда он услышал вердикт. Он изложил некоторые технические подробности, которых, боюсь, я не поняла, чтобы доказать: угол, под которым вошел клинок, невозможен для самоубийства, совершенно невозможен, если только мистер Брук не держал оружие за клинок вместо рукояти. Но все равно… — Она пожала плечами.

— Нет, подождите! — запротестовал Майлз. — Насколько я понимаю, портфель с деньгами тоже пропал?

— Да. Так и есть.

— Если никто не поднимался на башню, чтобы заколоть мистера Брука, что же, по мнению следователей, случилось с этим портфелем?

Фей отвернулась от него.

— Они решили, — ответила она, — что мистер Брук в предсмертных конвульсиях… что он каким-то образом спихнул портфель с парапета в реку.

— Они прочесали реку?

— Да. Сразу же.

— И что же, нашли?

— Тогда не нашли… потом тоже.

Фей наклонила голову так, словно собиралась

бодаться, глядя при этом в пол.

— И не потому, что они плохо старались! — воскликнула она вполголоса. Она провела кончиками пальцев по книгам, оставив полосы в пыли. — Это дело прогремело на всю Францию в ту первую военную зиму. Бедняжка миссис Брук умерла в ту же зиму; как говорили, умерла от горя. Гарри, как я уже сказала вам, погиб при эвакуации в Дюнкерке.

А потом пришли немцы. Они были рады любой возможности представить публике какое-нибудь сенсационное убийство, в особенности такое… такое, где замешана распущенная женщина, — они считали, что это отличный способ развлечь французов и удержать от любых бунтов. И *они* уж позаботились, чтобы любопытство публики не ослабевало!

— Я так понимаю, — сказал Майлз, — вы застряли там, когда началось вторжение? А до того в Англию не возвращались?

— Нет, — ответила Фей. — Мне было стыдно.

Майлз отвернулся от нее и, стоя спиной, с жаром ударил кулаком по подоконнику.

— Все, хватит уже об этом, — заявил он.

— Не переживайте! Все в полном порядке.

— Ничего *не* в порядке! — Майлз угрюмо уста-

вился в окно. — Я сию секунду даю вам торжественное обещание, что с этой темой покончено, что я никогда не вернусь к ней впредь, что никогда не задам вам больше ни единого вопро… — Он замолк. — Значит, вы так и не вышли за Гарри Брука?

Она отражалась в окнах с мелким переплетом, в черном подсвеченном стекле, и он увидел, как она засмеялась, раньше, чем услышал смех. Он увидел, как Фей запрокинула голову, расправила плечи, увидел, как задвигалась белая шея, закрытые глаза и заломленные руки, прежде чем ее почти истерический смешок задохнулся, резко прозвучав в тихой библиотеке, поразив его своим неистовством, какого он никак не ожидал от такой инертной девушки.

Майлз развернулся. Его захлестнула, проникая до самого сердца, такая волна сострадания и желания защитить — опасно похожая на любовь, — что всякое напряжение ушло. Он, спотыкаясь, шагнул к ней, протягивая руку. И с грохотом обрушил стопку книг, всколыхнув облако пыли, которое поднялось в тусклом свете, как раз в тот момент, когда Мэрион Хаммонд открыла дверь и вошла.

— Вот вы двое, — заговорила Мэрион, голос

здравого смысла, разом оборвавший всякие эмоции, словно лопнула струна, — вы двое хотя бы представляете, сколько сейчас времени?

Майлз стоял неподвижно, часто дыша. Фей Сетон тоже стояла неподвижно, с таким же умиротворенным лицом, как и прежде. Тот взрыв чувств мог быть иллюзорным отражением, увиденным в стекле, или отголоском сна.

Однако напряжение ощущалось даже в ясноглазой и такой оживленной Мэрион.

— Уже почти половина двенадцатого, — продолжала она. — Даже если Майлз собирается засидеться далеко за полночь, по своему обыкновению, я обязана проследить, чтобы все остальные не лишились сна.

— Мэрион, ради всего…

Она заворковала над ним.

— Вот только не надо брюзжать, Майлз. Можете себе представить, — обратилась она к Фэй, — можете представить, что человек, едва ли не ч*резмерно* сочувствующий всем на свете, со мной ведет себя как чудовище?

— На самом деле, мне кажется, большинство братьев такие.

— Точно. Вероятно, вы правы. — Крепко сбитая Мэрион, с коротко подстриженными темными

волосами и в кухонном фартуке, с видимым неудовольствием и недоверием протиснулась через книжные джунгли. Решительно взяла лампу Фей и вложила ее в руку гостье.

— Мне так нравится ваш замечательный подарок, — загадочно сообщила она Фей, — что я тоже хочу что-нибудь подарить вам. Да, хочу! *Коробочку* кое-чего! Она наверху, у меня в спальне. Вы поднимайтесь прямо туда и сами увидите, а я присоединюсь к вам через минуту, после чего сразу же отправлю вас вниз в постель. Вы… вы же найдете дорогу?

Подняв лампу повыше, Фей улыбнулась ей в ответ:

— О да! Мне кажется, я не заблужусь в этом доме. И это ужасно мило с вашей стороны…

— Ничего подобного, моя дорогая! Ступайте!

— Доброй ночи, мистер Хаммонд.

Смущенно обернувшись на Майлза, Фей закрыла за собой дверь. Теперь, когда осталась всего одна керосинка, было несколько труднее рассмотреть лицо Мэрион, стоявшей в полумраке. Однако даже сторонний наблюдатель заметил бы, что некая буря чувств, опасная буря, уже собирается над этим домом. Мэрион заговорила мягко:

— Майлз, дружище!

— Да?

— Это, между прочим, было уже чересчур.

— Что именно?

— Ты знаешь, о чем я.

— Напротив, дорогая моя Мэрион, не имею ни малейшего понятия, о чем ты толкуешь, — ответил Майлз. Он выпалил эти слова, как сам понимал, помпезным и напыщенным тоном, он сознавал это, сознавал, что Мэрион сознает это, и от этого начал закипать. — Если только ты не хочешь сказать, что все это время подслушивала под дверью.

— Майлз, только не надо так *ребячиться*!

— Не желаешь ли как-то пояснить свое довольно оскорбительное замечание? — Он шагнул к ней, отправив в полет книжную стопку. — Что это означает на самом деле, я имею в виду: тебе не нравится Фей Сетон?

— Вот здесь ты ошибаешься. Она мне *еще как* нравится! Только…

— Продолжай, пожалуйста.

Мэрион беспомощно огляделась, вскинула руки, а затем уронила их на свой передник.

— Ты сердишься на меня, Майлз, потому что я мыслю практично, а ты — нет. Я не могу *не быть* практичной. Так уж я устроена.

— Я вовсе тебя не осуждаю. Так почему же ты осуждаешь меня?

— Это ради твоего же блага, Майлз! Стив — видит Бог, Майлз, я очень люблю Стива!..

— Стив, должно быть, достаточно практичен для тебя.

— Несмотря на эти его усы и медлительность, Майлз, он очень чувствительный и романтичный, и в этом немного похож на тебя. Может, все мужчины такие, не знаю. Однако Стиву даже нравится, когда им помыкают, тогда как ты не терпишь подобного ни при каких условиях…

— Нет, конечно, боже упаси!

— …И даже не принимаешь ничьих советов, а это, признай, попросту глупо. Во всяком случае, не будем ссориться. Прости, что я затронула эту тему.

— Послушай, Мэрион. — Он уже взял себя в руки. Он говорил размеренно и искренне верил в каждое произнесенное им слово. — У меня нет особого личного интереса к Фей Сетон, если это то, о чем ты подумала. У меня чисто научный интерес к этому убийству. Человек убит на вершине башни, где никто, НИКТО, не мог к нему приблизиться…

— Ладно, Майлз. Не забудь запереть дверь,

прежде чем лечь, дорогой. Доброй ночи.

Повисло напряженное молчание, а затем Мэрион двинулась к выходу. Это задело Майлза за живое, ему стало стыдно.

— Мэрион!

— Да, дорогой?

— Без обид, старушка? — Он подмигнул.

— Конечно без обид, дурачок! И лично *мне* нравится Фей Сетон, в некотором смысле. Но послушай, Майлз, что касается твоих парящих убийц и тех, кто способен ходить по воздуху, — я всего лишь хочу увидеть хотя бы одного из них, чтобы поверить, вот и все!

— Исключительно из научного интереса, Мэрион: что бы ты сделала, если бы увидела?

— Ну, даже не знаю. Вероятнее всего, выстрелила бы в него из револьвера. Но обязательно запрись на ночь, Майлз, и не уходи в лес, оставив все двери нараспашку. Спокойной ночи!

И дверь за ней закрылась.

После ее ухода Майлз немного постоял неподвижно, пытаясь привести в порядок взбудораженные мысли. Он машинально поднял и положил на место сбитые им на пол книги.

Да с чего вообще эти женщины ополчились на Фей Сетон? Например, вчера вечером Барба-

ра Морелл едва ли не заклинала его опасаться Фей — или нет? В поведении Барбары было много моментов, которые он никак не мог вписать ни в какую логическую схему. Он был уверен только в том, что она эмоционально взвинчена. Фей, с другой стороны, заявила, что не знает Барбары Морелл, зато Фей упоминала, сделав на этом акцент, некоего человека с такой же фамилией…

Джим Морелл. Так его звали.

Да какого черта!

Майлз Хаммонд снова развернулся, чтобы сесть на подоконник. Бросив взгляд за спину на темнеющий силуэт леса, подступавший на двадцать ярдов к дому, он оценил эту темноту и вдохнул аромат, словно бальзам от лихорадки. И вот, открыв пошире одну из оконных створок, он протиснулся в окно и спрыгнул вниз.

Вдыхая этот напоенной росою сумрак, он ощутил, как расправились легкие. Он поднялся по невысокому травянистому склону террасы на открытое пространство между домом и кромкой леса. Длинная стена дома теперь оказалась ниже его на несколько футов: он смог по очереди заглянуть в библиотеку, в темную столовую, в гостиную, где тускло мерцала одинокая керосинка, а затем в темную переднюю. Почти все

остальные комнаты в Грейвуде были спальнями, в основном пустующими и сильно нуждающимися в ремонте.

Он поглядел наверх, влево. Спальня Мэрион находилась в дальней части дома, над библиотекой. Окна спальни, выходившие на эту сторону — на восток, — были задернуты шторами. Из окон, выходивших на юг, на другой участок подступавшего к дому леса, пробивался тускло-желтый свет, и Майлз видел, как его пятна касаются деревьев на опушке. Хотя сами освещенные окна оставались за углом, их желтый отсвет так и маячил у Майлза на периферии зрения. И пока он смотрел, женская тень медленно заслонила свет.

Сама Мэрион? Или Фей Сетон, зашедшая к ней поболтать перед сном?

Все в полном *порядке*!

Бормоча что-то себе под нос, Майлз развернулся и двинулся на север, к парадному фасаду дома. Было немного зябко, зря он не захватил с собой хотя бы плащ. Но эта полная птичьего пения тишина и обещание скорой луны, уже проложившей белую дорожку позади деревьев, одновременно успокаивали и воодушевляли его.

Он вышел на открытое пространство перед Грейвудом. Прямо перед ним, под деревянным

мостом, бежал ручей. Майлз ступил на мост, облокотился на перила и так и стоял, прислушиваясь к негромкому шепоту воды в ночи. Он простоял, наверное, минут двадцать, погруженный в свои мысли, в которых то и дело возникало некое лицо, когда его внимание привлекло неровное тарахтенье автомобильного мотора.

Машина, скрытая деревьями, подкатила со стороны главного шоссе и, дернувшись, остановилась на гравиевой дорожке. Из нее выбрались два человека, один держал электрический фонарик. Пока они с трудом тащились пешком к мосту, Майлз отметил, что один из них, невысокий и округлый, быстро семенит, слегка подскакивая и косолапя. Другой же, непомерно высокий и непомерно толстый, кажется еще обширнее в своей длинной темной пелерине; он вышагивал, раскачиваясь из стороны в сторону, с императорским величием, и звук, с каким он прочистил горло, возвестил о его прибытии не хуже боевого клича.

Человек поменьше, узнал Майлз, профессор Жорж Антуан Риго. А непомерно большой его спутник — друг Майлза, доктор Гидеон Фелл.

Он в изумлении окликнул их по имени, и они остановились.

Доктор Фелл, рассеянно развернувший фонарик на себя, когда поводил им в поисках источника голоса, так и застыл на мгновение, и Майлзу показалось, что лицо его сделалось еще краснее, а взгляд — отстраненнее, чем он помнил. Несколько его подбородков напряглись, словно он готовился к жаркому спору. Пенсне на широкой черной ленте сидело на носу сикось-накось. Громадная копна подернутых сединою волос подрагивала от готовности поспорить, как и разбойничьи усы. И вот он стоял, всматриваясь в темноту, громадный человек с непокрытой головой, поворачиваясь во все стороны, кроме правильной.

— Я здесь, доктор Фелл! На мосту! Идите вперед.

— О, ага! — выдохнул доктор Фелл.

Он вперевалку, но величественно двинулся дальше, помахивая тростью и с грохотом сотрясая доски моста, и остановился, каланчой возвышаясь над Майлзом.

— Сэр, — нараспев начал доктор Фелл, поправляя свое пенсне и глядя сверху вниз, словно особенно крупный джинн, обретающий очертания, — добрый вечер. Можете даже не сомневаться, что двое мужчин — гм! — преклонных

годов и академических наклонностей способны на любую вопиющую глупость. Я имею в виду, разумеется…

И снова доски моста задрожали.

Риго, словно шумный маленький терьер, все же сумел протиснуться мимо громады доктора Фелла. Он остановился, схватившись за перила моста, и уставился на Майлза все с тем же неистребимым любопытством на лице.

— Профессор Риго, — произнес Майлз, — я обязан принести вам свои извинения. Я намеревался позвонить этим утром, честное слово, хотел. Только я не знал, где именно вы остановились в Лондоне, и потому…

Профессор часто задышал.

— Молодой человек, — ответил он, — вы вовсе не обязаны извиняться. Нет, нет, нет! Это как раз я должен извиняться.

— Как так?

— Justement![10] — подтвердил профессор Риго, очень часто кивая. — Вчера вечером я сыграл с вами маленькую шутку. Я дразнил и искушал вас и мисс Морелл до самого последнего момента. Разве не так?

---

[10] Notes: 10
Именно! *(фр.)*

— Да, наверное, так и было. Однако…

— Даже когда вы, молодой человек, ненароком упомянули, что ищете библиотекаря, это показалось мне не более чем забавным совпадением. Я так и не догадался, ни-ни, что эта женщина вовсе не в пяти сотнях миль отсюда! Я так и не понял — даже не подумал! — что эта леди уже в Англии!

— Вы говорите о Фей Сетон?

— Естественно.

Майлз облизнул губы.

— Но сегодня утром, — продолжал профессор Риго, — мисс Морелл *действительно* звонит мне по телефону с какими-то путаными и невнятными объяснениями касательно прошлого вечера. После чего мисс Морелл сообщает заодно, что Фей Сетон в Англии, она знает ее адрес и уверена, что эту леди могут прислать к вам в качестве работника. Я звоню в отель «Беркли», стараясь тактично навести справки. — Он мотнул головой через плечо. — Видите автомобиль?

— А что с ним?

— Я позаимствовал его у одного приятеля, чиновника из Уайтхолла, у которого имеется бензин. Я нарушил закон, чтобы приехать и предупредить вас. Вы должны найти вежливый

предлог, чтобы раз и навсегда отвадить эту леди от своего дома.

Лицо профессора блестело в свете восходящей луны белесым пятном, щеточка усов больше не казалась комичной, и сам он был отчаянно серьезен. Локтем левой руки он прижимал к себе толстую желтую трость с клинком, которым был заколот Ховард Брук. Еще долго после того Майлзу Хаммонду вспоминалось журчание ручья, громадный нависающий силуэт доктора Фелла и этот коротышка-француз, крепко вцепившийся в перила моста правой рукой. А пока что Майлз отступил на шаг:

— Неужели и *вы* туда же!

Брови профессора Риго изумленно взлетели.

— Не понял.

— Признаться откровенно, профессор Риго, все до единого предостерегают меня по поводу Фей Сетон. И мне уже до чертиков все это надоело!

— Так это *правда,* значит? Вы действительно пригласили на работу эту леди?

— Да! Почему же нет?

Стремительный взгляд профессора Риго метнулся через плечо Майлза на дом на заднем плане.

— Кто здесь еще сегодня, кроме вас?

— Только моя сестра Мэрион.

— Слуги? Или кто-нибудь другой?

— Нет, и в ближайшее время не будет. Но какая разница? К чему подобные вопросы? Почему мне нельзя пригласить сюда мисс Сетон, чтобы она осталась столько, сколько пожелает?

— Потому что вы умрете, — просто ответил его собеседник. — Вы и ваша сестра, оба умрете.

Глава девятая

Блестящее лицо Риго побледнело еще сильнее, стало совсем белым в свете поднимавшейся луны, которая уже посеребрила воду под ними.

— Прошу вас за мной, — отрывисто пригласил Майлз.

Он развернулся и повел их обратно к дому.

С западной стороны Грейвуда простиралась широкая ровная лужайка с коротко подстриженной, как на площадке для игры в шары, травой, где смутно проступали контуры плетеных стульев, небольшого стола и садовых качелей под пестрым навесом. Майлз мимоходом бросил взгляд на эту часть дома. Света нигде не было, хотя Фей Сетон поселили в спальне на первом этаже. Фей, должно быть, уже легла.

Майлз провел всех кругом, через боковой вход в восточной стене дома, через переднюю, украшенную небольшой коллекцией средневекового оружия, которую собрал его дядюшка, а затем в вытянутую гостиную. Гостиная была приятной комнатой с гобеленовыми креслами, невысокими белыми книжными стеллажами и небольшим

Леонардо над каминной полкой. Единственная горевшая здесь лампа была ночником, и его крохотное пламя порождало немыслимо огромные тени, однако Майлз не имел ни малейшего желания прибавить света.

Он развернулся к своим гостям в тишине полуночного Нью-Фореста.

— Думаю, мне следует сказать вам, — начал он громче, чем было необходимо, — что я уже имел долгий разговор с мисс Фей Сетон…

Профессор Риго замер:

— *Она рассказала вам!*

«Ну-ка успокойся! Нет ни малейшей причины ни для кома в горле, ни для того, чтобы сердце бухало, словно молот!»

— Она сообщила мне факты о смерти мистера Брука, да. Полиция в итоге пришла к выводу, что это было самоубийство, поскольку только отпечатки мистера Брука были найдены на трости с клинком. Это правда?

— Да.

— И во время… в то время, когда все случилось, Фей Сетон пошла купаться в реке на некотором расстоянии от башни. И *это* правда?

— Насколько известно, — профессор Риго кивнул, — да. Но рассказала ли она вам о молодом

человеке по имени Пьер Фреснак? Сыне Жюля Фреснака?

— Стоит ли, — Майлз едва не перешел на крик, — стоит ли нам проявлять такую дьявольскую щепетильность в современном мире? В конце-то концов! Если даже что-то и было между этим юношей Фреснаком и Фей Сетон…

— Англичане! — выдохнул профессор Риго едва ли не с благоговением. И прибавил, выдержав паузу: — Ох уж эти англичане!

Он стоял, обернувшись, в свете настолько тусклом, что было невозможно различить выражение лица, и доктор Фелл горой возвышался позади него. Профессор прислонил желтую трость с клинком внутри к подлокотнику гобеленового кресла и снял шляпу. В интонациях его голоса, вовсе не громкого, было что-то, бившее Майлза по нервам.

— Вы прямо как Ховард Брук, — выдохнул профессор Риго. — Стоит мне сказать что-то, и вы думаете, что речь исключительно о…

Он снова умолк.

— Неужели вы допускаете, молодой человек, — продолжал он довольно язвительно, — что фермер из департамента Эр и Луар даст хотя бы два су, хотя бы бровью поведет из-за *такого,* —

он прищелкнул пальцами, — из-за любовной интрижки между своим сыном и соседкой? Да его это лишь позабавит, если он вообще что-нибудь заметит. Уж подобное точно, уверяю вас, не породило бы ту бурю, которая нагнала страху на всех окрестных фермеров. И не вынудило бы Жюля Фреснака запустить в женщину камнем на проезжей дороге.

— В таком случае, *что же*?

— Можете мысленно вернуться в дни накануне смерти Ховарда Брука?

— Могу.

— Этот юноша, Пьер Фреснак, жил со своими родителями в каменном фермерском доме у дороги между Шартром и Ле-Маном. Необходимо отметить, что его спальня находилась под самой крышей над тремя лестничными пролетами.

— И что же?

— Несколько дней Пьер Фреснак был болен, его мучила слабость, он был не в себе. И он не осмелился — поскольку сам не понимал и считал все это просто приснившимся кошмаром — ничего никому рассказать. Как и все молодые люди, он опасался, что ему попадет за то, в чем он не виноват. И потому он просто обмотал шею шарфом и не обмолвился никому ни словечком.

Он решил, это был сон, когда видел из ночи в ночь белое лицо, паривше за его окном под крышей. Он решил, это был сон, когда видел, как тело обретает очертания в нескольких метрах над землей, и чувствовал, как, немея, слабеют разум и мышцы, — так слабеет свет лампы, когда прикручиваешь фитиль. И это его отец в конце концов сдернул с него шарф. И тогда обнаружились отметины от острых зубов на шее в том месте, где пустили кровь.

В наступившей тишине Майлз Хаммонд с каким-то диким напряжением ждал, что сейчас кто-нибудь засмеется.

Он ждал, чтобы кто-то расколол эту пустоту. Он ждал, что Риго запрокинет голову и хмыкнет так, что покажется его золотой зуб. Он ждал гаргантюанского хохота доктора Фелла. Однако ничего не произошло. Никто даже не улыбнулся и не спросил, как ему такая шутка. Но от чего он впал в ступор, что вызвало у него подобие паралича, так это произнесенные этим веским и ровным тоном полицейского протокола слова: «Отметины от острых зубов на шее в том месте, где пустили кровь».

Майлз услышал собственный голос, словно издалека:

— Вы спятили?

— Нет.

— Вы хотите сказать…

— Да, — произнес профессор Риго. — Я говорю о вампире. Я имею в виду неупокоенного. Я имею в виду опустошителя тел и истребителя душ.

Белое лицо, парившее в воздухе за его окном под крышей.

Белое лицо, парившее в воздухе за его окном под крышей…

Несмотря ни на что, Майлз не мог засмеяться. Он попытался, но звук застрял в горле.

— Добрый и простодушный мистер Ховард Брук, — продолжал профессор Риго, — ничего этого не понял. Он видел во всем лишь вульгарную интрижку между молодым деревенским парнем и женщиной постарше. Он был потрясен до самой глубины своей британской души. И просто был уверен, что от любой аморальной женщины можно откупиться деньгами. И потому…

— И потому?

— Он умер. Вот и все.

Профессор Риго с жаром замотал лысой головой. Он взял трость-клинок, сунул под мышку.

— Вчера вечером я пытался — увы, виновато мое дурацкое чувство юмора! — раздразнить

вас загадкой. Факты я изложил верно, хотя и несколько уклончиво. Я сказал вам, что эта женщина не была в общепринятом смысле какой-либо преступницей. Я честно сказал вам, что в повседневной жизни она деликатная, даже стыдливая.

Однако это неприменимо к ее душе, с которой она ничего не может поделать, как я ничего не могу поделать со своей жадностью или любознательностью. Это неприменимо к душе, способной покидать тело в состоянии транса или во сне и принимать видимую глазом форму. Эта душа, как и белое лицо за высоким окном, кормится, вытягивая жизнь из крови живущих.

Если бы Ховард Брук рассказал хоть что-нибудь из этого сразу, я смог бы ему помочь. Но нет, нет, нет! Эта женщина распутна; дело надо замять. Наверное, мне следовало бы догадаться самому, по внешним признакам и по той истории, которую я рассказал вам. Даже ее внешность: рыжие волосы, стройная фигура, голубые глаза — в фольклоре всегда ассоциировалась с вампирами, поскольку все это эротично. Но я, как водится, не вижу того, что находится у меня перед носом. Мне пришлось выяснять все это уже после смерти Ховарда Брука, у толпы крестьян, жаждавших

устроить самосуд.

Майлз поднес руку ко лбу и с силой прижал.

— Но вы же не можете всерьез верить в это! Вы же не можете верить в это… в подобное…

— …В подобное существо, — подсказал профессор Риго.

— Давайте скажем, в подобную личность. Вы пытаетесь убедить меня, что Фей Сетон убила Ховарда Брука?

— Это сделал вампир. Потому что вампир его ненавидел.

— Это было обыкновенное убийство, совершенное острым клинком! Никакие сверхъестественные силы не принимали участие!

— Тогда как, — поинтересовался профессор Риго холодно, — убийца подобрался и покинул свою жертву?

Снова повисло долгое молчание.

— Послушайте, друг мой! — воскликнул Майлз. — Я повторю снова: вы же не можете всерьез верить в это! Вы, рассудительный человек, не можете ведь выдвигать в качестве объяснения подобные суеверия…

— Нет, нет, нет! — произнес профессор Риго в три отдельных слова, словно молотком пристукнул, и вдруг щелкнул в воздухе пальцами.

— Что вы имеете в виду под «нет»?

— Я хочу сказать, — пояснил профессор Риго, — что частенько полемизировал со своими учеными коллегами по поводу слова «суеверие». Можете вы оспорить факты, которые я изложил?

— Очевидно, нет.

— Justement! А предположим — я говорю, предположим! — что такие существа, как вампиры, живут рядом с нами, вы согласились бы тогда, что этим объясняются все поступки Фей Сетон за то время, которое она провела в семье Бруков?

— Но послушайте!..

— Я скажу вам, — маленькие глазки профессора блестели от исступленного желания донести свою логику, — я скажу вам: «Вот определенные факты, прошу, объясните их». Факты, факты, факты! Вы отвечаете, что не можете их объяснить, однако мне нельзя — нельзя, нельзя! — нести разную суеверную чушь, потому что мои предположения опрокидывают вашу вселенную и пугают вас. Вероятно, вы правы, говоря это. Может быть, вы ошибетаесь, говоря это. Но выходит, что это я человек рассудительный, а вы — суеверный.

Он крутанулся к доктору Феллу:

– *Вы* согласны, дорогой доктор?

Доктор Фелл нависал над невысокими белыми

стеллажами с книгами, скрестив руки на груди поверх своей длинной клетчатой пелерины и уставившись невидящим взглядом на слабое пламя керосиновой лампы. Его присутствие выдавало лишь негромкое, с присвистом дыхание — время от времени он принимался сопеть, а потом умолкал, как будто пробуждаясь от кратковременной дремы, — да еще широкая черная лента пенсне, которая трепетала, когда вздымалась и опадала его грудь.

Лицо доктора, красное как топка, обыкновенно выражало ту степень сердечности, которая делала его поистине великим утешителем, похожим на старого доброго короля Коля[11]. Гидеон Фелл, как было известно Майлзу, слыл необычайно добродушным, необычайно искренним, до крайности рассеянным и безалаберным человеком, который своими триумфами был обязан, во всяком случае наполовину, именно этой рассеянности. Но в данный момент его лицо с оттопыренной нижней губой и поникшими разбойничьими усами казалось воплощением свирепости.

---

[11] Notes: 11

Король Коль — полумифический персонаж в истории Британии, имеющий кельтское происхождение. Герой детских стишков, в которых показан любителем пиров и увеселений.

– *Вы* согласны, дорогой доктор? — не отставал Риго.

— Сэр… — начал доктор Фелл, уже поднимаясь на дыбы в мощном порыве цветистого красноречия в духе доктора Джонсона[12]. Затем он, похоже, передумал, утихомирился и почесал нос.

— Месье? — гнул свое Риго тем же официальным тоном.

— Я не отрицаю, — произнес доктор Фелл, взмахнув рукой и поставив под серьезную угрозу судьбу бронзовой статуэтки на книжной полке, — я не отрицаю, что сверхъестественные силы могут существовать в этом мире. На самом деле я твердо уверен в том, что они существуют.

— Вампиры! — воскликнул Майлз Хаммонд.

— Да, — подтвердил доктор Фелл с такой серьезностью, что сердце у Майлза упало. — Может быть, даже вампиры.

Собственная трость доктора Фелла с загнутой рукоятью стояла тут же, прислоненная к книжному стеллажу. Однако в данный момент он смотрел, и даже еще более пустым и бессмысленным взглядом, на толстую желтую трость-клинок,

---

[12] Notes: 12

Доктор Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский литературный критик, биограф, эссеист, лексикограф и поэт, известный остроумными высказываниями.

зажатую под мышкой у профессора Риго.

С присвистом дыша, доктор Фелл проковылял вперед и взял трость у Риго. Повертел ее в руках. Держа ее в той же рассеянной манере, он протопал по комнате и уселся — весьма неуклюже — в просторное гобеленовое кресло у пустого камина. Вся комната содрогнулась, когда он опустился, хотя это был весьма надежно построенный дом.

— Но я считаю, — продолжал он, — как и любой честный ученый, занимающийся духовными явлениями, что первым делом необходимо исследовать факты.

— Месье, — воскликнул профессор Риго, — я же *предоставил* вам факты!

— Сэр, — отозвался доктор Фелл, — в этом никаких сомнений.

Нахмурившись, он часто заморгал, глядя на трость с клинком внутри. Медленно открутил рукоятку, вынул оружие из ножен и рассмотрел его. Изучил резьбу на рукоятке, поднеся ее близко к перекошенному пенсне, постарался даже заглянуть внутрь ножен. Когда этот ученый муж поднялся и заговорил снова, в его голосе прозвучали интонации, присущие скорее школяру.

— Да ну! Лупы, случаем, ни у кого не найдется?

— Где-то в доме имеется, — ответил Майлз, ста-

раясь переключиться на новый вопрос. — Однако не помню, где видел ее в последний раз. Если хотите, я…

— Говоря откровенно, — отозвался доктор Фелл виновато, — я не уверен, что она так уж мне необходима. Просто человек с лупой потрясающе выглядит, а еще обретает бесподобное ощущение собственной важности. Гм. — Его тон изменился: — Кажется, кто-то говорил, что видел пятна крови *внутри* ножен?

Профессор Риго дошел уже до того, что едва не подскакивал от нетерпения.

— Да, там внутри *есть* пятна крови! Я говорил об этом вчера вечером мисс Морелл и мистеру Хаммонду. И говорил об этом снова вам, сегодня утром. — В его голосе послышался вызов: — И что же?

— Да, — доктор Фелл медленно кивнул, словно величественный лев, — по-прежнему остается еще один момент.

Покопавшись во внутреннем кармане под просторной пелериной, доктор Фелл выудил сложенные пополам, исписанные от руки страницы. Майлз без труда узнал их. Это был отчет профессора Риго по делу Брука, составленный для архива Клуба убийств и возвращенный самим

Майлзом после того, как его похитила Барбара Морелл. Доктор Фелл взвесил страницы на руке.

— Когда Риго сегодня утром привез мне это сочинение, — произнес он с искренним благоговением в голосе, — не могу выразить, как оно меня зачаровало. О боже! О Бахус! Вот это находка для клуба! Однако немедленно возникает важный вопрос. — Он впился взглядом в Майлза. — Кто такая Барбара Морелл и зачем она сорвала ужин в Клубе убийств?

— А! — выдохнул профессор Риго, быстро кивая и потирая руки. — Это и меня очень сильно интересует! *Кто* такая Барбара Морелл?

Майлз в ответ уставился на них:

— Да какого черта! Нечего на меня смотреть. *Я* понятия не имею!

Брови профессора Риго изумленно взлетели.

— Разве это не вы провожали ее домой?

— Только до станции метро, и на этом все.

— И вы, значит, не обсуждали этот вопрос?

— Нет. Это не… нет.

Толстенький невысокий француз умел сконфузить своим взглядом.

— Вчера вечером, — сказал профессор Риго доктору Феллу, после того как вдоволь посверлил взглядом Майлза, — эта малышка, мисс Морелл,

была расстроена до крайности. Да! Единственное, что очевидно: она очень сильно переживала из-за Фей Сетон, и она, несомненно, хорошо ее знает.

— Напротив, — возразил Майлз. — Мисс Сетон утверждает, что никогда в жизни не встречала Барбару Морелл и ничего о ней не знает.

Он как будто ударил в гонг, требуя тишины. Лицо профессора Риго обрело едва ли не зловещее выражение.

— Она вам так сказала?

— Да.

— Когда?

— Вечером, в библиотеке, когда я… расспрашивал ее о разном.

— Вот как! — выдохнул профессор Риго, снова оживляясь и выражая интерес. — Вы в числе ее жертв… — это слово ударило Майлза, словно кулак в лицо, — вы в числе ее жертв, но вам хотя бы хватило храбрости! Вы изложили суть дела и задали ей вопрос?

— Я не то чтобы изложил суть дела, нет.

– *Она* добровольно сообщила вам сведения?

— Да, полагаю, можно так сказать.

— Сэр, — произнес доктор Фелл, снова усаживаясь в кресло с рукописным отчетом, тростью-клинком на коленях и весьма странным

выражением на лице, — мне бы несказанно помогло — гром и молния, как бы мне помогло! — если бы вы пересказали мне все, что сообщила вам эта леди. Если бы рассказали мне здесь, прямо сейчас (прошу прощения), ничего не упуская и не искажая.

Должно быть, подумал Майлз, уже очень поздно. Такая звенящая тишина стояла в доме, что ему показалось, он слышит, как бьют часы где-то в недрах кухни. Мэрион наверняка крепко спит наверху, в комнате над библиотекой; Фей Сетон наверняка крепко спит внизу. Набравшая силу луна лила в окна мертвенную бледность, приглушая и без того едва заметную искру света в лампе и рисуя на противоположной стене вытянутые прямоугольники окон.

Майлз заговорил с пересохшим горлом, медленно и старательно. Всего раз доктор Фелл прервал его вопросами.

— Джим Морелл! — повторил доктор так резко, что профессор Риго подскочил. — Большой друг Гарри Брука, которому Гарри регулярно писал раз в неделю. — Он повернул к Риго крупную голову. — Были вы знакомы с Джимом Мореллом?

Риго, присевший на край стола, с готовностью подался вперед, приставив ладонь к уху, но в

ответ лишь яростно помотал головой:

— Как бы я ни хотел помочь, дражайший доктор, это имя совершенно ново для меня.

— Гарри Брук никогда даже не упоминал о нем?

— Никогда.

— И он… — доктор Фелл постучал пальцем по рукописи, — не упоминается в этом вашем восхитительно последовательном повествовании. Ссылок на него нет и в прикрепленных письменных показаниях других опрошенных свидетелей. И все же Гарри Брук писал ему в тот самый день… — Доктор Фелл немного помолчал. Не было ли вызвано игрой света это на миг промелькнувшее выражение в его глазах? — Не важно! — сказал он. — Продолжайте!

Однако Майлз снова увидел это выражение, на короткий миг, прежде чем успел завершить свой рассказ. У доктора Фелла был вид человека, сбитого с толку, встревоженного, наполовину ослепшего от сияния правды и все же при этом охваченного откровенным ужасом. Вот что особенно било по нервам. Все время, пока Майлз механически продолжал рассказ, безумные мысли метались на заднем плане его сознания.

Доктор Фелл, конечно же, не мог поверить в эту

чепуху насчет вампиров. Профессор Риго, вероятно, искренне верит в реальность злых духов, вселяющихся в плоть, злых духов, способных покинуть тело и материализоваться где-то высоко в воздухе, маяча белым лицом за окнами.

Но только не доктор Фелл. Это можно утверждать смело! Все, чего хотел Майлз, — услышать это от него самого.

Все, чего хотел Майлз, — сло́ва, жеста, подмигивания, способных разогнать весь этот тлетворный туман, который Жорж Антуан Риго назвал бы вампирским туманом. Услышать восторженный рев: «Ну же, ну! Ну и дела! Архонты Афин!» Увидеть, как подергиваются все подбородки, как сотрясается необъятный жилет, когда Гидеон Фелл в знакомом Майлзу старомодном изумлении откидывается в кресле, громыхая металлическим наконечником своей трости об пол.

Но Майлз так ничего и не услышал.

Вместо того, когда Майлз завершил свой рассказ, доктор Фелл откинулся в кресле, прикрывая глаза козырьком ладони и держа на коленях трость-клинок с кровавыми пятнами.

— Это всё? — уточнил он.

— Да. Это всё.

— О, ага. А вам, друг мой, — доктор Фелл мощно

откашлялся, прочищая горло, прежде чем обратиться к Риго, — я хотел бы задать жизненно важный вопрос. — Он помахал в воздухе рукописью. — Когда вы писали это, вы, разумеется, тщательно подбирали слова?

Профессор Риго выпрямился как палка:

— Разве нужно говорить, что да?

— И вы не захотели бы изменить здесь ни слова?

— Нет, уверяю вас! С чего бы вдруг?

— Позвольте, я прочту вслух, — решительно произнес доктор Фелл, — две-три строчки из вашего отчета о последнем разе, когда вы видели мистера Ховарда Брука на вершине башни, перед тем как на него напали.

— Ну же?

Доктор Фелл послюнил палец, поправил пенсне на черной ленте и пролистал рукопись.

— «Мистер Брук, — зачитал он громко, — стоял у парапета, бескомпромиссно развернувшись к нам спиной. По одну сторону от него…»

— Простите, что перебиваю, — вставил Майлз, — но слова в точности те, какими профессор Риго вчера вечером рассказывал нам эту историю, а не читал по написанному.

— Это и *есть* в точности те слова, — улыбнулся

профессор Риго. — Они же текут гладко, так? Легко запоминаются. Все, о чем я рассказывал вам, молодой человек, также содержится в этой рукописи. Продолжайте, продолжайте, продолжайте!

Доктор Фелл покосился на него с интересом.

— «По одну сторону от него…» Вы все еще описываете мистера Брука. «По одну сторону от него стояла его трость из светло-желтой древесины, прислоненная к парапету. По другую сторону от него, так же приваленный к парапету, лежал раздутый портфель. Этот парапет тянется по всей окружности башни, доходя высотой до груди, каменные зубцы разбиты, крошатся, исчерченные беловатыми иероглифами в тех местах, где люди вырезали свои инициалы».

Доктор Фелл закрыл рукопись и снова постучал по ней пальцем.

— Это все, — требовательно спросил он, — точно?

— Да точнее некуда!

— Только еще одна мелочь, — взмолился доктор Фелл. — Насчет этой трости. Вы сообщили в своем безупречном отчете, что полиция после убийства забрала две половинки трости-клинка для изучения в лаборатории. Я так понимаю, полиция не стала собирать трость, прежде чем унести? Они

забрали ее в том виде, в каком нашли?

— Ну разумеется!

Майлз был не в силах больше это выносить.

— Ради бога, сэр, давайте все уже проясним! По меньшей мере, поймем, что мы думаем на данный момент и где мы вообще! — Его голос взлетел: — *Вы же не верите во все это, правда?*

Доктор Фелл захлопал на него глазами:

— Не верю во что?

— В вампиров!

— Нет, — мягко ответил доктор Фелл. — Я в это не верю.

Майлз, конечно же, и так это знал. Он говорил себе это, внутренне посмеиваясь, пока мысленно расправлял плечи, готовясь захохотать вслух. Но он лишь выдохнул воздух из легких и ощутил горячую волну облегчения во всем теле от осознания, что теперь никаких страхов больше не может быть.

— Будет лишь справедливо сказать об этом, — продолжал доктор Фелл с серьезным видом, — прежде чем мы уедем. Эта дикая ночная поездка в Нью-Форест, вызванная — гм! — внезапным романтическим порывом Риго, которому заодно хотелось увидеть библиотеку вашего дядюшки, из числа тех событий, о которых два престарелых

джентльмена пожалеют, вернувшись в Лондон. Но прежде чем мы отправимся…

— Ради всех злых сил в мире, — с некоторой горячностью произнес Майлз, — вы же не собираетесь возвращаться прямо сейчас!

— Не собираемся возвращаться прямо сейчас?

— Я сумею разместить вас здесь, — сказал Майлз, — несмотря на нехватку готовых спален. Мне бы хотелось увидеть вас обоих при свете дня и ощутить, что я снова нормален. А моя сестра Мэрион! Когда она услышит оставшуюся часть истории…

— Ваша сестра уже что-то знает об этом?

— Немного знает, да. Если на то пошло, я сам спрашивал ее сегодня вечером, что бы *она* сделала, увидев… ну, скажем, сверхъестественный кошмар, способный перемещаться по воздуху. А ведь это было еще до того, как я услышал вашу вампирскую историю!

— Интересно! — пробормотал доктор Фелл. — И что же она ответила, что она сделала бы?

Майлз засмеялся:

— Она сказала, что, вероятно, выстрелила бы в это сверхъестественное существо из револьвера. Единственная разумная реакция — посмеяться, как это сделала Мэрион. — Он поклонился про-

фессору Риго. — Я глубоко признателен вам, сэр, за то, что проделали такой долгий путь, желая предостеречь меня против вампира с белым лицом и окровавленным ртом. Но сдается мне, что Фей Сетон и без того уже достаточно натерпелась. И мне кажется, едва ли…

Он не договорил.

Звук, который все они услышали, донесся откуда-то сверху. Однако его усиливала ночная тишина. Он был громким и безошибочно узнаваемым. От него профессор Риго так и оцепенел, сидя на краешке приставного стола. От него по необъятному туловищу доктора Фелла прошла дрожь, так что даже пенсне слетело с носа, а половинки трости-клинка медленно съехали на пол. Трое мужчин застыли без движения, не смея поднять руки.

Это был звук пистолетного выстрела.

Глава десятая

Профессор Риго заговорил первым, не дождавшись этого от остальных. Сардоническое выражение промелькнуло на его лице, прежде чем он скрыл его, взглянув на Майлза.

— Итак, друг мой? — вежливо произнес он. — Умоляю, продолжайте ваши прелюбопытные рассуждения! Значит, вашу сестру смешит, сильно смешит, когда она думает о… — Но он не сумел выдержать избранного тона. Его сердитый голос дрогнул, когда он взглянул на доктора Фелла. — Доктор, вы думаете о том же, о чем и я?

— Нет! — загромыхал доктор Фелл, чем рассеял напряжение. — Нет, нет, нет, нет!

Профессор Риго пожал плечами:

— По моему мнению, делу не поможешь, называя невозможным то, что уже случилось. — Он взглянул на Майлза. — У вашей сестры имеется револьвер?

— Да! Но…

Майлз вскочил на ноги.

Он не станет, сказал он себе, постыдно выставлять себя на посмешище, переходя на бег, хотя

физиономия Риго вся пошла белыми пятнами, и даже доктор Фелл вдруг взялся обеими руками за подлокотники гобеленового кресла. Майлз вышел из комнаты в темноту прихожей. И только по лестнице, по лестнице с высокими перилами, ведущей в коридор второго этажа, он действительно побежал.

— Мэрион! — крикнул он.

Наверху перед ним открылся очень длинный, узкий коридор с желтой искрой ночника и рядами немых закрытых дверей по обеим сторонам.

— Мэрион! *С тобой все хорошо?*

Ответа не последовало.

Он находился в дальнем конце коридора, а дверь спальни Мэрион была последней в ряду слева. И снова Майлз перешел на бег. Он задержался на середине пути лишь для того, чтобы прихватить ночник, очередную маленькую керосинку с цилиндрическим абажуром, стоявшую на батарее парового отопления. Пока он терпеливо подкручивал колесико, чтобы свет разгорелся ярче, он заметил, что руки у него трясутся. Он повернул ручку двери, толкнул, открывая, и поднял лампу повыше.

— Мэрион!

Мэрион лежала в постели, слегка приподд-

нявшись, отчего голова и плечи вжимались в изголовье кровати в этой почти пустой комнате. Свет лампы бешено дергался, но это он сумел разглядеть.

В комнате было два ряда небольших окон. Один ряд выходил на восток, напротив Майлза, застывшего в дверном проеме, и эти окна были по-прежнему задернуты шторами. Другой ряд, в задней стене дома, выходил на южную сторону, и сейчас в эти окна светила луна. Мэрион лежала в постели — или полулежала в постели, вздернув плечи, — и смотрела через всю комнату прямо на эти южные окна.

— *Мэрион!*

Она не шевельнулась.

Майлз шагнул вперед, приближаясь маленькими, медленными шагами. Пока полоса света, подрагивая, продвигалась, все дальше и дальше отгоняя мутный сумрак, проступали одна деталь за другой.

Мэрион, в светло-голубой шелковой пижаме, не до конца успела принять сидячее положение, прислоняясь к изголовью смятой постели. С первого взгляда ее лицо было почти неузнаваемым. Ореховые глаза приоткрыты, остекленевшие и не моргающие, хотя на них падал свет. Лицо

приобрело меловую бледность. Влажные капли блестели на лбу в свете лампы. Губы растянулись словно для крика, который она так и не сумела издать.

И в правой руке Мэрион сжимала револьвер, «ив-гран» 32-го калибра. Когда Майлз перевел взгляд вправо, на окна, лицом к которым сидела Мэрион, он увидел в стекле дырку от пули.

Майлз так и стоял, онемев, ощущая биение пульса во всей руке, когда у него за спиной раздался сиплый голос.

— Вы мне позволите? — произнес он.

Жорж Антуан Риго, бледный, но сохранивший присутствие духа, мелкими голубиными шажками подскакал к нему, высоко подняв керосинку, захваченную из гостиной внизу.

Справа от Мэрион находился прикроватный столик, ящик его был наполовину выдвинут, как будто револьвер взяли именно оттуда. На этом маленьком столике — Майлз замечал все эти подробности с какой-то маниакальной отрешенностью — стояла собственная лампа Мэрион, давным-давно потушенная, а рядом с графином для воды — крошечный, на одну унцию, флакончик французских духов с красно-золотой этикеткой. Майлз уловил запах духов. И ему едва

не сделалось дурно.

Профессор Риго поставил на столик лампу из гостиной.

— Я в медицине совершенный дилетант, — произнес он. — Но вы позволите мне?

— Да, да, да!

По-кошачьи мягко обойдя вокруг кровати, профессор Риго поднял за запястье вялую левую руку Мэрион. Все ее тело выглядело вялым, вялым и сплющенным. Он деликатно приложил ладонь к ее груди слева, в области сердца. Судорога прошла по лицу профессора Риго. Он растерял весь свой сардонический вид, осталось лишь глубокое и искреннее потрясение.

— Прошу прощения, — объявил он. — Но эта леди мертва.

Мертва.

Это просто невозможно.

Майлз больше не мог держать лампу, так неистово дрожала у него рука, еще миг — и он просто выронит ее. Почти не чувствуя ног, он двинулся в сторону комода справа от южных окон и с грохотом поставил на него лампу.

Затем снова развернулся к профессору Риго, отделенный от него кроватью.

— Что… — он сглотнул ком в горле, — что стало

причиной?

— Шок.

— Шок? Вы хотите сказать…

— Это медицинское определение, — сказал профессор Риго, — когда говорят о смерти от испуга. Сердце (вы следите за мыслью?) внезапно лишается способности качать кровь, поднимая ее к мозгу. Кровь опускается и так и застаивается в крупных сосудах брюшной полости. Замечаете эту бледность? А испарину? И эти расслабленные мышцы?

Майлз не слушал.

Он любил Мэрион, по-настоящему любил ее той бездумной любовью, какую испытываешь к человеку, которого знаешь двадцать восемь из своих тридцати пяти лет. Он подумал о Мэрион, подумал о Стиве Кёртисе.

— И далее следует, — не унимался профессор Риго, — упадок жизнедеятельности и смерть. В серьезных случаях… — Затем почти пугающая перемена произошла с его лицом, отчего щетка усов встала дыбом. — О боже! — завопил он, и этот эмоциональный возглас был совершенно искренним, хоть и сопровождался мелодраматическим жестом. — Забыл! Забыл! Забыл!

Майлз уставился на него.

— Эта леди, — сказал профессор Риго, — может быть, НЕ умерла!

— *Как так?*

— В серьезных случаях, — залопотал профессор, — пульс не прощупывается. И может не быть сердечного импульса — нет! — даже если прижать руку к сердцу. — Он помолчал. — Надежда слабая, но все-таки это возможно. Далеко ли отсюда ближайший врач?

— Миль шесть.

— Можете позвонить ему? Телефон здесь есть?

— Да! Но тем временем…

— Тем временем, — подхватил профессор Риго, лихорадочно сверкая глазами и растирая себе лоб, — мы должны стимулировать работу сердца. Вот что! Стимулировать сердце! — Он зажмурился, напряженно размышляя. — Поднять конечности, давление на брюшную полость и… У вас в доме стрихнин имеется?

— Боже упаси, откуда!

— Но соль-то есть? Обычная столовая соль? И игла для шприца?

— Мне кажется, у Мэрион действительно был где-то шприц. Кажется…

Если только что события развивались со скоростью урагана, теперь время словно остановилось.

Каждое движение казалось невыносимо медленным. Когда жизненно важно было поторопиться, торопиться не получалось.

Майлз развернулся обратно к комоду, дернул верхний ящик и приступил к поискам. На комоде из кленового дерева стояла раскладная кожаная рамка на две большие фотографии, ярко заблестевшая в свете лампы, когда он поставил ее рядом. В одну половинку была вставлена фотография Стива Кёртиса, в шляпе, скрывавшей лысину; другая створка демонстрировала круглое улыбающееся лицо Мэрион, вовсе не похожей на ту достойную жалости кучку плоти с пустыми глазами, которая лежала сейчас на кровати.

Майлзу показалось, прошли минуты, хотя, вероятно, секунд пятнадцать, прежде чем он нашел разобранный шприц в аккуратном кожаном футляре.

— Отнесите вниз, — пробормотал ему профессор, — простерилизуйте в кипящей воде. Затем подогрейте еще воды с щепоткой соли и несите все сюда. Но прежде всего позвоните врачу. Я же займусь пока остальным. Скорее, скорее, скорее!

Когда Майлз подбежал к двери, там стоял доктор Гидеон Фелл. Он бросил последний взгляд на обоих, доктора Фелла и профессора Риго, тороп-

ливо выскакивая в коридор.

Риго, сбрасывая в себя пиджак и закатывая рукава рубашки, заговорил с напором:

— Видите это, дражайший доктор?

— Да. Я это вижу.

— Можете угадать, что́ *она* увидела за окном?

Их голоса затихли.

Внизу, в гостиной, было темно, если не считать великолепного сияния луны. У телефона Майлз похлопал по карману, выискивая зажигалку, и нащупал записную книжку Мэрион, которую она держала здесь вместе с двумя лондонскими телефонными справочниками, после чего набрал Кэднем–4321. Он ни разу не встречался с доктором Гарвицем лично, даже когда был жив дядя, однако голос на другом конце провода быстро задал несколько вопросов, и Майлз даже сумел дать вполне разумные и внятные ответы.

Спустя минуту Майлз был уже в кухне, которая располагалась в западной части дома, в таком же, как наверху, длинном коридоре, в середине ряда молчаливых спален. Майлз зажег несколько ламп в просторном, намытом до блеска помещении. Он включил шипящий газ на новенькой плитке, покрытой белой эмалью. Налил воду в кастрюльки и поставил их на огонь, опустив в

одну части разобранного шприца под тиканье больших часов с белым циферблатом, висевших на стене.

Без двадцати два.

Без восемнадцати два.

Господь Всемогущий, да эта вода *когда-нибудь* закипит?

Он отказывался думать о Фей Сетон, которая прямо сейчас спит на нижнем этаже в каких-то двадцати футах от него.

Он отказывался думать о ней до того момента, пока не отвернулся вдруг от плитки и не увидел, что Фей стоит посреди кухни у него за спиной, опираясь кончиками пальцев на стол.

Дверь у нее за спиной была распахнута в коридор, зияющий темнотой. Он не услышал ее шагов по каменному полу, застланному линолеумом. Она была в очень тонкой белой ночной сорочке, поверх которой был накинут стеганый халат розового цвета, и в белых тапочках. Великолепные рыжие волосы рассыпались по плечам. Розовые ногти постукивали, тихо и неуверенно, по выскобленной столешнице.

Майлза заставил обернуться некий животный инстинкт, *близость*, физическое ощущение, которое он каждый раз испытывал рядом с ней.

Он развернулся так резко, что задел ручку одной кастрюли, которая крутанулась на конфорке. Нагревшаяся вода негромко зашипела, выплеснувшись на горячий кружок.

И он с изумлением прочел на лице Фей Сетон неприкрытую ненависть.

Голубые глаза блестели, румянец пробивался на белой коже, пересохшие губы чуть растянулись. И эта ненависть смешивалась — да! — с дикой тоской. Даже когда он повернулся к ней, она не смогла в полной мере овладеть собой, не смогла это скрыть: грудь вздымалась и опадала так, словно она задыхается, и кончики пальцев впивались друг в друга.

Однако заговорила она мягко:

— Что… случилось?

«Тик-так», — говорили большие часы на стене, «тик-так», четыре размеренных слога прозвучали в тишине, прежде чем Майлз ответил. Он слышал шипение закипающей воды в кастрюльке.

— Моя сестра, возможно, мертва или умирает.

— Да. Знаю.

— Вы знаете?

— Я слышала что-то похожее на выстрел. Я не спала, просто дремала. Я поднялась и заглянула в ее комнату. — Фей очень часто дышала и снова

начала задыхаться, — казалось, она делает над собой усилие, как будто силой воли можно регулировать кровоток и нервы, чтобы прогнать румянец с лица. — Вы должны простить меня, — сказала она, — я только что увидела то, чего не заметила раньше.

— Увидели?

— Да. Что же… произошло?

— Мэрион напугало что-то за окном. Она даже стреляла.

— Что это было? Грабитель?

— Да никакой грабитель на свете не сумел бы напугать Мэрион. Она не из тех, кого называют нервными барышнями. Кроме того…

— Прошу, скажите мне!

— Окна ее комнаты… — Майлз явственно увидел: голубые шторы с золотыми узорами, ковер в коричнево-желтых тонах, большой гардероб, туалетный столик и комод, а еще мягкое кресло у камина в той же стене, где и дверь. — Окна ее комнаты находятся в пятнадцати с лишним футах над землей. И под ними ничего, кроме голой кирпичной стены библиотеки. Не представляю, как какой-то грабитель смог бы там подняться.

Вода почти закипела. В сознании Майлза промелькнуло слово «соль», он совершенно забыл об

этой соли. Он метнулся к ряду кухонных шкафчиков и обнаружил там большую картонную пачку. Профессор Риго велел добавить всего щепотку соли, и он велел только согреть воду, а не кипятить ее. Майлз бросил немного соли во вторую кастрюльку как раз в тот момент, когда закипела первая.

Кажется, у Фей Сетон начали подкашиваться ноги.

У стола стоял кухонный стул. Фей взялась рукой за спинку, а потом медленно села, не глядя на Майлза: белое колено чуть выдвинуто вперед, плечи напряжены.

«Отметины от острых зубов на шее в том месте, где пустили кровь…»

Майлз повернул вентиль на плитке, перекрывая газ. Фей Сетон вскочила на ноги.

— Мне… я ужасно вам сочувствую! Могу я вам помочь?

— Нет! Отойдите!

Вопрос и ответ пролетели по тихой кухне под тиканье часов, словно невысказанное признание. Майлз думал, сильно ли будут трястись руки и сможет ли он донести кастрюльки, однако он рискнул и подхватил их.

Фей заговорила негромко:

— Здесь профессор Риго, верно?

— Да. Не могли бы вы посторониться?

— А вы… вы поверили тому, что я говорила сегодня вечером? Поверили?

— Да, да, да! — прокричал он. — Но прошу вас, ради всего святого, отойдите! Моя сестра…

Кипяток выплеснулся через край кастрюльки. Фей теперь стояла спиной к столу, вжимаясь в него: вся ее самоуничижительная манера и робость испарились, она стояла, прямая и величественная, глубоко дыша.

— Так больше не может продолжаться, — сказала она.

Майлз в этот момент не смотрел ей в глаза — не осмелился. Потому что его внезапно охватило желание, почти неодолимое, заключить ее в объятия. Гарри Брук делал это, юный Гарри, успевший погибнуть и сгнить. А сколько было других, в тихих семействах, где ей доводилось жить?

Но пока что…

Он вышел из кухни, не обернувшись. Задняя лестница, которой заканчивался этот коридор, вела на второй этаж, почти к самой спальне Мэрион. Майлз поднялся по ступенькам в лунном свете, стараясь не расплескать воду. Дверь спальни Мэрион была приоткрыта на дюйм, и он едва

не врезался в профессора Риго, открыв ее.

— Я как раз выходиль… — первый раз английское произношение подвело профессора Риго, — посмотреть, что вас задержало.

В лице Риго было что-то такое, отчего сердце Майлза сжалось.

— Профессор Риго! Она…

— Нет, нет, нет! Я добился от нее того, что называется «реакция». Она дышит, и пульс, как мне кажется, стал сильнее.

Еще немного кипятку выплеснулось.

— Однако я пока не могу сказать, как долго это продлится. Вы позвонили врачу?

— Да. Он уже едет.

— Хорошо. Давайте мне ваши кастрюли. Нет, нет, нет! — воскликнул профессор Риго, который от волнения сделался суетливым. — Вы не входите. Восстановление после шокового состояния не особо приятное зрелище, кроме того, вы будете путаться у меня под ногами. Останьтесь здесь, пока я не позову.

Он забрал кастрюльки и поставил их на пол в комнате. А потом закрыл дверь перед носом у Майлза.

Чувствуя, что робкая надежда крепнет — мужчины не говорят таким тоном, если не надеются

на благополучный исход, — Майлз отступил от двери. Поток лунного света в конце коридора изменился и передвинулся, и он понял почему.

Доктор Гидеон Фелл, дымя огромной пенковой трубкой, стоял у окна в дальнем конце коридора. Красный огонек в чашечке пульсировал, разгораясь и тускнея, и отражался в пенсне доктора Фелла, дым завивался призрачным туманом на фоне окна.

— Знаете, — заметил доктор Фелл, вынимая трубку изо рта, — а мне нравится этот человек.

— Профессор Риго?

— Да. Мне он нравится.

— Мне тоже. И видит Бог, я так ему благодарен.

— Он практического склада ума, в высшей степени практичный человек. Боюсь, именно этого, — продолжал рассуждать доктор Фелл, с виноватым видом несколько раз яростно пыхнув трубкой, — недостает нам с вами. В высшей степени практичный человек.

— И все же, — вставил Майлз, — он верит в вампиров.

— Гм. Да. Вот именно.

— Давайте уточним. Во что верите вы?

— Дорогой мой Хаммонд, — ответил доктор Фелл, надувая щеки и качая головой с некоторой

запальчивостью, — в данный момент будь я проклят, если сам знаю. Именно это меня гнетет. До того, как нынешнее происшествие, — он кивнул в сторону спальни, — до того, как нынешнее происшествие опрокинуло все мои умопостроения, я верил, что над тайной убийства Ховарда Брука уже вовсю брезжит свет…

— Да, — сказал Майлз, — я так и подумал.

— О, ага?

— Когда я пересказывал вам версию Фей Сетон относительно убийства на башне, выражение вашего лица пару раз было способно напугать кого угодно. Ужас? Не знаю! Но что-то весьма похожее.

— В самом деле? — переспросил доктор Фелл. Огонек в трубке разгорелся и потух. — О, ага! Вспомнил! Однако меня расстроила вовсе не мысль о злом духе. То была мысль о мотиве.

— Мотиве убийства?

— О нет, — сказал доктор Фелл. — Однако ведущем к убийству. Мотиве настолько дьявольски злобном и хладнокровном, что… — Он умолк. Огонек снова разгорелся и потух. — Как думаете, не могли бы мы прямо сейчас переговорить с мисс Сетон?

Глава одиннадцатая

— С мисс Сетон? — резко переспросил Майлз.

Теперь он вовсе не различал выражения лица доктора Фелла. Оно стало маской, мясистой и лишенной красок в лунном свете, окутанной дымом, который достигал и легких Майлза. Однако накал в голосе доктора Фелла, накал ненависти к этому самому мотиву угадывался безошибочно.

— С мисс Сетон? Полагаю, да. Она сейчас внизу.

— Внизу? — переспросил доктор Фелл.

— Ее спальня на первом этаже. — Майлз объяснил почему и пересказал события дня. — Это одна из самых приятных комнат в доме, совсем недавно отремонтированная, даже краска только-только высохла. Однако она не спит и уже встала, если вы об этом. Она… она слышала выстрел.

— Вот ведь!

— На самом деле она успела подняться и заглянуть в комнату Мэрион. Что-то так сильно ее расстроило, что она не вполне… не вполне…

— Не в себе?

— Если хотите, можно и так сказать.

И тут Майлз взбунтовался. Человеческая натура такая отходчивая, а Мэрион (как он понял) вне опасности, и ему показалось, что все встает на свои места и здравый смысл наконец сможет вырваться из темницы.

— Доктор Фелл, — сказал он, — давайте не будем поддаваться гипнозу. Давайте не допустим, чтобы упыри, вампиры и ведьмы Риго наложили на нас свое заклятие. Принимая во внимание — даже принимая во внимание! — что было бы крайне затруднительно подняться снаружи к окнам спальни Мэрион…

— Дорогой друг, — перервал доктор Фелл мягко, — я *знаю,* что никто туда и не поднимался. Посудите сами! — И он указал на окно, рядом с которым они стояли.

В отличие от большинства окон в доме — во французском стиле, со створками на петлях, — это было обычным подъемным окном. Майлз поднял его, высунул голову наружу и поглядел влево.

Освещенные окна спальни Мэрион — четыре небольших окошка в ряд, два из них открыты — отбрасывали яркий свет на блеклую зелень позади дома. Под ними была голая стена пятнадцать футов высотой. Под ними же, о чем он

совершенно забыл, была пустая пока цветочная клумба во всю ширину стены — ровная, недавно политая земля, старательно вскопанная и разрыхленная, по которой и кошка не прошла бы, не оставив следов.

Но Майлз продолжал упорствовать.

— И все равно, — заявил он, — не стоит поддаваться гипнозу.

— В каком смысле?

— Мы знаем, что Мэрион стреляла, да. Но откуда нам знать, что она стреляла в то, что находилось *за* окном?

— Ага! — доктор Фелл радостно фыркнул, и на Майлза пахнуло возвеселившимся трубочным дымом. — Мои комплименты, сэр. Вы *действительно* просыпаетесь.

— Мы вовсе этого не знаем, — продолжал Майлз. — Мы лишь предполагаем это, потому что все случилось после того, как мы говорили о лицах, парящих за окнами. Не логичнее ли предположить, что она стреляла по чему-то *внутри* комнаты? Может быть, что-то появилось перед ней в изножье кровати?

— Да, — серьезно согласился доктор Фелл, — именно. Но разве вы не видите, мой дорогой сэр, что это ни в коей мере не решает нашей основной

проблемы?

— Что вы имеете в виду?

— Нечто, — ответил доктор Фелл, — напугало вашу сестру. Нечто — если бы не своевременная помощь Риго — буквально напугало ее до смерти.

Доктор Фелл выговаривал слова медленно, веско, подчеркивая каждое из них. Его трубка погасла, и он положил ее на подоконник открытого окна. Даже его сиплое дыхание сделалось громче от искреннего сострадания.

— А теперь я хочу, чтобы вы на мгновение задумались над тем, что именно это означает. Ваша сестра, я так понимаю, не из нервных барышень?

— Ни в коем случае!

Доктор Фелл замялся.

— Позвольте мне… гм… выразиться яснее. Она не из тех женщин, которые *говорят,* что вовсе не нервные, и смеются над сверхъестественным при свете дня, зато с наступлением темноты выказывают совсем иные чувства?

Очень яркое воспоминание пришло на ум Майлзу.

— Помню, — сказал он, — когда я был в госпитале, Мэрион со Стивом навещали меня при каждой

возможности — какие же они милые, оба, — рассказывали разные анекдоты и истории, которые, как они думали, могут меня развеселить. Одна такая история была о доме с привидениями. Кто-то из друзей Стива (это жених Мэрион) обнаружил такой дом, находясь на дежурстве в отряде местной самообороны. В общем, они с компанией отправились туда на экскурсию.

— И каков результат?

— Судя по всему, они обнаружили там необъяснимую активность — полтергейст, и не самый приятный. Стив признался даже, что *он* разнервничался, как и кто-то из их приятелей. А вот Мэрион лишь развлекалась.

— О, ну надо же! — выдохнул доктор Фелл.

Он взял потухшую трубку, но снова отложил ее.

— В таком случае, попрошу еще раз, — продолжал доктор Фелл с нажимом, — припомните все обстоятельства. Вашу сестру никто и пальцем не тронул, никто не нападал на нее. Все указывает на то, что она потеряла сознание от нервного потрясения, потому что *увидела* что-то.

Теперь предположите, — гнул свое доктор Фелл, — что в этом деле не было ничего сверхъестественного. Предположите, к примеру, что я

хочу напугать кого-то, изобразив привидение. Представьте себе, как я одеваюсь в белые одежды, мажу себе нос фосфоресцирующей краской и сую голову в окно, громогласно крикнув: «Бу!» — компании пожилых леди в пансионате в Борнмуте.

Наверное, они слегка вздрогнут. Может, подумают, что у дражайшего престарелого доктора Фелла весьма странное чувство юмора. Вот только *напугает* ли это кого-то? Сможет ли этот самодельный маскарад, эта нелепая попытка изобразить сверхъестественное произвести в наше время нечто большее, чем кратковременный переполох? Сможет ли это вызвать тот оглушительный эффект, который — как нам известно — заставляет кровь отхлынуть от сердца и может оказаться не менее смертоносным, чем нож или пуля?

Ударив кулаком в ладонь левой руки, доктор Фелл разразился извинениями.

— Я прошу прощения, — прибавил он. — Я вовсе не хотел ни неуместно шутить, ни возбуждать в вас страх за сестру. Однако… архонты Афин! — И он развел руками.

— Да, — признал Майлз, — понимаю.

Повисло молчание.

— Значит, вы видите, — продолжал доктор

Фелл, — что предыдущий, выдвинутый вами пункт теряет свою важность. Ваша сестра, охваченная ужасом, выстрелила во что-то. Оно могло находиться и по другую сторону окна. Могло оказаться внутри комнаты. Могло быть где угодно. Но суть в другом: *что же напугало ее до такой степени?*

Лицо Мэрион…

— Но вы ведь не возвращаетесь к предположению, — воскликнул Майлз, — что все это дело сводится в итоге к вампиру?

— Я не знаю.

Прижав кончики пальцев к вискам, доктор Фелл взъерошил густые, подернутые сединой волосы, отчего они упали на одно ухо.

— Скажите мне, — пробормотал он, — есть что-нибудь *такое*, чего ваша сестра боится?

— Она точно плохо переносит авианалеты и снаряды «фау». Но с другой стороны, они никому не по нраву.

— Мне кажется, мы можем запросто вычеркнуть из списка падение «фау», — сказал доктор Фелл. — Вооруженный грабитель не подойдет? Что-нибудь в этом роде?

— Совершенно точно, нет.

— Увидеть что-то, приподняться на постели…

а кстати, этот револьвер у нее в руке, он принадлежит ей?

— «Ив-гран» тридцать второго калибра? О да.

— И она держит его в ящике прикроватного столика?

— Очевидно. Я как-то никогда не замечал, где именно она его держит.

— Что-то подсказывает мне, — произнес доктор Фелл, растирая лоб, — что нам требуются эмоции и реакция человеческих существ — если это человеческие существа. Мы должны немедленно переговорить с мисс Фей Сетон.

Не было нужды идти и искать ее. Фей, успевшая переодеться в то же серое платье, которое было на ней этим вечером, уже сама шла к ним. В неверном свете Майлзу показалось, что она сильно накрасила губы, хотя обычно не пользовалась помадой.

Ее белое лицо, теперь спокойное, плыло к ним.

— Мэм, — произнес доктор Фелл странно рокочущим голосом, — добрый вечер.

— Добрый вечер. — Фей застыла на месте. — А вы…

— Мисс Сетон, — представил Майлз, — это мой старинный друг, доктор Гидеон Фелл.

— О… Доктор Гидеон Фелл. — Она на мгновение

умолкла, а затем заговорила чуть изменившимся тоном: — Это вы поймали убийцу в Шести Ясенях, — сказала она. — И того, кто всех отравил в Содбери-Кросс.

— Что ж!.. — Доктор Фелл выглядел смущенным. — Я всего лишь старый дилетант, мэм, у которого *действительно* имеется некоторый опыт по части криминалистики.

Фей обернулась к Майлзу.

— Я… хотела сказать вам, — произнесла она своим обычным мягким и проникновенным голосом. — Я показала себя не с лучшей стороны недавно. Прошу прощения. Я… расстроилась. И даже не выразила сочувствия из-за того, что случилось с бедняжкой Мэрион. Могу я хоть чем-то помочь?

Она шагнула было к двери спальни, которая находилась недалеко от нее, но Майлз тронул ее за руку.

— Лучше туда не входить. Профессор Риго сейчас оказывает первую помощь. Он никого не впускает.

Небольшая пауза.

— Как… как она?

— Немного лучше, по мнению Риго, — сказал доктор Фелл. — И это, мэм, приводит нас к

вопросу, который мне хотелось бы обсудить с вами. — Он взял свою трубку с подоконника. — Если мисс Хаммонд выздоровеет, это дело, разумеется, никоим образом не заинтересует полицию…

— Разве? — прошелестела Фей. И на ее губах в этом нереальном, залитом лунным светом коридоре под дверью спальни промелькнула улыбка, леденящая душу.

Голос доктора Фелла сделался резче:

— Вы считаете, полиции *стоит* этим заинтересоваться, мэм?

Изгиб этой наводящей ужас улыбки, подобной багровой ране на лице, промелькнул и исчез, блеснули устремившиеся на доктора голубые глаза.

— Разве я так сказала? Как это глупо с моей стороны. Должно быть, я задумалась о чем-то другом. Так что же вы хотели узнать?

— Ах да, мэм! Чистая формальность! Поскольку вы, вероятно, последней видели Мэрион Хаммонд до того, как она лишилась сознания…

– *Я?* Почему вы так решили?

Доктор Фелл рассматривал ее с явно озадаченным видом.

— Так ведь наш друг Хаммонд, — проворчал он, — передал мне — гм! — содержание вашего

разговора в библиотеке сегодня вечером. Вы ведь помните ваш с ним разговор?

— Да.

— Примерно в половине двенадцатого, где-то так, Мэрион Хаммонд вошла в библиотеку, прервав вас. Судя по всему, вы сделали ей какой-то подарок. Мисс Хаммонд сказала, что у нее имеется для вас ответный подарок. Она попросила вас сразу же подняться к ней в комнату, сказав, что догонит вас, когда перемолвится парой слов с братом. — Доктор Фелл кашлянул, прочищая горло. — Вы помните?

— О да! Да, разумеется!

— И, предположительно, вы именно так и поступили?

— Как же глупо с моей стороны! Да, конечно, я так и сделала.

— Сразу же, мэм?

Фей покачала головой, сосредоточенно размышляя над его словами.

— Нет. Я предположила, что Мэрион хочет… поговорить с мистером Хаммондом о чем-то личном, и я подумала, это займет какое-то время. Потому я сначала зашла к себе в комнату, переоделась в ночную рубашку, халат и тапочки. И только потом уже поднялась.

— Сколько времени прошло?

— Минут десять, может быть, пятнадцать. Мэрион успела меня опередить.

— Что потом?

Луна понемногу уходила, ее свет бледнел. Это был поворотный момент ночи, час, когда смерть является за больными или проходит мимо. Над ними, с юга и востока, возносились к небу дубы и буки охотничьих угодий Вильгельма Завоевателя — леса, успевшего состариться еще до его рождения, кряжистого и морщинистого от времени; всю ночь стояла тишина, но теперь деревья приглушенно зашептались на поднимавшемся ветру. В лунном свете все красное сделалось серочерным, и именно таким был цвет двигавшихся губ Фей.

— Мой подарок Мэрион, — пояснила она, — маленький флакончик французских духов. «Жолиё номер три».

Доктор Фелл поднес руку к своему пенсне.

— О, ага? Тот самый красно-золотой флакончик, который стоит сейчас у нее на столике?

— Я… Наверное, да. — Снова промелькнула та инфернальная улыбка, искривившая губы. — Во всяком случае, при мне она поставила его на прикроватный столик рядом с лампой. Она тогда

сидела в кресле.

— А потом?

— Подарок небольшой, однако она, кажется, ужасно обрадовалась. И подарила мне в ответ коробочку шоколадных конфет почти в четверть фунта. Я отнесла их вниз, к себе в комнату.

— А потом?

— Я… я не знаю, чего вы еще хотите от меня услышать, честное слово. Мы говорили. Я никак не могла усидеть на месте. Поэтому расхаживала по комнате…

На Майлза Хаммонда нахлынули воспоминания. Как он сам выбрался из библиотеки несколько часов назад, как поднял взгляд и увидел женскую тень, заслонившую свет, такую одинокую на фоне лесного массива.

— Мэрион спросила меня, отчего я так волнуюсь, и я ответила, что сама не знаю. Говорила в основном она, о своем женихе и брате, о планах на будущее. Керосиновая лампа стояла на прикроватном столике, или я уже об этом упоминала? И флакончик духов. Неожиданно, где-то около полуночи, она умолкла и сказала, что пора нам обеим закругляться и ложиться спать, потому я пошла вниз, в постель. Боюсь, это все, что я могу рассказать.

— Мисс Хаммонд не казалась напряженной или встревоженной чем-то?

— О *нет*!

Доктор Фелл пробурчал что-то. Сунув погасшую трубку в карман, он неспешно снял свое пенсне и отодвинул на расстояние вытянутой руки, рассматривая стекла внимательным взглядом художника, хотя в таком освещении едва ли вообще видел их. Его сипение и фырканье, признак сосредоточенных размышлений, сделались даже громче.

— Вы, конечно же, знаете, что мисс Хаммонд была напугана почти до смерти?

— Да. Должно быть, там было что-то жуткое.

— Нет ли у вас предположения, мэм, что же могло ее напугать?

— Боюсь, на данный момент нет.

— Нет ли у вас в таком случае предположения, — не отставал доктор Фелл, не меняя тона, — что вызвало такую же загадочную смерть Ховарда Брука на башне Генриха Четвертого примерно шесть лет назад?

Не оставив ей времени для ответа, все еще держа пенсне на вытянутой руке и вроде бы изучая стекла с пристальным вниманием, доктор Фелл прибавил небрежным тоном:

— Некоторые люди, мисс Сетон, весьма своеобразно ведут себя в переписке. В письмах они рассказывают знакомым, находящимся вдали от них, то, чем и не подумали бы делиться с близкими. Может быть, гм, вы замечали такое?

Майлзу Хаммонду показалось, что вся атмосфера этого разговора едва ощутимо изменилась. А доктор Фелл продолжал:

— Вы хорошо плаваете, мисс Сетон?

Пауза.

— Достаточно хорошо. Только не рискую часто плавать из-за своего сердца.

— Однако я готов предположить, мэм, что при необходимости вы сможете немного проплыть под водой?

Ветер пронесся по лесу, шелестя и нашептывая, и Майлз теперь *ясно понял,* что атмосфера изменилась. И не едва ощутимо, но, судя по эмоциям, охватившим Фей Сетон, изменилась ужасно. Произошел тот же беззвучный взрыв, какой он ощутил некоторое время назад в кухне, когда закипала вода. Коридор затопило невидимой приливной волной. Фей знала. Доктор Фелл знал. Губы Фей растянулись, обнажая зубы, зубы сверкнули.

И в этот момент, когда Фей неуверенно шагнула

назад, стараясь оказаться подальше от доктора Фелла, дверь спальни Мэрион отворилась.

Через открытую дверь в коридор хлынул желтый свет. Жорж Антуан Риго, без пиджака, взирал на них в состоянии близком к исступлению.

— Говорю вам, — выкрикнул он, — я больше не могу заставлять сердце этой женщины биться. Где же врач? Почему не едет врач? Что могло его задержать…

Профессор Риго взял себя в руки.

Майлз, немного сдвинувшись, заглянул поверх его плеча в спальню через широко открытую дверь. Он увидел Мэрион, свою сестру Мэрион, которая лежала на постели, смятой еще сильнее, чем раньше. Револьвер 32-го калибра, неспособный защитить от некоторых визитеров, соскользнул с кровати на пол. Черные волосы Мэрион рассыпались по подушке. Руки были широко раскинуты в стороны, один рукав закатан для инъекции. Она походила на ритуальную жертву.

И в этот момент, из-за одного-единственного жеста, волна страха захлестнула Нью-Форест.

Потому что профессор Риго увидел лицо Фей Сетон. И Жорж Антуан Риго — магистр гуманитарных наук, светский человек, снисходительно

прощающий другим слабости, — интуитивно взмахнул рукой, сделав рукой движение, защищающее от сглаза.

Глава двенадцатая

Майлзу Хаммонду снился сон.

Ему снилось, что в эту субботнюю ночь, переходящую в утро воскресенья, он не спит в Грейвуде — как было на самом деле, — а сидит среди ночи внизу, в гостиной, под хорошей лампой, устроившись в глубоком кресле, и делает выписки из толстой книги.

Выписанный отрывок гласил:

«В землях славян в народе широко бытует верование, что вампир — это всего лишь оживший труп: днем он заключен в своем гробу и только с наступлением ночи выходит на поиски добычи. В Западной Европе, в основном во Франции, вампир — это демон, внешне похожий на человека и ведущий нормальную жизнь среди других людей, но его душа способна во сне или же в состоянии транса покидать тело в виде соломы или клубящегося тумана и обретать зримые телесные очертания».

Майлз покивал, признавая это.

«Creberrima fama est multique se expertos uel ab eis, — приводилось вероятное объяснение проис-

хождения второй разновидности, — *qui experto essent, de quorum fide dubitandum non esset audisse confirmant, Siluanos et Panes, quos uulgo incubos uocant, improbos saepe extitisse mulieribus et earum adpetisse ac perigisse concubitum, ut hoc negare impudentiae uideatur»*[13].

— Я обязан это перевести, — сказал Майлз себе самому во сне. — Интересно, есть ли в библиотеке латинский словарь.

И потому он отправился в библиотеку на поиски латинского словаря. Однако он заранее знал, кто будет ждать его там.

Работая над историей Регентства, Майлз был надолго зачарован личностью леди Памелы Хойт, энергичной придворной красавицы, жившей за сто сорок лет до него, не отличавшейся строгостью нравов и, возможно, убийцей. Во сне он знал, что в библиотеке встретит леди Памелу Хойт.

Никакого чувства страха у него не было. Библиотека выглядела в точности как обычно, с покрытыми пылью неровными стопками книг

---

[13] Notes: 13

Существует весьма распространенная молва, и многие утверждают, что испытали сами или слышали от тех, которые испытали и в правдивости которых нельзя сомневаться, что сильваны и фавны, которых в просторечии называют инкубами, часто являются сладострастникам и стремятся вступать и вступают с ними в связь; и постоянно ей предаются. — Аврелий Августин. О граде Божьем. Кн. XV. Гл. 23.

по всему полу. На одной из стопок восседала Памела Хойт в широкополой соломенной шляпе и в платье из вышитого муслина, с завышенной, по моде времен Регентства, талией. Напротив нее сидела Фей Сетон. Обе выглядели совершенно реальными, он не замечал ничего необычного.

— Хотел спросить, не знаете ли вы, — начал Майлз в своем сне, — где мой дядя держит латинский словарь?

Он услышал, как они беззвучно ему отвечают, если можно так выразиться.

— На самом деле, мне кажется, у него нет такого словаря, — вежливо ответила леди Памела, и Фей тоже отрицательно покачала головой. — Но вы можете подняться и спросить у него самого.

За окнами сверкнула молния. Неожиданно Майлз ощутил, что ему ужасно не хочется идти наверх и спрашивать дядю о латинском словаре. Даже во сне он знал, что его дядя Чарльз умер, разумеется, однако причина его нежелания подниматься заключалась в другом. Нежелание переросло в ужас, от которого стыла кровь в жилах. Он не пойдет! Он не может пойти! Но что-то подталкивало его. И все это время Памела Хойт и Фей Сетон, с невероятно огромными глазами, сидели совершенно неподвижно, словно восковые

фигуры. Раздался оглушительный раскат грома…

От потрясения Майлз проснулся, на лицо падал яркий солнечный свет. Он сел прямо, ощутив под каждой рукой подлокотники кресла.

Он *действительно* в гостиной внизу, съежился в гобеленовом кресле у камина. Мгновенно вспомнив о своем сне, он в ужасе почти ожидал увидеть, как Фей и Памела Хойт выходят из двери библиотеки у него за спиной.

Однако же вокруг была знакомая комната с Леонардо над каминной полкой, залитая мягким солнечными светом. И пронзительно звонил телефон. События прошедшей ночи нахлынули на Майлза, когда он услышал звонок.

Мэрион спасена. Спасена и обязательно пойдет на поправку. Доктор Гарвиц сказал, что она вне опасности.

Да! И доктор Фелл устроился наверху в его собственной комнате, а профессор Риго — в комнате Стива Кёртиса; это были оставшиеся две спальни в Грейвуде, пригодные для жизни. Именно по этой причине он и спал в кресле.

Грейвуд казался притихшим, пустынным и только что умытым, пронизанным утренней свежестью, хотя Майлз догадался по положению солнца, что уже, должно быть, больше одинна-

дцати часов. Телефон по-прежнему надрывался на широком подоконнике. Он заковылял к нему, разминая мышцы, и схватил трубку.

— Могу я поговорить с мистером Майлзом Хаммондом? — произнес голос в трубке. — Это Барбара Морелл.

Вот тут уж Майлз окончательно проснулся.

— Слушаю, — ответил он. — А вы — один раз я уже спрашивал об этом — мысли, случаем, не читаете?

— С чего бы?

Майлз уселся на пол, привалившись спиной к стене под окном, — не сказать, чтобы величественная поза, однако благодаря ей создавалось ощущение, что он сидит напротив собеседницы, готовый поговорить по душам.

— Если бы вы не позвонили, — продолжал он, — я бы сам попытался связаться с вами.

— Вот как? А для чего?

По неизвестной причине ему доставляло несказанное удовольствие слышать ее голос. В Барбаре Морелл, решил он, нет никакого притворства. Как раз этот фокус, который она провернула с Клубом убийств, доказывает, что она бесхитростна, словно дитя.

— Здесь доктор Фелл… Нет-нет, он нисколько *не*

раздражен! Да он вообще не упоминал о заседании клуба! …Вчера ночью он пытался заставить Фей Сетон признаться в чем-то, однако ему не удалось. Он говорит: теперь вы наша последняя надежда. Говорит: если вы не поможете, нас ждет провал.

— Должна сказать, — с сомнением прозвучал голос Барбары, — что вы не очень ясно выражаетесь.

— Послушайте! Слушайте меня! Если я сегодня днем приеду в город, смогу я с вами увидеться?

Пауза.

— Да, вероятнее всего.

— Сегодня воскресенье. Кажется, есть поезд, — он покопался в памяти, — в половине второго. Да, уверен, что есть поезд в половине второго. Он идет примерно два часа. Где я смогу с вами увидеться?

Барбара, должно быть, раздумывала над его вопросом.

— Хотите, встречу вас на вокзале Ватерлоо. Потом можно будет выпить где-нибудь чаю.

— Отличная мысль! — Все потрясения прошедшей ночи захлестнули его. — Единственное, что я могу сказать вам прямо сейчас, здесь ночью случилось кое-что нехорошее. В комнате моей

сестры, похоже, произошло нечто, выходящее за пределы человеческого понимания. Если бы мы только смогли найти объяснение…

Майлз поднял глаза.

Стивен Кёртис — с хладнокровным лицом, безупречно сдержанный, от шляпы до серого двубортного костюма, со сложенным зонтиком под мышкой, — Стивен Кёртис бодро вошел из прихожей, услышал его последние слова и окаменел.

Майлз боялся разговора со Стивом, боялся разговора с ментальным двойником Мэрион. Конечно, теперь уже все в порядке. Мэрион не умрет. В это же самое время он торопливо произносил в трубку:

— Простите, я сейчас должен бежать, Барбара. Увидимся позже. — И он повесил трубку.

Стивен, на лбу которого отразилось слабое беспокойство, созерцал своего будущего шурина, сидящего на полу: небритый, всклокоченный, помятый.

— Послушай, старик…

— Все в порядке! — заверил его Майлз, вскакивая на ноги. — Мэрион крепко досталось, однако с ней все будет хорошо. Доктор Гарвиц говорит…

— Мэрион? — Голос Стива взлетел, а краска отхлынула от лица. — В чем дело? Что произошло?

— Нечто, или некто, проникло в ее комнату ночью и напугало до полусмерти. Однако через пару-тройку дней она будет как огурчик, так что тебе не о чем переживать.

Несколько секунд, в которые Майлз старался не встречаться с ним взглядом, оба молчали. Стивен шагнул вперед. Стивен, который умел так хорошо собой владеть, крепко обхватил жилистыми пальцами ручку своего зонтика, демонстративно поднял его высоко над головой, демонстративно грохнул им по краю стола рядом с окнами.

Зонтик не выдержал — металл согнулся, сломанные спицы проткнули черную ткань, — превратившись в бесполезный хлам, и почему-то неодушевленный предмет вызывал жалость, словно тело подстреленной птицы.

— Это была чертова библиотекарша, я полагаю? — произнес Стивен почти спокойно.

— Почему ты так говоришь?

— Понятия не имею. Но я знал еще вчера на вокзале, нутром чуял, старался предостеречь вас обоих, что грядет какое-то несчастье. Некоторые люди обязательно устроят не одно, так другое, где бы ни оказались. — У него на виске набухла голубая вена. — *Мэрион!*

— Стив, тем, что она жива, мы обязаны про-

фессору Риго. Кажется, я не рассказывал о нем. Только не буди его, у него выдалась трудная ночь, и сейчас он спит в твоей комнате.

Стивен развернулся. Он подошел к невысокому белому стеллажу у западной стены, над которым висели большие портреты в рамах. Он постоял там, спиной к Майлзу, упираясь раскинутыми руками в верх стеллажа. Когда минутой позже он снова повернулся, Майлз с острым смущением увидел слезы у него на глазах.

Оба внезапно с отчаянием заговорили об обыденном.

— А ты… э… только что приехал? — спросил Майлз.

— Да. Успел на девять тридцать из города.

— Много народу?

— Довольно много. Где она?

— Наверху. Она сейчас спит.

— Могу я ее увидеть?

— Почему бы нет? Говорю же, с ней все хорошо! Только поднимайся потише, все еще в постели.

Однако, оказалось, в постели уже не все. Когда Стивен направился к двери в прихожую, в дверном проеме возник необъятный доктор Фелл с чашкой чаю на подносе, и вид у него был такой, словно он понятия не имеет, как все это оказалось

у него в руках.

В обычных обстоятельствах нежданный гость в доме встревожил бы Стивена Кёртиса не меньше, чем новый член семьи, внезапно обнаруженный за завтраком. Однако в данный момент он едва заметил доктора Фелла, и появление постороннего человека лишь напомнило ему, что он так и не снял шляпу. В дверях Стивен обернулся. Сдернул с себя шляпу. Поглядел на Майлза. Почти лысый, со встопорщенными от негодования светлыми усами, Стивен силился подобрать слова.

— Это все ты со своим проклятым Клубом убийств! — отчеканил он ясно и жестко.

После чего ушел.

Доктор Фелл, прокашлявшись, торопливо выступил вперед с чаем на подносе.

— Доброе утро, — пророкотал он. Вид у него был сконфуженный. — Это был…

— Стив Кёртис, да.

— А я… э… заварил вам чаю, — сообщил доктор Фелл, протягивая поднос. — Я все правильно сделал, — прибавил он, словно желая поспорить с кем-то. — Только потом я, похоже, начал сосредотачиваться на чем-то другом, и полчаса пролетели, прежде чем я добавил молоко. Потому я сильно опасаюсь, что чай окажется холодным.

Все эти реплики были высказаны и выслушаны с величайшей серьезностью, поскольку и доктор Фелл, и Майлз были заняты совершенно иными мыслями.

— Все в порядке, — ответил Майлз. — Большое спасибо.

Он залпом выпил чай, затем поставил чашку и поднос на пол рядом с собой, усаживаясь в большое кресло у камина. Майлз мысленно готовил себя к всплеску эмоций, который, как он знал, должен последовать, потому что он заставит себя сделать признание.

— Вся эта ситуация, — сказал он, — полностью на моей совести.

— Притормозите! — резко произнес доктор Фелл.

— На моей совести, доктор Фелл. Это же я пригласил сюда Фей Сетон. Одному Богу известно, зачем я это сделал, но вы же были здесь. Вы слышали, что сказал Стив?

— Какое именно из его высказываний?

— «Некоторые люди обязательно устроят не одно, так другое, где бы ни оказались».

— Да. Это я слышал.

— Все мы переволновались и переутомились вчера вечером, — продолжал Майлз. — Когда

Риго сделал тот знак защиты от сглаза, я бы не удивился, если бы перед нами разверзся ад. При свете дня, — он кивнул на позолоченный солнцем лес, зеленеющий за восточными окнами, — не так боишься вампирских укусов. И все же *что-то* есть. Морок какой-то. Что-то причиняет боль и несчастья, чего бы ни коснулось. Вы понимаете?

— О, ага. Я понимаю. Но прежде чем вы начнете винить себя…

— Что же?

— …Не стоит ли нам сначала удостовериться, — произнес доктор Фелл, — что мисс Фей Сетон *и есть* та персона, которая во всем этом повинна?

Майлз резко выпрямился в кресле.

Доктор Фелл, искоса глядя на него поверх криво сидящего пенсне, с выражением гаргантюанского потрясения на лице, покопался в кармане своего мешковатого пиджака из шерсти альпаки. Он выудил пенковую трубку и набил ее из пухлого кисета. С некоторым усилием опустившись в просторное кресло, он развалился в нем, чиркнул спичкой и раскурил трубку.

— Сэр, — продолжал он, распаляясь по мере того, как выдувались клубы дыма, — я не поверил в эту вампирскую теорию Риго, даже когда прочел вчера его манускрипт. Я способен поверить,

заметьте, в вампира, материализовавшегося при свете дня, я даже способен поверить в вампира, который убил с помощью клинка. Но я не могу поверить, ни в какое время суток, в вампира, умыкнувшего чужой портфель, полный денег.

Это не вписывается в мою картину мира. Это как-то неубедительно. И вчера, поздно вечером, когда вы пересказали мне собственную историю Фей — включавшую, кстати, момент, которого *нет* в рукописи, — на меня снизошло озарение. Во всем этом деле я увидел не руку дьявола, а руку человека, одержимого дьявольской злобой.

А потом что-то напугало вашу сестру.

И вот это, черт побери, было уже совсем другое! Вот тут *ощущалось* подлинно сатанинское деяние. И до сих пор ощущается.

Пока мы не узнаем, что было там, в комнате, или же за окном, мы никак не можем вынести окончательный вердикт по делу Фей Сетон. Эти два события, убийство на башне и нечто, напугавшее вашу сестру, связаны. Они слиты воедино. Они зависят друг от друга. И они оба в каком-то смысле вертятся вокруг этой необыкновенной девушки с рыжими волосами. — Он на мгновение умолк. — Прошу прощения за личный вопрос: вы, случаем, не влюблены в нее?

Майлз поглядел ему в глаза.

— Я сам точно не знаю, — ответил он чистосердечно. — Она…

— Волнует вас?

— Это мягко говоря.

— Предположим, она окажется — гм! — некоей преступницей, обычной или сверхъестественной, это как-нибудь повлияет на ваше отношение к ней?

— Ради бога, вы что, тоже ограждаете меня от нее?

— Нет! — загромыхал доктор Фелл. Он состроил страшную рожу и с жаром двинул кулаком по подлокотнику кресла. — Напротив! Если верна одна моя праздная фантазия, есть немало людей, которые должны бы валяться в пыли у ее ног, вымаливая прощение. Нет, сэр, я задаю вопрос, как сказал бы Риго, из научного интереса. Повлияло бы это, скажем так, на ваше отношение?

— Нет, не могу утверждать. Мы же влюбляемся в женщину не из-за ее хорошей репутации.

— Справедливости этого наблюдения, — сказал доктор Фелл, несколько раз задумчиво пыхнув пенковой трубкой, — никак не умаляет то, что оно не является общепринятым. В то же время ситуация в целом тревожит меня все сильнее.

Мотив одной личности (прошу прощения, если выражаюсь туманно), кажется, лишает смысла мотив личности другой.

— Я задал мисс Сетон вопрос прошлой ночью, — продолжал он, — и говорил намеками. Сегодня я намереваюсь спросить ее прямо. Однако, боюсь, это ни к чему не приведет. Вероятно, нам лучше всего связаться с мисс Барбарой Морелл…

— Подождите минутку! — Майлз вскочил с места. — Но мы уже связались с Барбарой Морелл! Она звонила сюда минут за пять до того, как вы вошли!

— И что же? — Доктор Фелл моментально оживился в предвкушении. — Чего она хотела?

— Честно говоря, — сказал Майлз, — не имею ни малейшего понятия. Я забыл ее спросить.

Доктор Фелл смерил его долгим взглядом.

— Мальчик мой, — произнес доктор Фелл, шумно выдыхая, — мне сдается все больше и больше, что мы с вами родственные души. Я воздержусь от возмущенных комментариев — это как раз подвиг такого рода, какие я совершаю постоянно. Но что сказали ей *вы*? Вы спросили ее о Джиме Морелле?

— Нет. Как раз в этот момент вошел Стив Кёртис, и у меня уже не было времени. Но вчера

ночью вы сказали, что она может помочь нам, поэтому я договорился встретиться с ней сегодня в городе. И почему бы нет? — прибавил Майлз с горечью. — Доктор Гарвиц обещал найти сиделку для Мэрион, и все жалуются, что я путаюсь у них под ногами, не говоря уже о том, что я — та безмозглая скотина, которая притащила в дом возмутительный элемент.

Майлз все сильнее и сильнее падал духом, и мысли его становились все мрачнее и мрачнее.

— Фей Сетон невиновна! — воскликнул он и, наверное, принялся бы развивать эту тему, если бы доктор Лоуренс Гарвиц собственной персоной, со шляпой-котелком в одной руке и с медицинским чемоданчиком в другой, не появился из прихожей.

Доктору Гарвицу, мужчине средних лет, с приятным лицом и седеющими волосами, с безукоризненными стерильными манерами, явно не давала покоя какая-то мысль. Он потоптался на пороге, прежде чем войти.

— Мистер Хаммонд, — произнес он, слегка улыбнувшись Майлзу и доктору Феллу, — прежде чем я пойду проведать пациентку, не могу ли я с вами кое-что обсудить?

— Да, разумеется. Не стесняйтесь говорить при

докторе Фелле.

Доктор Гарвиц закрыл за собой дверь и повернулся.

— Мистер Хаммонд, — сказал он, — вас не затруднит объяснить мне, что именно напугало пациентку?

После чего он вскинул руку с котелком.

— Я спрашиваю, — продолжил он, — потому что это самый тяжелый случай явного нервного потрясения за всю мою практику. Скажем так: очень часто, почти всегда, серьезный шок сопутствует физическим травмам. Однако у нее нет никаких физических травм. — Он замялся. — Она не принадлежит к типу нервозных дам?

— Нет, — ответил Майлз. Он ощутил, как стиснуло горло.

— Нет, я и сам бы так ответил. С медицинской точки зрения она совершенно здорова. — Повисла небольшая пауза, несколько зловещая. — Очевидно, кто-то пытался напасть на нее с той стороны окна?

— В этом-то и беда, доктор. Мы не знаем, что произошло.

— О… Понимаю. Я надеялся, вы сможете мне подсказать. И нет никаких иных признаков… что здесь побывали грабители?

— Ничего такого, что я бы заметил.

— Вы сообщили полиции?

— Боже упаси, нет! — выпалил Майлз, но затем взял себя в руки, перейдя на непринужденный тон. — Понимаете ли, доктор, нам не хотелось бы, чтобы вмешивалась полиция.

— Да, не сомневаюсь. — Рассматривая узор на ковре, доктор Гарвиц медленно постукал своим котелком по ноге. — И леди не страдает от… галлюцинаций?

— Нет. Но почему вы спросили?

— Что ж, — врач поднял глаза, — она постоянно повторяет, снова и снова, будто кто-то шепчет ей что-то на ухо.

— Шепчет?

— Да. И это довольно сильно меня тревожит.

— Но этот «шепот» не мог же послужить причиной…

— Нет. Именно это я и сам подумал.

«Шепчет».

Жутковатое слово, с шипящими звуками, словно повисло в воздухе между ними. Доктор Гарвиц по-прежнему медленно постукивал котелком по ноге.

— Ладно! — Он встрепенулся и поглядел на наручные часы. — Осмелюсь предположить, что

скоро мы все узнаем. Ну а пока что, как я и говорил ночью, беспокоиться не о чем. Мне повезло найти для вас сиделку, она ждет в прихожей. — Доктор Гарвиц повернулся к двери. — Хотя все это очень тревожно, — прибавил он. — Я еще зайду, когда осмотрю пациентку. И мне стоит взглянуть и на другую леди заодно, мисс Сетон, так, кажется? Ночью мне показалось, что она очень бледна. Прошу меня извинить.

И дверь за ним закрылась.

Глава тринадцатая

— Наверное, — механически проговорил Майлз, — мне стоит пойти и позаботиться о завтраке для всех. — Но он сделал всего два шага в сторону столовой. — Шепчет! — повторил он. — Доктор Фелл, что же кроется за всем этим?

— Сэр, — отозвался доктор Фелл, — я не знаю.

— Но это дает вам какую-то подсказку?

— К несчастью, нет. Вампир…

— Нам обязательно использовать это слово?

— Вампир в фольклоре тихонько нашептывает своей жертве на ухо в самом начале их отношений, чтобы погрузить жертву в транс. Но суть в том, что никакой вампир, настоящий или фальшивый, *никакая* имитация любой нечисти не произвела бы на вашу сестру ни малейшего впечатления. Все правильно?

— Могу в этом поклясться. Вчера ночью я же приводил вам пример, чтобы доказать это. В сознании Мэрион, — он старался подыскать верные слова, — подобное просто не укладывается.

— Хотите сказать, что она начисто лишена воображения?

— Ну, это слишком сильно для любого человека. Но *такое* она совершенно точно безоговорочно презирает. Когда я пытался поговорить с ней о сверхъестественном, она выставила меня полным дураком. А когда я упомянул графа Калиостро…

— Калиостро? — доктор Фелл часто заморгал. — С чего бы? О, ага! Понял! Книга Риго?

— Да. По словам Фей Сетон, у Мэрион сложилось смутное, но вполне искреннее убеждение, что Калиостро входит в число моих друзей.

На доктора Фелла снова напала рассеянность. Он откинулся на спинку кресла, трубка у него погасла, и он так долго в задумчивости созерцал угол потолка, что Майлз уже начал подозревать у него каталепсию, пока не заметил, как в глазах доктора забрезжил едва заметный огонек, а затем его лицо озарила широкая сонная улыбка, за которой последовала серия смешков, постепенно разбежавшихся по складкам жилета.

— Между прочим, это увлекательнейшая тема, — задумчиво протянул доктор Фелл.

— Вампиры? — горько поинтересовался Майлз.

— Калиостро, — ответил доктор Фелл.

Он взмахнул своей трубкой.

— Надо сказать, этот исторический персо-

наж, — продолжал он, — всегда вызывал у меня отвращение, и все же я безотчетно восхищался им. Маленький пузатый итальянец, очковтиратель, воплощенное нахальство, который уверял, что живет уже две тысячи лет, поскольку пьет эликсир молодости собственного изготовления! Чародей, алхимик, целитель! На полотне второй половины восемнадцатого столетия он появляется в красном камзоле, расшитом бриллиантами! Он приводит в трепет монаршие дворы от Парижа до Санкт-Петербурга! Он учреждает масонскую ложу, куда допускались и женщины, и читает лекции своим ученицам *in puris naturalibus*![14] Делает золото! Предсказывает будущее! И что самое невероятное, выходит сухим из воды!

Ведь, как вы помните, его так и не разоблачили. Его падение началось после истории с алмазным ожерельем Марии-Антуанетты, к которой граф вовсе не имел отношения.

Однако, мне кажется, самым интригующим его деянием был Пир мертвецов в таинственном доме на рю Сен-Клод, куда лихо призвали из небытия призраки шести великих людей, чтобы они

---

[14] Notes: 14
В натуральном виде *(лат.)*.

отужинали вместе с шестью живыми гостями.

«Вначале, — пишет один из его биографов, — беседа текла не вполне свободно». И это представляется мне одним из классических преуменьшений. Я бы лично вовсе утратил дар речи, буквально окаменел бы, если бы мне пришлось попросить Вольтера передать соль или поинтересоваться у герцога Шуазёля, по вкусу ли ему консервированный колбасный фарш. А на том ужине и сами призраки, похоже, были изрядно смущены, судя по их высказываниям.

Нет, сэр. Позвольте мне повторить: я не люблю графа Калиостро, мне не нравится его самодовольство, как не нравится самодовольство любого другого. Однако я признаю, что он умел обставлять свои дела красиво. И Англия, это пристанище шарлатанов и самозванцев, тоже имеет на него изрядные претензии.

Майлз Хаммонд, в котором, несмотря на все обстоятельства, заговорил профессиональный историк, выразил сомнение.

– *Англия?* — повторил Майлз. — Вы сказали «Англия»?

— Сказал.

— Если я правильно помню, Калиостро действительно дважды бывал в Лондоне. Но оба раза

все сложилось для него крайне неудачно…

— Ага! — согласился доктор Фелл. — Однако именно в Лондоне он был принят в тайное общество, которое натолкнуло его на мысль учредить позже собственное тайное общество. Нынешний «Магический круг» должен замкнуться, переехав на Джеррард-стрит, в тот дом, где раньше находилась таверна «Голова короля», там и стоило бы установить памятную табличку. Джеррард-стрит! О, ага! Да! Очень близко, кстати, к ресторану «Белтринг», где мы должны были встретиться два вечера назад, и мисс Барбара Морелл сказала…

Доктор Фелл внезапно умолк.

Руки его взметнулись ко лбу. Позабытая пенковая трубка выпала изо рта, ударилась о колено и покатилась по полу. После чего доктор превратился в фигуру настолько неподвижную, что не было слышно даже сиплого дыхания.

— Умоляю меня извинить, — произнес он наконец, отнимая руки от лба. — Рассеянность все же приносит в этом мире какую-то пользу. Мне кажется, до меня дошло.

— Что именно? — воскликнул Майлз.

— Я знаю, что напугало вашу сестру. Только не расспрашивайте меня пока ни о чем! — взмолился доктор Фелл едва ли не плаксиво, и глаза его

сверкнули. — Ее тело было расслаблено! Полностью расслаблено! Мы же видели собственными глазами! И тем не менее в то же время…

— Да? Что же?

— Это сделано намеренно, — сказал доктор Фелл. — Подстроено, согласно продуманному, жестокому плану. — Он выглядел встревоженным. — И это должно означать, помоги нам Господь, что…

Новое озарение снизошло на него, еще одно открытие, на этот раз ставшее результатом кропотливой умственной работы, словно комнату за комнатой пришлось исследовать с помощью фонарика. Майлзу казалось, что он может проследить ход его мысли, читать по глазам (ибо доктор Фелл обладал далеко не покерным лицом), но при этом он все равно не видел, что же находится за последней дверью этого кошмара.

— Давайте поднимемся наверх, — предложил наконец доктор Фелл, — и посмотрим, найдутся ли там какие-нибудь доказательства моей правоты.

Майлз кивнул. Он молча последовал за доктором Феллом, который теперь тяжело опирался на свою трость с загнутой рукоятью, наверх, в спальню Мэрион. Доктор так и светился уверен-

ностью, бешеной энергией, отчего Майлз решил, что преграда наконец преодолена. Вот теперь, ощутил Майлз, есть опасность. Вот теперь они несутся навстречу неприятностям. Да, существует злонамеренная сила, и доктор Фелл знает, что это; они уничтожат ее, или она уничтожит их; однако берегись — игра началась!

Доктор Фелл постучал в дверь спальни, которую открыла моложавая медсестра в униформе.

В комнате было сумрачно и слегка душно, несмотря на солнце и свежий воздух снаружи. Тонкие голубые шторы с золотыми узорами были задернуты на обоих рядах окон, но, поскольку светомаскировка была снята еще несколько недель назад, слабая дымка солнечного света проникала сквозь ткань. Спящая Мэрион аккуратно лежала на аккуратно застеленной кровати, и в комнате уже ощущалась рука профессиональной сиделки. Сама же сиделка, с тазом для умывания в руках, отошла от открытой двери. Стивен Кёртис, такой несчастный, стоял у комода, втянув голову в плечи. Доктор Гарвиц, который как раз собирался уходить после осмотра больной, в удивлении обернулся.

Доктор Фелл направился прямо к нему.

— Сэр, — начал он таким голосом, что привлек

внимание всех, кто был рядом, — вчера ночью вы оказали мне честь, упомянув, что мое имя знакомо вам.

Врач поклонился, слегка заинтригованный.

— Сам я, — продолжал доктор Фелл, — не доктор медицины и вовсе не обладаю медицинскими познаниями сверх того, что, вероятно, известно любому человеку. Вы можете отказать мне в просьбе, которую я собираюсь изложить. Вы имеете полное право это сделать. Но мне бы хотелось лично осмотреть вашу пациентку.

Вот тут стало ясно, что тревога не отпускает доктора Лоуренса Гарвица. Он бросил взгляд на кровать.

— Осмотреть пациентку? — повторил доктор Гарвиц.

— Я хотел бы осмотреть шею и зубы пациентки.

Пауза.

— Но, дорогой мой! — запротестовал врач, повысив голос раньше, чем успел овладеть собой. — На теле леди нет никаких повреждений или отметин!

— Сэр, — отвечал доктор Фелл, — я прекрасно это понимаю.

— И если вы думаете о наркотике или чем-то

подобном…

— Я знаю, — старательно подбирая слова, заявил доктор Фелл, — что мисс Хаммонд не пострадала физически. Я знаю, что не вставал вопрос о наркотиках или ином виде интоксикации. Я знаю, что ее состояние вызвано страхом, и ничем более. Но все же я хотел бы осмотреть ее шею и зубы.

Врач едва ли не беспомощно развел руками, сжимая свой котелок.

— Прошу вас, — сказал он. — Мисс Петерс! Приоткройте немного занавески. А *меня* прошу извинить. Я иду вниз, чтобы осмотреть мисс Сетон.

И все же он задержался у двери, когда доктор Фелл приблизился к постели. И это Стивен Кёртис, бросив озадаченный взгляд на Майлза, который в ответ лишь недоуменно пожал плечами, отодвинул на несколько дюймов одну штору на южных окнах. Немного света упало на кровать. Все остальные неподвижно застыли в голубоватом полумраке под щебетание птиц за окном, пока доктор Фелл склонялся над больной.

Майлз не видел, что именно он делает. Его широкая спина скрывала Мэрион, лежавшую под одеялом с аккуратно загнутым над ним краем

простыни. Никакого намека на движение со стороны Мэрион тоже не наблюдалось.

Было отчетливо слышно, как тикают чьи-то часы — на самом деле наручные часы доктора Гарвица.

— И что же? — поторопил доктор Гарвиц. Он нетерпеливо топтался у двери. — Обнаружили что-нибудь?

— Нет! — с горечью отвечал доктор Фелл; распрямившись, он опустил руку на свою трость с загнутой рукоятью, прислоненную к кровати. Затем он развернулся. Бормоча что-то и насаживая на нос пенсне левой рукой, он принялся внимательно осматривать ковер вокруг кровати.

— Нет, — прибавил он, — я ничего не нашел. — Он уставился прямо перед собой. — Впрочем, минуточку! *Есть* же тест! Не могу так сразу вспомнить его название, но тест существует! И он точно докажет…

— Докажет что?

— Присутствие злого духа, — сказал доктор Фелл.

Сиделка Петерс громыхнула тазом для умывания. Доктор Гарвиц сохранил спокойствие.

— Вы шутите, разумеется. В любом случае, — голос его сделался колким, — боюсь, я не могу

допустить, чтобы пациентку и дальше беспокоили. И вам, мистер Кёртис, тоже лучше уйти!

И он стоял у двери словно пастух, пока доктор Фелл, Майлз и Стивен Кёртис всем стадом выходили наружу. Затем он закрыл дверь.

— Сэр, — сказал доктор Фелл, выразительно вскидывая свою трость с загнутой рукоятью и молотя ею по воздуху, — вся шутка в том, что я вовсе не шучу. Мне кажется — гм! — вы сказали, что идете осмотреть мисс Фей Сетон. Но она-то, надеюсь, не больна?

— О нет. Просто леди сегодня с утра выглядела чересчур взвинченной, и я дал ей успокоительное.

— В таком случае не могли бы вы попросить мисс Сетон, если ей это удобно, присоединиться к нам в коридоре наверху? Там, — сказал доктор Фелл, — где мы имели интереснейшую беседу прошлой ночью. Передадите ей?

Доктор Гарвиц внимательно посмотрел на него из-под седеющих бровей.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — проговорил он медленно. Он замялся. — Может быть, и к лучшему, что не понимаю. — Он снова замялся. — Я передам вашу просьбу. Хорошего дня.

Майлз смотрел, как он неспешно удаляется по

коридору. Затем Майлз потряс Стивена Кёртиса за плечо.

— Какого черта, Стив! — сказал он будущему родственнику, который стоял у стены, втянув голову в плечи, и походил на пальто, повешенное на крючок. — Тебе надо собраться! Не стоит принимать все это так тяжело. Ты, должно быть, слышал, что сказал врач: Мэрион вне опасности! В конце концов, она же моя сестра!

Стивен распрямился.

— Да, — признал он медленно. — Наверное, не стоит. Но в конце концов, тебе она всего лишь сестра. А мне… мне…

— Да. Знаю.

— В этом-то все и дело, Майлз. Ты не знаешь. Ты ведь никогда особенно не любил Мэрион, верно? Кстати, по поводу тревоги за других, что насчет тебя и *твоей* подружки? Библиотекарши?

— А что такое насчет нас?

— Она ведь отравила кого-то, так?

— Что ты имеешь в виду, отравила кого-то?

— Когда мы вчера пили чай на вокзале Ватерлоо, — продолжал Стивен, — кажется, Мэрион сказала, что эту Фей, как бишь там ее фамилия, обвиняли в отравлении кого-то. — И тут Стивен перешел на крик: — Да ты и гроша ломаного

за свою сестру не дашь, так ведь? Нет! Зато ты перевернешь все вверх дном, погубишь всех и вся ради проклятой потаскушки, которую нашел в канаве…

— *Стив! Остынь! Что с тобой?*

Потрясенное, встревоженное выражение медленно сошло с лица Стива Кёртиса, и стали заметны помертвевшие от страха глаза.

Рот под светлыми усами открылся. Он протянул руку к галстуку, принялся теребить его. Он потряс головой, словно пытаясь прочистить мозги. Когда он снова заговорил, то в его голосе прозвучало раскаяние.

— Прости, старик, — пробормотал Стивен и смущенно хлопнул Майлза по плечу. — Понятия не имею, что на меня нашло. Ни за что не сказал бы такого! Но ты ведь знаешь, как бывает: иной раз случается, и ты не понимаешь, с чего вдруг. Наверное, пойду прилягу.

— Подожди минуту! Вернись! Не в эту комнату!

— Как это, не в эту комнату?

— Не в твою спальню, Стив! Там профессор Риго пытается поспать после…

— Да так и растак вашего профессора Риго! — воскликнул Стив и метнулся к задней лестнице,

словно за ним гнались.

Опять этот морок!

Вот теперь, подумал Майлз, и Стив в его власти. Этот морок как будто влиял на все поступки, внушал все мысли здесь в Грейвуде. Майлз все еще отказывался, категорически отказывался верить в любые обвинения в адрес Фей Сетон. Но что имел в виду доктор Фелл, когда упомянул о злом духе? Ради всего святого, это ведь не стоит воспринимать буквально? Майлз повернулся и обнаружил, что доктор Фелл сверлит его взглядом.

— Вам непонятно, — начал доктор Фелл, — чего я хочу от мисс Сетон? Могу ответить очень просто. Я хочу правды.

— Правды о чем?

— Правды, — пояснил доктор Фелл, — об убийстве Ховарда Брука и об этой нечисти, которая пугает людей по ночам. И она не сможет, не посмеет ради спасения своей души на этот раз избежать вопросов. Думаю, мы всё проясним уже через несколько минут.

Они услышали торопливые шаги со стороны дальней, парадной лестницы. В другом конце длинного узкого коридора появилась фигура. Когда Майлз увидел, что это доктор Лоуренс Гарвиц,

когда увидел, как он торопливо шагает, его охватило одно из тех вдохновенных предчувствий, которые никогда не обманывают.

Показалось, минуло очень много времени, прежде чем доктор дошел до них.

— Я подумал, лучше подняться и сообщить вам, — заявил он. — Мисс Сетон уехала.

Палка доктора Фелла с загнутой рукоятью с грохотом упала на голые доски.

– *Уехала?* — Голос его прозвучал так сипло, что ему пришлось откашляться.

— Она… э… оставила мистеру Хаммонду вот это, — продолжал Гарвиц. — По меньшей мере, — спешно поправился он, — я предполагаю, что она уехала. Я обнаружил это, — он протягивал запечатанный конверт, — прислоненным к подушке в ее комнате.

Майлз взял адресованный ему конверт, надписанный аккуратным, четким, слегка заостренным почерком. Повертел его в пальцах, внезапно лишившись храбрости, чтобы открыть. Однако, когда он все же стиснул зубы и разорвал конверт, его немного ободрило содержание сложенной записки.

Дорогой мистер Хаммонд!

Прошу меня извинить, но мне необходимо быть сегодня в Лондоне по делу, требующему моего участия. Теперь я понимаю, что поступила мудро, сохранив за собой комнатку в городе. И портфель тоже кстати, не так ли? Но не беспокойтесь. К вечеру я вернусь.

Искренне Ваша,

Фей Сетон

Небо, только что ясное, затягивало тучами с черными завитками: подвижное небо, неспокойное небо. Майлз поднес письмо поближе к окну и прочитал вслух. Вот тогда его и зацепило зловещее слово «портфель».

— О боже! — выдохнул доктор Фелл. Он произнес это совсем просто, как человек, ставший свидетелем катастрофы или трагедии. — И все же я должен был догадаться. Должен был догадаться. Должен был догадаться!

— Но в чем дело? — вопросил Майлз. — Фей пишет, что вернется к вечеру.

— Да. О, ага! — Доктор Фелл закатил глаза. — Интересно, в котором часу она ушла? Очень *интересно,* в котором часу она ушла?

— Лично *я* понятия не имею, — спешно ото-

звался доктор Гарвиц. — На меня не смотрите!

— Но хоть кто-то должен был видеть ее! — проревел доктор Фелл в замкнутом пространстве коридора, где становилось все теплее. — Она ведь такая заметная девушка! Высокая, рыжая, вероятно, одета…

Дверь спальни Мэрион распахнулась. Мисс Петерс, высунувшая голову в коридор, чтобы высказаться по поводу шума, увидела доктора Гарвица и тут же передумала.

— О… Я не знала, что и *вы* здесь, доктор, — многозначительно произнесла медсестра тоненьким укоризненным голоском. Затем, движимая простым человеческим любопытством, она нерешительно замялась. — Прошу меня извинить. Но если вы ищете женщину с такими приметами…

Доктор Фелл развернулся к ней всей своей необъятной фигурой.

— Да-да?

— Полагаю, я видела ее, — сообщила ему медсестра.

— Когда? — взревел доктор Фелл. Медсестра отшатнулась. — Где?

— Примерно… примерно три четверти часа назад, когда подъезжала к дому на велосипеде. Она садилась в автобус на главном шоссе.

— Этот автобус, — желал знать доктор Фелл, — идет на станцию Саутгемптон-Централ? О, ага! И на какой поезд до Лондона она попадает на этом автобусе?

— Ну, есть поезд в половине второго, — ответил Гарвиц. — Она ведь как раз вполне успевает на него.

— В половине второго? — эхом откликнулся Майлз Хаммонд. — Но ведь я еду этим поездом! Это *я* собирался сесть на автобус, который довезет меня…

— Вы хотите сказать, не довезет, — поправил доктор Гарвиц с натянутой улыбкой. — Вы уже не догоните этот поезд на автобусе, да и на машине тоже, разве что будете гнать, как сэр Малькольм Кэмпбелл[15]. Сейчас десять минут второго.

— Послушайте меня, — произнес доктор Фелл тем тоном, к какому прибегал крайне редко. Его рука опустилась на плечо Майлза. — Вы должны попасть на этот поезд в половине второго.

— Но это же невозможно! По соседству живет человек, который дает машину напрокат до станции и обратно — Стив постоянно пользуется его

---

[15] Notes: 15

Малькольм Кэмпбелл (1885–1948) — британский автогонщик, установивший девять мировых рекордов скорости на суши и три — на воде. В 1935 году он разогнал свой автомобиль до 489 км/ч.

услугами, — однако у него уйдет слишком много времени, чтобы приехать сюда. Так что это даже не обсуждается!

— Вы забываете, — сказал доктор Фелл, — что машина, преступно позаимствованная Риго, все еще стоит перед вашим домом. — В его глазах застыло какое-то напряженное, дикое выражение. — Послушайте меня! — повторил он. — Просто жизненно важно, чтобы вы догнали Фей Сетон. Жизненно важно. Вы готовы попытаться?

— Да, черт возьми! Я буду гнать девяносто в час. Но предположим, я все же упущу поезд?

— Не знаю! — взревел доктор Фелл так, словно испытал физическую боль, и ударил себя по виску. — Эта «комнатка в городе», о которой она упоминает. Она поедет туда — да, конечно поедет! У вас имеется ее лондонский адрес?

— Нет. Она приехала ко мне прямо из агентства по найму.

— В таком случае, — сказал доктор Фелл, — вы просто *обязаны* попасть на этот поезд. Пока бежим к машине, я объясню все, что успею. Иначе произойдет что-то препоганое, говорю вам здесь и сейчас, если эта женщина попытается привести в исполнение свои планы. Это буквально вопрос жизни и смерти. Вы *обязаны* попасть на

этот поезд!

Глава четырнадцатая

Свисток дежурного по станции издал резкую трель.

Две-три последние двери захлопнулись. Поезд до Лондона, отправляющийся в час тридцать со станции Саутгемптон-Централ, тронулся, плавно заскользил, набирая скорость так, что окна засверкали, проносясь мимо.

— Говорил тебе, ничего не выйдет! — задыхаясь, произнес Стивен Кёртис.

— Хочешь поспорить? — проскрежетал Майлз сквозь зубы. — Отгони машину назад, Стив. Я справлюсь.

— Никогда не запрыгивай в поезд, когда он уже набрал такую скорость! — взвыл Стив. — Никогда…

Его голос затих. Майлз бежал, не разбирая дороги, рядом с дверью купе для курящих первого класса. Он увернулся от багажной тележки, услышал, как кто-то заорал ему вслед, и взялся за ручку двери. Поскольку поезд шел по пути слева от него, прыжок обещал быть непростым.

Он рывком распахнул дверь, ощутил резкую

боль в спине, когда там что-то хрустнуло от чрезмерного напряжения в момент прыжка, спасся от падения благодаря выехавшему засову, после чего, с закружившейся от застарелой болезни головой, захлопнул дверь за собой.

У него получилось. Он в том же поезде, что и Фей Сетон. Майлз стоял у открытого окна, тяжело дыша и почти ничего не видя, таращился перед собой и слушал стук колес. Когда удалось кое-как унять дыхание, он обернулся.

Десять пар глаз изучали его с плохо скрываемой неприязнью.

Купе первого класса, обычно рассчитанное на шесть сидячих мест, теперь вмещало по пять человек, втиснутых с каждой стороны. Железнодорожных пассажиров почему-то всегда приводит в бешенство, когда кто-то опаздывает и заскакивает в поезд в последний момент, а данный случай был особенно тяжелым. Хотя никто ничего не сказал, атмосфера стояла леденящая, только какая-то пышка из женской вспомогательной службы ВВС подбодрила его взглядом.

— Я… э… прошу прощения, — промямлил Майлз.

У него мелькнула смутная мысль, не стоит ли добавить к этому какую-нибудь максиму из

писем лорда Честерфилда, какое-нибудь краткое изречение в тему, но он чувствовал общее настроение, да и в любом случае ему и без того было о чем беспокоиться.

Майлз, спотыкаясь о ноги пассажиров, спешно добрался до двери в коридор, вышел и закрыл ее за собой, ощутив общую волну благодарности. Постоял, размышляя. Он выглядел вполне презентабельно, поскольку успел побрызгать водой на лицо и поскрести щеки сухой бритвой, вот только пустой желудок громко заявлял о себе. Но это не так уж важно.

А важно немедленно разыскать Фей.

Поезд был не длинный и не особенно заполненный. Это означало, что люди, втиснувшиеся на сиденья и пытавшиеся читать газеты, прижимали руки вплотную к груди, словно покойники в гробу; дюжины других стояли в проходах среди баррикад из багажа. Но стоя в купе почти никто не ехал, за исключением тех толстух с билетами в третий класс, которые входили в купе первого и стояли воплощенным укором, пока кто-нибудь из охваченных угрызениями совести мужчин не вскакивал, уступая свое место.

Пробираясь по проходам, огибая горы багажа, смешиваясь с людьми, стоявшими в очереди в

уборную, Майлз пытался мысленно сочинить философское эссе. Он наблюдает, говорил он себе, целый срез английского общества, пока поезд громыхает и колышется, зелень мелькает за окном, а он заглядывает в одно купе за другим.

Однако на деле он вовсе не ощущал желания философствовать.

После первого беглого осмотра он преисполнился дурных предчувствий. После второго он ударился в панику. После третьего…

Потому что Фей Сетон не было в поезде.

«Спокойствие! Не заводись! Фей должна быть здесь!»

Однако ее не было.

Майлз стоял в проходе где-то посередине поезда, держась за поручень под окном и стараясь не особенно волноваться. Стало теплее и пасмурнее, черные дымные облака как будто смешивались с дымом поезда. Майлз таращился в окно, пока проносившийся мимо пейзаж не начал расплываться. Он мысленно видел испуганное лицо доктора Фелла, слышал голос доктора Фелла.

«Объяснение», которое доктор выдал лишенным выражения, приглушенным голосом, пока старательно набивал карманы Майлза печеньем взамен пропущенного завтрака, оказалось не

особенно вразумительным.

— Найдите ее и не отходите ни на шаг! Найдите ее и не отходите ни на шаг! — такова была основная идея. — Если она будет настаивать на возвращении в Грейвуд сегодня вечером, ничего страшного — на самом деле это, наверное, наилучший вариант, — однако не отходите ни на шаг, ни на минуту не выпускайте ее из виду!

— Она в опасности?

— По моему разумению, да, — сказал доктор Фелл. — И если вы хотите увидеть, как с нее будут сняты обвинения в… — тут он замялся, — самые тяжкие обвинения против нее, по крайней мере, то, ради всего святого, не подведите меня!

Самые тяжкие обвинения против нее?

Майлз покачал головой. Поезд дернулся так, что его тряхнуло. Фей либо не успела на поезд — это казалось невероятным, если только автобус не сломался по дороге, — или же, что больше похоже на правду, в итоге повернула обратно.

И вот теперь он стремительно уносится в противоположном направлении, прочь от того, что может случиться. Однако — погодите-ка! вот она, его надежда! — «что-то препоганое», предсказанное доктором Феллом, кажется, относилось к тому, что может случиться, если Фей *поедет в*

Лондон и попытается осуществить свои планы. Это же значит, что не о чем беспокоиться. Или есть о чем?

Майлз не помнил более долгого путешествия. Он ехал в экспрессе и не мог сойти, чтобы повернуть назад, даже если бы захотел. Дождевые капли хлестали по окнам. Майлз оказался посреди семейного праздника, выплеснувшегося из купе в коридор и превратившегося уже в какой-то пикник у костра, — они вспомнили, что сэндвичи лежат в чемодане под горой чьих-то чужих чемоданов, и на какое-то время происходящее стало напоминать день переезда. Было без двадцати четыре, когда поезд прибыл на вокзал Ватерлоо.

Сразу за барьером его дожидалась Барбара Морелл.

Подлинная радость, которую он ощутил при виде ее, на миг рассеяла все его страхи. Через барьер, огибая их, тек поток шумных пассажиров с поезда. Из вокзального громкоговорителя гулко вещал обезличенный голос.

— Здравствуйте, — сказала Барбара.

Она казалась более отрешенной, чем он запомнил ее.

— Здравствуйте, — отозвался Майлз. — Мне… э… не очень-то хотелось вытаскивать вас на

вокзал.

— О, ничего страшного, — возразила Барбара. (А вот серые глаза с длинными черными ресницами он запомнил отлично.) — Кроме того, мне все равно надо вечером в контору.

— Какую еще контору? В воскресный вечер?

— Я с Флит-стрит, — пояснила Барбара. — Журналистка. Потому я и сказала, что «не совсем пишу». — Она отмахнулась от этой темы. Серые глаза украдкой изучали его. — Что стряслось? — спросила она внезапно. — В чем дело? У вас такой вид…

— Да черт-те что стряслось, — вырвалось у Майлза. Он отчего-то чувствовал, что наконец может выговориться. — Я должен был любой ценой найти Фей Сетон. Все зависит от этого. Мы все думали, что она уехала этим поездом. И вот теперь я понятия не имею, что делать, поскольку в итоге в поезде ее не оказалось.

— Не оказалось в поезде? — переспросила Барбара. Ее глаза широко распахнулись. — Но Фей Сетон *была* в поезде! Она прошла через этот барьер секунд за двадцать до вас!

— Вни-манию пассажиров на Хони-тон, — пропел приказным тоном громкоговоритель, — очередь перед выходом на платформу номер девять!

Вни-манию пассажиров на Хони-тон…

Громкоговоритель заглушил все остальные шумы вокзала. И вот царство кошмара вернулось.

— Должно быть, вам померещилось! — заявил Майлз. — Говорю же, ее не было в поезде! — Он бешено озирался по сторонам, когда ему в голову пришла новая мысль. — Погодите-ка! Значит, вы все-таки с ней знакомы?

— Нет! Я ни разу в жизни не видела ее до сих пор!

— Тогда как вы поняли, что это была Фей Сетон?

— По фотографии. Раскрашенной фотографии, которую показывал нам в пятницу вечером профессор Риго. В конце концов, я… я подумала, что она с вами. И значит, наша встреча не состоится. Или, по меньшей мере… не знаю сама. Да что *случилось-то*?

Это был провал, полный и безоговорочный.

Он не помешался, сказал себе Майлз, он не был пьян, он не ослеп, и он мог поклясться, что Фей Сетон не было в поезде. Фантастические образы теснились у него в голове: белое лицо и красный рот. Эти образы были как экзотические растения, которые зачахли в атмосфере вокзала Ватерлоо и уж точно — в атмосфере поезда, с которого он

только что сошел.

И вот он смотрел на светлые волосы Барбары и ее серые глаза, размышлял о ее нормальности — вот оно! прекрасная нормальность — во всем этом мутном деле; и в то же время он думал обо всем, что успело случиться с тех пор, когда он видел ее в прошлый раз.

Мэрион *действительно* лежит в оцепенении в Грейвуде, и вовсе не из-за яда или ножа. Доктор Фелл *действительно* говорил о злом духе. Все это не было фантазиями — это факты. Майлз вспомнил впечатления этого утра: существует некая злобная сила, и доктор Фелл знает, в чем ее сущность; они ее уничтожат, или она уничтожит их; и отрезвляющая суровая правда: игра уже началась.

Все это пронеслось в его голове за долю секунды после замечания Барбары.

— Вы видели, как Фей Сетон прошла через эти ворота, — произнес он. — В какую сторону она направилась?

— Не могу сказать. Здесь слишком много народу.

— Погодите минутку! Мы еще не побеждены! Профессор Риго сказал вчера вечером — да, он тоже в Грейвуде! — что вы звонили ему и вы знаете

адрес Фей. Она снимает комнату где-то в городе и, по словам доктора Фелла, отправится прямиком туда. Так вы знаете адрес?

— Да. — Барбара, в своем пошитом на заказ костюме и белой блузке, в макинтоше, наброшенным на плечи, и с зонтиком, висящим на руке, неловко открыла сумочку и вынула записную книжку. — Вот здесь. Северо-Запад-один, Болсовер-плейс, пять. Только…

— Где эта Болсовер-плейс?

— Ну, Болсовер-стрит отходит от Камден-Хай-стрит в Камден-Тауне. Я… я уточнила, когда раздумывала, стоит ли мне навестить ее там. Район весьма сомнительный, однако, насколько я понимаю, Фей Сетон стеснена в средствах даже сильнее других.

— Как побыстрее туда добраться?

— На метро, запросто. Отсюда можно доехать без пересадок.

— В таком случае, так она и сделала, можно смело ставить на это пятерку! Она опередила нас минуты на две! Вероятно, мы сумеем ее догнать! Идемте!

«Пусть мне немного повезет! — молился он шепотом. — Дай мне как следует разыграть всего одну партию, всего одну карту старше двойки

или тройки». И вскоре после того, как они вырвались из очереди за билетами и просочились в лишенные воздуха недра, где сплетается лабиринт линий, он получил свою карту.

Майлз услышал грохот приближающегося поезда, когда они выскочили на платформу Северной линии. Они оказались на самом краю платформы, по которой народ растянулся более чем на сотню ярдов. Было трудно рассмотреть что-либо в этой полуцилиндрической пещере, когда-то выложенной белой плиткой, но теперь грязной и отвратительно освещенной.

Красный поезд вырвался из тоннеля с порывом ветра и пронесся мимо них, останавливаясь. И он увидел Фей Сетон.

Он увидел ее в ярких вспышках света от окон, с которых уже сняли сетки, защищавшие от взрывной волны. Она стояла на дальнем конце платформы, рядом с началом поезда, и шагнула вперед, когда двери открылись.

— Фей! — завопил он. — *Фей!*

Его крик не был услышан.

— Поезд до «Эджвера»! — проревел кондуктор. — Поезд до «Эджвера»!

— Не пытайтесь туда бежать! — предостерегла Барбара. — Двери закроются, и мы окончатель-

но ее потеряем. Разве не лучше поехать в этом вагоне?

Они нырнули в последний вагон поезда, для некурящих, и двери тут же захлопнулись. Кроме них, в вагоне был только полисмен, полусонный австралийский солдат и кондуктор у своей панели с кнопками. Лицо Фей мелькнуло лишь на мгновение, однако Майлз заметил, что оно было ожесточенным, озабоченным и с той же странной улыбкой, какую он видел ночью.

Его доводило до исступления то обстоятельство, что он так близко и в то же время…

— Если бы я смог перебраться в начало поезда…

— Прошу вас! — торопливо заговорила Барбара. Она кивнула на табличку: «Во время движения переходить из вагона в вагон запрещается»; затем кивнула на кондуктора, а потом еще и на полицейского. — Наверное, будет некстати, если вы теперь угодите под арест?

— Да, полагаю, некстати.

— Она выйдет на «Камден-Таун». И мы тоже. Садитесь.

В ушах стоял мягкий гул стремительно несущегося через тоннель поезда. Вагон раскачивался и скрипел, входя в повороты, свет ламп под мато-

выми колпаками подрагивал на обивке сидений. Майлз, нервы которого тоже подрагивали от сомнений, опустился рядом с Барбарой на сдвоенное сиденье по ходу движения.

— Не люблю задавать лишних вопросов, — продолжала Барбара, — но я едва не сошла с ума от любопытства после того, как поговорила с вами по телефону. К чему вся эта спешка с попыткой догнать Фей Сетон?

Поезд затормозил и остановился, раздвижные двери разъехались в стороны.

— «Чаринг-Кросс»! — проорал добросовестный кондуктор. — Поезд до «Эджвера»!

Майлз вскочил на ноги.

— В самом деле, не о чем беспокоиться, — умоляюще проговорила Барбара. — Если доктор Фелл говорит, что она отправится к себе домой, она должна выйти на «Камден-Таун». Что может случиться по дороге?

— Не имею понятия, — признался Майлз. — Послушайте, — прибавил он, снова усаживаясь и беря ее ладонь в обе руки. — Я знаю вас совсем недолго, но, если вы не против, я скажу, что предпочел бы из всех людей говорить сейчас именно с вами.

— Нет, — ответила Барбара, глядя в сторону. —

Я не против.

— Не знаю, как проходили выходные у вас, — продолжал Майлз, — но у нас был сплошной «Гран-Гиньоль» с вампирами и почти удавшимися убийствами, а еще…

— Что вы сказали? — Она быстро выдернула у него руку.

— Да! И доктор Фелл уверяет, что вы сможете сообщить нам некую важную подробность, в чем бы она ни состояла. — Он помолчал. — Кто такой Джим Морелл?

Чу-чух — стучал колесами поезд, проносясь через тоннель, и дуновение воздуха из вентиляционных отверстий колыхало их волосы.

— Он никак не связан с этим делом, — сказала Барбара, стискивая пальцами сумочку. — Он не знает, он никогда не знал ничего о смерти мистера Брука! Он…

— Да! Но не могли бы вы просто сказать, кто он такой?

— Он мой брат. — Барбара облизнула свои очень гладкие розовые губы, наверное не такие привлекательные, не такие головокружительные, как у той податливой голубоглазой женщины, которая сейчас едет в первом вагоне. Майлз выбросил эти мысли из головы, когда Барбара быстро спроси-

ла: — Откуда вы узнали о нем?

— От Фей Сетон.

— Вот как? — Она слегка вздрогнула.

— Я расскажу вам все через минуту. Но есть несколько моментов, которые необходимо прояснить прежде всего. Ваш брат… где он теперь?

— Он в Канаде. Три года он провел в плену в Германии, и мы думали, что он погиб. Его отправили в Канаду поправить здоровье. Джим старше меня, он был довольно известным художником, еще до войны.

— И, как я понимаю, он был другом Гарри Брука.

— Да. — Тут Барбара проговорила, негромко, но очень отчетливо: — Он был другом этой невозможной грязной скотины Гарри Брука.

— «Стрэнд»! — выкрикнул кондуктор. — Поезд до «Эджвера»!

Майлз машинально прислушивался к этому голосу, прислушивался к каждому замедлению в стуке колес, каждому вздоху и толчку, когда открывались двери. Единственное, чего ему нельзя пропустить, хоть бы и ценой своей жизни, так это слова «Камден-Таун».

Однако… «невозможная грязная скотина»? Гарри Брук?

— Есть кое-что, — продолжал Майлз, ерзая на месте от неловкости, но твердо решив ее преодолеть. — Я обязан упомянуть об этом, прежде чем расскажу, что случилось. И это следующее: я верю в невиновность Фей Сетон. У меня начались проблемы практически со всеми, кому я об этом заявлял: с моей сестрой Мэрион, со Стивом Кёртисом, с профессором Риго, даже, похоже, с доктором Феллом, хотя я так и не понял, на чьей он стороне. И поскольку вы первая, кто предостерегал меня против нее…

— *Я предостерегала вас против нее?*

— Да. Разве нет?

— О! — протянула Барбара Морелл.

Мимо окон пролетали темные цилиндрические стены. Она немного отодвинулась от него, выдохнув этот единственный звук с таким изумлением, словно не могла поверить собственным ушам.

Майлза охватило предчувствие, что вся ситуация вот-вот снова переменится, что-то не просто неправильно, но убийственно неправильно. Барбара сверлила его взглядом, приоткрыв рот. Он увидел, как в серых глазах появляется понимание, медленно, недоверчиво, пока она всматривалась в его лицо, а затем легкий смешок, беспомощный взмах руки…

— Вы подумали, — начала она снова, — что я…

— Да. А разве нет?

— Послушайте. — Барбара опустила руку ему на предплечье и заговорила с проникновенной искренностью. — Я вовсе не пыталась вас предостеречь. Я пыталась понять, не сможете ли вы ей *помочь*. Фей Сетон…

— Продолжайте!

— Фей Сетон одна из самых оболганных, измученных и… и *обиженных* женщин из всех, какие мне известны. Все, что я пыталась выяснить, — способна ли она лишить человека жизни, потому что я не знала ни единой подробности об этом убийстве. И между прочим, Фей следовало бы оправдать, даже если бы она *действительно* убила кого-то! Однако вы могли уяснить из рассказа профессора Риго, что она все же не делала этого. И я была в полном недоумении.

Барбара коротко и слабо всплеснула руками.

— Если помните, в «Белтринге» меня мало что интересовало, кроме самого убийства. То, что происходило до него, обвинение в аморальности и… и еще одной нелепости, из-за которой ее едва не побили камнями крестьяне, — все это не важно. Поскольку все это было намеренной, жестокой выдумкой от начала и до конца.

Голос Барбары зазвенел:

— Я это *знала*. Я могу доказать. У меня целая пачка писем, чтобы это доказать. Эта женщина жила в аду из-за лживых сплетен, настроивших против нее даже полицию и, вероятно, разрушивших ее жизнь. Я могла бы помочь ей. Я *могу* ей помочь. Но я такая трусиха! Такая трусиха! Такая трусиха!

Глава пятнадцатая

— «Лестер-сквер»! — пропел кондуктор.

Человека два вошли. Но длинный разогретый вагон подземки по-прежнему был почти пуст. Австралийский солдат похрапывал. Кнопка звякнула, устанавливая связь с машинистом впереди, двери сомкнулись. До «Камден-Тауна» было еще порядочно.

Майлз ничего не замечал. Он снова находился на верхнем этаже ресторана «Белтринг», глядя на Барбару Морелл, сидящую напротив профессора Риго за столом; он видел выражение в ее глазах, слышал то странное приглушенное восклицание — недоверчивое или презрительное, — когда она отмахнулась, как от чего-то неважного, услышав, что Ховард Брук вслух проклинал Фей Сетон посреди банка «Лионский кредит».

Майлз находил каждому слову, каждому жесту место в орнаменте, который до сих пор не складывался.

— Профессор Риго, — продолжала Барбара, — очень наблюдателен, он точно описывает события. Однако он так и не понял, вообще не понял,

что кроется *за* ними. Я готова была разрыдаться, когда он сказал в шутку, что был слеп, как летучая мышь или сова. Потому что в некотором смысле это была истинная правда.

Ведь целое лето профессор Риго стоял за плечом Гарри Брука. Он поучал Гарри, он формировал его вкусы, он влиял на него. Однако так и не угадал правду. Гарри, при всех своих спортивных задатках и приятной внешности, а он, — прибавила Барбара с презрением, — должно быть, казался весьма милым мальчиком, — все равно оставался рыбиной с холодным сердцем, твердо вознамерившейся плыть своим путем.

«С холодным сердцем. С холодным сердцем». Где же Майлз слышал это определение раньше?

Барбара закусила губу.

— Помните, — сказала она, — Гарри больше всего на свете хотел стать художником?

— Да. Помню.

— И он часто ссорился из-за этого с родителями. После чего, как описывает профессор Риго, обычно изо всех сил лупил по теннисному мячу или же уходил на лужайку и усаживался «с побелевшим лицом и мрачно сыпал проклятиями про себя».

— Это я тоже помню.

— Гарри знал: это единственное, на что его

родители никогда не дадут согласия. Они в самом деле боготворили его, но как раз потому, что боготворили, они никогда не одобрили бы его план. А он был… был недостаточно мужчина, чтобы отказаться от таких денег и выживать самостоятельно. Простите, что говорю так, — беспомощно прибавила Барбара, — просто это правда. И вот Гарри, задолго до появления Фей Сетон, начал строить планы в своем чудовищном маленьком умишке, как же *заставить* их согласиться.

Затем приехала Фей, новый секретарь его отца, и он наконец увидел способ.

Я… я никогда не встречалась с этой женщиной, — угрюмо призналась Барбара. — Могу судить о ней только по письмам. Может быть, я полностью ошибаюсь. Однако мне она представляется податливой и добросердечной, *поистине* неопытной, слегка романтичной и без особого чувства юмора. И Гарри Брук придумал способ. Первым делом он притворился, что влюблен в Фей…

— Притворился, что влюблен в нее?

— Да.

Майлз смутно увидел, как вырисовывается замысел. Причем это было неизбежно. Настолько неизбежно, что…

— «Тоттенхэм Корт-роуд»!

— Погодите секунду, — пробурчал Майлз. — Старое высказывание гласит, что есть две вещи, в которые поверят, если речь идет о любом мужчине, и одна из них — он пьет горькую. Можно развить мысль и сказать, что всегда поверишь в две сплетни, если речь идет о любой женщине, а именно…

— А именно, — подхватила Барбара, — что у нее отвратительный характер, — кровь бросилась ей в лицо, — и что она, вероятно, путается со всеми мужчинами в округе. И чем тише и скромнее женщина, в особенности если она не смотрит вам прямо в глаза и не испытывает восторга от разных глупых игр вроде гольфа или тенниса, тем больше народу убеждено, что в этих слухах что-то есть. План Гарри был таким вот хладнокровным. Он напишет отцу кучу гнусных анонимных писем о ней…

— Анонимных писем! — воскликнул Майлз.

— Он развернет против нее клеветническую кампанию, соединяя ее имя с именем Жана Такого и Жака Сякого. Его родители — они и так без восторга воспринимают мысль о его женитьбе на ком бы то ни было — обязательно встревожатся из-за скандала и примутся умолять его порвать

с ней.

Он уже проложил дорожку, придумав историю, лживую от первого до последнего слова, что она отказала ему, когда он звал ее замуж в первый раз, намекая на некую ужасную тайную причину, почему она не может выйти за него. Он рассказал эту байку профессору Риго, и бедный старый профессор Риго пересказал ее нам. Помните это?

Майлз кивнул.

— И еще помню, — произнес он, — что когда *я* упомянул об этом при ней прошлым вечером, она…

— Она — что?

— Не важно! Продолжайте!

— В общем, разразился бы скандал и родители Гарри умоляли бы его разорвать помолвку. Гарри изображал бы благородство и отказывался. Чем решительнее отказывался, тем сильнее бы они сходили с ума. В итоге он должен был поддаться на уговоры и, обливаясь слезами, сказать: «Хорошо, я расстанусь с ней. Но если я действительно соглашусь на это, вы же отправите меня на два года в Париж изучать живопись, чтобы я смог ее забыть?»

Согласились бы они в *таком* случае? Разве все мы не знаем, как устроены семьи? Конечно

согласились бы! Они ухватились бы за такую благословенную возможность с радостью.

Только, — прибавила Барбара, — маленький план Гарри, как вы понимаете, пошел несколько наперекосяк. Анонимки ужасно обеспокоили его отца, который даже ни словом не упомянул о них своей жене. Однако клеветническая кампания Гарри почти полностью провалилась в округе. Вы ведь знаете, как французы пожимают плечами и произносят это их «Et alors?», означающее примерно «Что с того?». Они люди занятые, им надо урожай собирать; и если подобные пустяки никому не причиняют вреда и не мешают работе, так что с того?

Барбара истерически засмеялась, однако взяла себя в руки.

— Именно профессор Риго, вечно толковавший Гарри о криминалистике и оккультизме — он сам признавался нам в этом, — в своей наивности подсказал Гарри кое-что, чего те люди действительно боялись. То, что и заставило их говорить и даже кричать. Это глупо, это жутко, и, конечно, это сработало безотказно. Гарри специально подкупил шестнадцатилетнего парня, чтобы тот сделал на шее фальшивые отметины, и началась вся эта история с вампирами…

Теперь-то вы понимаете, верно?

— «Гудж-стрит»!

— Гарри знал, конечно, что его отец не поверит ни в какую чепуху о вампирах. Гарри и не хотел, чтобы отец в это поверил. Мистеру Бруку достаточно было слышать — он не мог не слышать этого на каждом углу в Шартре, — что невеста его сына частенько наведывается к Пьеру Фреснаку по ночам и… ну и все такое. Этого должно было хватить.

Майлз Хаммонд содрогнулся.

Чу-чух — продолжал свое поезд, с грохотом проносясь по старому тоннелю. Отблески света вспыхивали на металле и обивке сидений. Слушая рассказ Барбары, Майлз так остро переживал грядущую трагедию, как будто не знал, что все уже случилось.

— Я не ставлю под сомнение то, о чем вы рассказываете мне, — произнес он, после чего вынул из кармана кольцо с ключами и принялся вертеть его с такой яростью, словно пытался разломить на две части. — Но откуда вам известны все эти подробности?

— Гарри писал обо всем этом моему брату! — воскликнула Барбара.

Она на мгновение умолкла.

— Джим ведь художник. Гарри восхищался им до умопомрачения. Гарри считал — искренне считал! — что Джим, как человек опытный, одобрит его план вырваться из душной семейной атмосферы и будет считать его бесконечно умным, раз он сумел придумать такое.

— Вы знали об этом с самого начала?

Барбара широко распахнула глаза:

— Боже упаси, нет! Это же было шесть лет назад. Мне было тогда двадцать. Я помню, что Джим регулярно получал письма из Франции, которые его огорчали, однако он никогда не рассказывал о сути. А потом…

— Продолжайте!

Она с трудом сглотнула комок в горле.

— Где-то в середине августа того года, я помню, как наш бородатый Джим вдруг вскочил за завтраком из-за стола с письмом в руке, воскликнув: «Боже, старика убили!» Он пару раз заговаривал о деле Брука, старался узнать все подробности, о которых только писали английские газеты. Но позже от него было невозможно добиться ни словечка.

Потом — война. В сорок втором нам сообщили о гибели Джима, мы поверили, что его больше нет. Я… я разбирала его бумаги. И наткнулась на

эту кошмарную историю, которая развивалась от письма к письму. Понятно, что я ничего не могла сделать. Я и *узнать*-то толком ничего не могла, не считая нескольких скупых фактов из задвинутых в задний ряд папок: мистер Брук был заколот, полиция склонялась к мысли, что его убила мисс Фей Сетон.

И только на прошлой неделе… События ведь никогда не происходят по порядку, верно? Вечно они обрушиваются на вас все разом!

— Да. Могу это подтвердить.

— «Уоррен-стрит»!

— В редакцию зашел фотокорреспондент и показал фото трех англичанок, которые возвращаются из Франции, и одна из них была «мисс Фей Сетон, в мирное время работавшая библиотекарем». А еще один из наших сотрудников случайно рассказал мне все о знаменитом Клубе убийств, прибавив, что в пятницу там выступает профессор Риго со свидетельскими показаниями по делу Брука.

Теперь в глазах Барбары стояли слезы.

— Профессор Риго на дух не переносит журналистов. Прежде он даже несколько раз отказывался выступать перед Клубом убийств, поскольку опасался, что все это утечет в прессу. Я не могла

подойти к нему как частное лицо, ведь тогда мне пришлось бы предъявить стопку писем, объясняя, откуда у меня такой интерес, а я *не могла* — понимаете ли вы меня? — *не могла* допустить, чтобы имя Джима упоминалось в связи с этим делом, если вдруг оно выльется в нечто ужасное. И вот я…

— Попытались заполучить Риго в свое личное пользование в «Белтринге»?

— Да. — Она быстро кивнула, а затем уставилась в окно. — Когда вы упомянули, что ищете библиотекаря, меня так и осенило. «О боже! А вдруг…» Вы же понимаете?

— Да. — Майлз кивнул. — Я вас понимаю.

— Вы были так зачарованы той раскрашенной фотографией, настолько подпали под ее обаяние, что я подумала про себя: «Может, довериться ему? Если он хочет найти библиотекаря, может, я попрошу его разыскать Фей Сетон и намекнуть ей, что один человек *знает,* как она стала жертвой грязного заговора? Вполне вероятно, что они и так встретятся, но, может, мне попросить его найти ее?»

— Так почему же вы не доверились мне?

Пальцы Барбары впивались в сумочку.

— О, сама не знаю. — Она тряхнула головой. —

Как я вам уже говорила, то была всего лишь моя глупая идея. И вероятно, меня в глубине души возмутило немного, что вы так откровенно подпали под ее очарование.

— Но послушайте…

Барбара лишь отмахнулась и заговорила быстрее:

— Но главное было другое: чем вы или я могли бы по-настоящему ей *помочь*? Очевидно, полиция не поверила в ее причастность к убийству, и это самое важное. Она стала жертвой гнусной лжи, способной отравить жизнь кому угодно, однако невозможно вернуть утраченную репутацию. Даже если бы я не была такой трусихой, как я смогла бы помочь? Я сказала вам — последнее, что я сказала, садясь в такси: «Я не понимаю, какая теперь от меня польза?»

— Значит, в письмах не содержится никакой информации об убийстве мистера Брука?

— Нет! Послушайте!

Часто моргая, чтобы не расплакаться, она зарделась румянцем, пепельно-белая головка склонилась, и Барбара принялась выискивать что-то в сумочке. Она вынула сложенные вчетверо листы почтовой бумаги, покрытые убористым почерком.

— Вот, — сказала она, — самое последнее письмо, написанное Гарри Бруком Джиму. Он писал его в день убийства. Первым делом он рассказывает — с каким злорадством! — об успехе своего плана очернить Фей и добиться того, чего он хотел. А потом все внезапно обрывается. Взгляните на последнюю часть!

— «Юстон»!

Майлз сунул обратно в карман кольцо с ключами и взял письмо. Приписка, сделанная торопливо и небрежно, в неистовом смятении уже после свершившегося, была помечена временем: 18:45. Слова плясали перед глазами Майлза, пока поезд дергался и громыхал.

Джим, только что случилось ужасное. Кто-то убил папу. Мы с Риго оставили его на башне, а кто-то поднялся и заколол его. Сейчас бегу на почту отправить письмо, заклинаю тебя, ради всего святого, дружище, никому не рассказывай, о чем я тебе писал. Если Фей спятила и убила старика, когда он попытался от нее откупиться, я не хочу, чтобы кто-то узнал, как я распространял о ней разные слухи. Все это будет скверно выглядеть, кроме

того, я не хотел, чтобы случилось нечто подобное. Прошу тебя, дружище.

Твой и в спешке,

Г. Б.

В письме этот человек столь явно обнажал свое неприглядное нутро, что Майлз так и видел пишущего его негодяя.

Майлз уставился в пустоту, в данный момент потерянный для мира.

Гнев на Гарри Брука клубился в мозгу, он сводил его с ума и лишал сил. Подумать только, он и не подозревал ничего подобного в характере Гарри Брука… а может, все же какие-то смутные подозрения закрадывались? Профессор Риго ошибался, оценивая мотивы этого приятного молодого человека. И все же Риго нарисовал, точно нарисовал картину его нервозности и неуравновешенности. Сам Майлз, описывая его, один раз использовал слово «невротик».

Гарри Брук, прокладывая свой путь, хладнокровно и преднамеренно придумал всю эту проклятую…

Но если Майлз когда-то сомневался, уж не влюбился ли он сам в Фей Сетон, теперь сомнений не осталось.

Мысль о Фей, совершенно ни в чем не повинной, сходившей с ума от непонимания и страха, была из тех, которым не в силах противиться ни душа, ни воображение. Он проклинал себя за то, что испытывал по ее поводу какие-то сомнения. До сих пор он видел все словно в кривом зеркале: с недоумением, почти с неприязнью, смешивавшейся с влечением к ней, он спрашивал себя, что за злобная сила *может* скрываться за этими голубыми глазами. И в то же время…

— Она не виновата, — заявил Майлз. — Она вообще ни в чем не виновата.

— Именно так.

— Я скажу вам, какие чувства испытывает Фей к самой себе. И не сочтите, что я преувеличиваю или драматизирую, говоря такое. Она чувствует себя про́клятой.

— Почему вы так решили?

— Я не решил. Я просто знаю. — Теперь он был совершенно уверен. — Так вот что стояло за всем ее поведением прошлой ночью. Справедливо или нет, но она чувствует, что не в силах освободиться от чего-то, от некого проклятия. Не стану делать вид, что могу объяснить все происходящее, но хотя бы это я знаю точно.

Более того, она в опасности. Что-то должно про-

изойти, сказал доктор Фелл, если она попытается осуществить свои планы. Именно поэтому он велел мне догнать ее любой ценой и ни на миг не выпускать из виду. Он сказал, это вопрос жизни и смерти. И хотите верьте, хотите нет, именно так я и собираюсь поступить! Хотя бы это мы обязаны для нее сделать после всего, через что она прошла. Как только выйдем из поезда…

Майлз умолк.

Где-то во внутреннем ухе прозвонил едва слышный звоночек и предостерег его. Он понял, первый раз с того момента, когда оказался в подземке, что поезд успел остановиться, а он не помнит, как он останавливался.

Затем перед глазами возник яркий образ вагона, и он услышал звук, заставивший его подскочить. Рокот катящихся створок дверей, начавших смыкаться.

— Майлз! — воскликнула Барбара, вскакивая в тот же миг.

Двери закрылись с мягким ударом. Тренькнула кнопка звонка проводника. Майлз, кинувшись к окну, когда поезд снова тронулся, увидел слова на станционной вывеске, блеснувшей белыми буквами на синем фоне, и слова эти были «Камден-Таун».

Позже ему рассказали, как он что-то кричал проводнику, но в тот момент он этого не сознавал. Он лишь помнил, как бешено бросился к дверям, пытаясь просунуть пальцы в щель между ними и разжать. Кто-то сказал: «Спокойно, дружище!» Австралийский солдат проснулся. Полисмен, заинтересовавшись, поднялся с места.

Это не обещало ничего хорошего.

Когда поезд скользил мимо платформы, набирая скорость, Майлз стоял лицом к застекленным дверям.

С полдюжины человек двигались к выходу со станции. Тусклые лампы под потолком раскачивались на ветру, пронесшемуся через эту затхлую пещеру. Он отчетливо увидел Фей — в расстегнутом твидовом пальто и черном берете, с тем же пустым, несчастным, измученным выражением на лице, — которая шла к выходу, пока поезд уносил его в недра тоннеля.

Глава шестнадцатая

Моросящий дождь поливал Болсовер-плейс в Камден-Тауне под окончательно потемневшим небом.

В стороне от широко раскинувшейся Камден-Хай-стрит, недалеко от станции метро, но за пределами даже узкой и тусклой Болсовер-стрит, располагался тупик, куда вела кирпичная арка.

Под ногами здесь лежали неровные булыжники, теперь почерневшие от дождя. Впереди поднимались два разбомбленных дома, казавшиеся вполне нормальными, пока взгляд не останавливался на окнах. Справа находилась крохотная фабрика или мастерская под вывеской «Дж. Мингс и К°. Зубные протезы». Слева стоял небольшой одноэтажный дом, вывеска на котором сообщала, что некогда здесь подавали ужины. За ним было еще два здания, кирпичные, какого-то неопределенного цвета, между серым и коричневым, в окнах которых еще оставались кое-какие стекла, так что вид у домов был не до конца заброшенный.

Никакого движения: даже бродячего кота они

не встретили. Майлз, совершенно безучастный к тому, что насквозь промок, взял Барбару под руку.

— Все в порядке, — вполголоса произнесла Барбара, поводя плечами под макинтошем и криво держа зонтик. — Мы потеряли всего-то десять минут.

— Да. Однако же мы их потеряли.

Майлз понимал, что теперь она напугана. На обратном пути им хотя бы повезло мгновенно вскочить на «Чок-Фарм» в поезд, идущий в противоположном направлении, и пока они ехали, он выложил ей все о событиях прошедшей ночи. Было ясно, что Барбара не больше его понимает, что из этого следует, однако она испугалась.

— Номер пять, — произнес Майлз. — Номер пять.

Это оказался последний дом слева, под прямым углом к двум разбомбленным домам. Майлз обратил внимание на кое-что еще, пока вел Барбару по неровной булыжной мостовой. В большой закопченной витрине заведения «Дж. Мингс и К°» были выставлены здоровенные искусственные челюсти.

В качестве рекламы они, вероятно, должны были производить шокирующий или комический

эффект, но, будь они даже в лучшем состоянии, они не привлекли бы больше внимания. Сделанные из металла и покрашенные в естественные цвета зубов и десен, эти сомкнутые и лишенные остального тела челюсти неясно вырисовывались в слабом сером свете, словно выдранные у какого-то великана. Майлзу это было неприятно. Он чувствовал их присутствие за спиной, подходя к вздувшейся волдырями двери дома номер пять, где имелся даже дверной молоток.

Однако дверной молоток не понадобился.

В открытом окне первого этажа соседнего дома мгновенно возникла женская голова, отодвинулось в сторону то, что некогда, вероятно, было тюлевой занавеской. Женщина средних лет жадно всматривалась во вновь прибывших не то чтобы с подозрением, но с пристальным любопытством.

— Мисс Фей Сетон? — произнес Майлз.

Женщина развернулась в сторону комнаты, явно что-то пнув ногой, прежде чем ответить. После чего кивнула на номер пять.

— Второй этаж, вверх и налево.

— Нам… э… просто войти?

— А как еще?

— Ясно. Спасибо.

Женщина важно наклонила голову, принимая благодарность, и с таким же важным видом отошла от окна. Майлз повернул ручку двери и открыл ее. Он пропустил Барбару перед собой в коридор с лестницей. На них хлынула волна затхлого запаха плесени. Когда Майлз закрыл дверь, стало совсем темно, и они кое-как разглядели контуры лестницы. Он слышал, как вдалеке барабанит дождь по световому люку.

— Мне это не нравится, — проговорила Барбара себе под нос. — И с чего она захотела жить в таком месте?

— Ну, вы же знаете, на что похож нынешний Лондон. Нигде ничего не достать ни за какие коврижки.

— Но зачем она сохранила за собой эту комнату, если переехала в Грейвуд?

Майлз и сам задавался этим вопросом. Ему тоже не понравилось это место. Ему хотелось прокричать имя Фей, убедиться, что она здесь.

— Второй этаж, вверх и налево, — сказал Майлз. — Осторожнее, ступеньки!

Лестница была крутая, она резко поворачивала, выводя в узкий коридор, протянувшийся вдоль фасада дома. В конце коридора было окно с картонкой вместо одного стекла, выходившее на

площадь Болсовер. Света оно пропускало достаточно, чтобы они разглядели по закрытой двери по обеим сторонам коридора. А спустя несколько секунд, когда Майлз двинулся к двери по левой стороне, стало еще светлее.

В это окно с фасадной стороны хлынуло довольно яркое свечение, залившее даже часть короткого коридора с темным линолеумом. Сердце у Майлза и без того колотилось уже где-то в горле, когда он поднял руку, чтобы постучать, и этот свет заставил его вздрогнуть. Вздрогнула и Барбара — Майлз услышал, как чиркнули по линолеуму ее каблуки. Оба они выглянули в окно.

Челюсти двигались.

Через переулок, в заведении господина Дж. Мингса и компании, заскучавший сторож решил скрасить воскресный день, включив свет в грязной витрине и приведя в движение электрический механизм, управлявший челюстями.

Они очень медленно открывались, очень медленно смыкались, бесконечно открывались и смыкались, привлекая внимание. Мрачные и зловещие в своей бесполезности, время от времени немного застревая, челюсти с розовыми деснами и местами потемневшими зубами разевались во всю ширь и снова захлопывались. Эффект

получался одновременно театральный и до жути реалистичный. Они были беззвучными и нечеловеческими. Сквозь окно, помутневшее от дождя, они отбрасывали собственную тень — медленно, очень медленно открываясь и смыкаясь — на стену коридора.

Барбара проговорила тихонько:

— Мало было…

— Тсс!

Майлз не знал, почему потребовал тишины, сам он при этом был занят мыслью, что это представление напротив — чертовски плохая реклама и не очень забавная. Он снова поднял руку и постучал в дверь.

— Да? — отозвался спокойный голос после совсем небольшой заминки.

Это был голос Фей. Все с ней в порядке.

Майлз постоял неподвижно несколько секунд, наблюдая краем глаза, как размытая тень движется по стене, прежде чем повернуть ручку. Дверь оказалась не заперта. Он открыл ее.

Фей Сетон, все в том же твидовом пальто поверх платья цвета голубиного крыла, стояла перед комодом, с вопросительным видом повернув голову. Выражение ее лица было умиротворенным, не слишком заинтересованным, пока она не уви-

дела, кто к ней пришел. И тут она приглушенно вскрикнула.

Майлз отчетливо видел всю обстановку в комнате, потому что занавески были задернуты и горел свет. В свете тусклой лампочки над комодом он рассмотрел довольно убого обставленную спальню с выцветшими обоями и потертым ковром. Тяжелая жестяная коробка, выкрашенная черной краской и размером с половину сундука, была впопыхах выдвинута из-под кровати, крышка была захлопнута неплотно, из петли свисал открытый амбарный замок.

Голос Фей зазвучал пронзительно:

— Что вы здесь делаете?

— Я ехал за вами! Мне было велено поехать! Вы в опасности! Есть…

Майлз вошел в комнату на два шага.

— Боюсь, вы меня ошеломили, — произнесла Фей, овладев собой. Одна рука легла на область сердца — он уже видел раньше у нее такой жест. Она коротко рассмеялась. — Я не ожидала!.. В конце концов… — И быстро прибавила: — Кто это с вами?

— Это мисс Морелл. Сестра… да что там, Джима Морелла. Она очень хочет познакомиться с вами. У нее…

Тут Майлз увидел то, что лежало на комоде сверху, и мир вокруг, как ему показалось, замер.

Первым делом он увидел старый портфель из черной кожи, пересохший, запыленный и потрескавшийся, распухший от того, что лежало внутри, — ремни на нем были распущены, крышка слегка сдвинута. Однако же старый портфель может принадлежать кому угодно. Рядом с ним лежала плоская стопка больших банкнот, верхняя бумажка номиналом в двадцать фунтов. Когда-то банкноты были белыми, но теперь они казались какими-то замаранными, расплывшимися, заляпанные засохшими ржаво-коричневыми пятнами.

Бледное лицо Фей побледнело еще сильнее, когда она проследила за направлением его взгляда. Казалось, ей очень трудно дышать.

— Да, — сказала она ему. — Это пятна крови. Крови мистера Брука, как вы понимаете, оставшиеся, когда их…

— *Ради бога, Фей!*

— Я здесь не нужна. — В голосе Барбары, хотя негромком, угадывалось отчаяние. — На самом деле я не хотела приходить. Но Майлз…

— Прошу вас, войдите, — произнесла Фей мягко, пока ее голубые глаза все блуждали и блуждали

по комнате, как будто она вовсе не видела Майлза. — И закройте дверь.

Однако никакого спокойствия в ней не было и в помине. По причине — и это было очевидно — полного отчаяния или же какого-то сходного чувства. У Майлза голова шла кругом. Он старательно закрыл дверь, чтобы выиграть хотя бы несколько секунд на размышление. Деликатно опустил руку на плечо Барбары, потому что Барбара была готова выскочить из комнаты. Он оглядел спальню, ощущая, как душит его спертый воздух.

После чего обрел голос.

— Но в конце-то концов, вы не можете быть виновны! — с отчаянной рассудительностью заявил он. Казалось жизненно важным убедить Фей, логически обосновать, что она не может быть виновна. — Уверяю вас, это невозможно! Это… послушайте!

— Да? — отозвалась Фей.

Рядом с комодом стояло старое кресло с заплатками на спинке и подлокотниках, вытертых до основы. Фей опустилась в него, и плечи у нее поникли. Хотя выражение ее лица почти не изменилось, слезы, стоявшие в глазах, пролились, покатившись по щекам. Он ни разу еще не видел,

чтобы она плакала, и это оказалось особенно тяжело.

— Теперь нам известно, — заявил Майлз, ощущая, как немеет тело, — что вы ни в чем вообще не виноваты. Я услышал — я только что услышал, понимаете? — что все эти обвинения против вас были ложью, злонамеренной выдумкой Гарри Брука…

Фей быстро вскинула голову.

— Значит, вы знаете об этом, — сказала она.

— Более того… — он внезапно понял кое-что еще, отшатнулся и нацелил на нее палец, — вам тоже это известно! Вы знали, что эти слухи распускает Гарри Брук! Вы все это знали с самого начала!

Это было больше чем вспышка озарения, какие временами случаются от перенапряжения чувств, — это были факты, вставшие на свои места.

— Именно по *этой* причине накануне вечером вы так безумно засмеялись, когда я спросил, поженились ли вы с Гарри Бруком в итоге. Именно *поэтому* вы заговорили об анонимных письмах, хотя Риго ни разу о них не упоминал. Именно *поэтому* назвали имя Джима Морелла, большого друга Гарри, которому тот писал каждую неделю,

хотя о нем Риго тоже не было известно. Вы все знали с самого начала! Не так ли?

— Да. Я все это знала.

Голос прозвучал едва громче шепота. Слезы по-прежнему лились из глаз, и губы у нее начали дрожать.

— Вы с ума сошли, Фей? Совсем лишились рассудка? Почему же вы ни разу не заговорили и не сообщили об этом?

— Потому что… О боже, да какая теперь разница?

— Какая разница? — Майлз с трудом сглотнул ком в горле. — Да эта проклятая вещь… — Он широко шагнул к комоду и поднял пачку банкнот, испытав отвращение от одного прикосновения к ним. — В портфеле, как я понимаю, еще три таких?

— Да, — подтвердила Фей. — Еще три. Я лишь украла их. Но я их не потратила.

— Но если подумать, что еще лежит в этом портфеле? Отчего он такой пухлый?

— Не трогайте портфель! Прошу вас!

— Ладно. Я не имею никакого права донимать вас своими вопросами. Я понимаю. Я делаю это только потому… потому что необходимо. Но вы спрашиваете, какая теперь разница? Когда почти

шесть лет полиция пыталась выяснить, что же случилось с этим портфелем и с деньгами в нем?

Шаги в коридоре, которые они, поглощенные разговором, услышали только сейчас, непринужденно приблизились к двери. А вот стук в дверь, хотя и негромкий, отличался такой властностью, что проигнорировать его было невозможно.

Ответил Майлз — обе женщины были не в силах.

— Кто там?

— Офицер полиции, — произнес голос с другой стороны двери с тем же сочетанием непринужденности и властности. — Вы позволите мне войти?

Рука Майлза, так и сжимавшая банкноты, дернулась со скоростью атакующей змеи, когда он сунул пачку денег в карман. Как раз вовремя, подумал он про себя. Потому что человек за дверью не стал дожидаться приглашения.

В проеме широко распахнувшейся двери стоял высокий мужчина с квадратными плечами, в дождевике и шляпе-котелке. Все они, вероятно, ожидали увидеть мундир, и Майлзу, по крайней мере, его отсутствие показалось даже более зловещим. Было что-то смутно знакомое в лице вновь прибывшего: коротко подстриженные, начавшие

седеть усы, квадратная челюсть с желваками и в целом военная выправка.

Он стоял, переводя взгляд с одной персоны на другую, не отпуская ручку двери, а в коридоре у него за спиной свет разгорался и гас в ритме открывавшихся и закрывавшихся челюстей.

Они дважды раззявились и сомкнулись, прежде чем полицейский наконец кашлянул:

— Мисс Фей Сетон?

Фей поднялась с места, вместо ответа взмахнув кистью руки. Полная изящества, не сознающая, что лицо у нее заплакано; она лишилась запала — ей было уже все равно.

— Моя фамилия Хэдли, — объявил незнакомец. — Суперинтендант Хэдли. Департамент уголовного розыска Лондона.

Вот теперь Майлз понял, отчего ему смутно знакомо это лицо. Майлз подошел поближе к Барбаре Морелл. А Барбара заговорила.

— Однажды я брала у вас интервью, — произнесла она дрожащим голоском, — для «Морнинг рекорд». Вы многое рассказали, однако не разрешили напечатать бóльшую часть.

— Верно, — согласился Хэдли, поглядев на нее. — Вы мисс Морелл, конечно же. — Он задумчиво взглянул на Майлза. — А вы, должно быть,

мистер Хаммонд. Похоже, вы здорово промокли.

— Когда я выходил из дома, дождя не было.

— Все равно, в такие дни, — сказал Хэдли, покачивая головой, — разумно брать с собой дождевик, выходя из дома. Я бы отдал вам свой, но, боюсь, он понадобится мне самому.

Эта нарочито светская беседа, маскировавшая собой ощущение смертельной опасности и натянутые нервы, не могла длиться долго. И Майлз прервал ее.

— Послушайте, суперинтендант! — выпалил он. — Вы же пришли сюда не о погоде поговорить. Самое главное, что вы друг доктора Фелла.

— Именно так, — согласился Хэдли. Он вошел, снял шляпу и закрыл дверь.

— Но доктор Фелл сказал: полиция не станет вмешиваться!

— Во что? — вежливо уточнил Хэдли с легкой улыбкой.

— Ни во что!

— Ну, это зависит от того, что вы имеете в виду, — сказал Хэдли.

Его взгляд блуждал по комнате: он посмотрел на сумочку Фей, на черный берет на покрывале, на большую запыленную коробку из жести, выдвинутую из-под кровати, на задернутые за-

навески на двух маленьких окошках. Его взгляд остановился, без особого любопытства, на портфеле, лежавшем на видном месте на комоде под самой лампой.

Майлз, крепко сжимая правой рукой пачку банкнот в кармане, наблюдал за ним, словно за дрессированным тигром.

— Суть в том, — непринужденно продолжал Хэдли, — что у меня состоялся продолжительный разговор с маэстро…

— С доктором Феллом?

— Да. И добрая половина этого разговора оказалась не особенно понятной. Но похоже, мистер Хаммонд, ваша сестра прошлой ночью испытала очень сильный и опасный для здоровья испуг.

Фей Сетон обошла большую жестяную коробку и взяла с кровати свою сумочку. Подошла к комоду, наклонила стоявшее на нем зеркало, чтобы поймать побольше света, и принялась с помощью носового платка и пудры убирать следы слез. Ее глаза в зеркале были пусты, словно голубые мраморные шарики, зато локоть трясся безумной мелкой дрожью.

Майлз вцепился в банкноты.

— Доктор Фелл рассказал вам, что случилось в Грейвуде? — спросил он.

— Да.

— Значит, этим займется полиция?

— О нет. Пока вы сами не попросите. И в любом случае это будет местная полиция, а не лондонская. Нет, — ленивым тоном пояснил Хэдли, — на самом деле Фелл хотел узнать название некоего теста.

— Какого теста?

— Научного теста для определения… ну, того, что он там хотел определить. А заодно — не найду ли я ему человека, который умеет его проводить. Он сказал, не может вспомнить название теста и никаких связанных с ним подробностей, кроме того, что там используется растопленный парафин. — Хэдли чуть улыбнулся. — Он, разумеется, имел в виду тест Гонзалеса.

Тут суперинтендант Хэдли прошел вперед.

— И еще доктор Фелл спросил, — продолжал он, — не сможем ли мы как-нибудь узнать адрес мисс Сетон, на случай если вы… — он взглянул на Майлза, — на случай если вы все же упустите ее. Я сказал, что, естественно, сможем, поскольку она, должно быть, оформляла удостоверение личности. — Хэдли помолчал. — Между прочим, мисс Сетон, у вас при себе удостоверение личности?

Глаза Фей, отражавшиеся в зеркале, следили за

ним. Она почти завершила макияж, и руки у нее больше не тряслись.

— Да, — ответила Фей.

— Исключительно для проформы: могу я на него взглянуть?

Фей вынула удостоверение из сумочки, молча протянула ему, а потом повернулась обратно к зеркалу. По неизвестной причине безумное напряжение снова отразилось во взгляде, когда она взялась за пудреницу.

«Да что же, — думал Майлз, — скрывается за всем этим?»

— Я заметил, мисс Сетон, что тут не значится ваш предыдущий адрес.

— Не значится. Последние шесть лет я жила во Франции.

— Это я понимаю. Но у вас, разумеется, имелось французское удостоверение личности?

— Боюсь, что нет. Я его потеряла.

— Чем вы занимались во Франции, мисс Сетон?

— У меня не было определенного места работы.

— В самом деле? — Темные брови Хэдли, контрастирующие с его стальными усами, приподнялись. — Должно быть, трудно было в таком

случае получить карточки?

— У меня… не было определенного места работы.

— Но я так понял, что вы получили профессиональную подготовку в качестве и библиотекаря, и секретаря?

— Да. Все верно.

— Насколько я понимаю, вы работали секретарем у мистера Ховарда Брука до его смерти в тридцать девятом году. И вот здесь, — заметил Хэдли, как будто его внезапно осенила новая идея, — тот самый случай, когда мы *были бы* рады небольшой помощи, чтобы затем посодействовать французским коллегам.

«Подумать только, как подкрадывается эта большая кошка! Подумать только, как сужает круги!»

— Однако я забываю, — сказал Хэдли, так стремительно переменив тему, что все трое его слушателей вздрогнули, — забываю истинную причину, почему я здесь!

— Истинную причину, почему вы здесь?

— Да, мисс Сетон. Э… ваше удостоверение. Не хотите ли забрать?

— Спасибо.

Фей пришлось повернуться к нему. Она забра-

ла документ, после чего застыла в своем сером платье и длинном промокшем твидовом пальто, повернувшись спиной к комоду. Теперь она закрывала собой портфель, который словно взывал к небесам. Если бы Майлз Хаммонд был вором, все карманы которого набиты до отказа украденными вещами, и тогда он не чувствовал бы себя более виноватым.

— Доктор Фелл попросил меня, — продолжал Хэдли, — строго неофициально, присмотреть за вами. Похоже, вы сбежали от него…

— Кажется, я не совсем понимаю. Я не сбегала.

— С намерением вернуться, разумеется! Это понятно!

Глаза Фей нервно закрылись, затем открылись снова.

— Как раз перед тем, мисс Сетон, доктор Фелл собирался спросить у вас что-то важное.

— О?..

— Он велел передать вам, что не задал нужного вопроса вчера ночью, — продолжал Хэдли, — поскольку не догадывался о том, о чем догадывается сейчас. Однако он очень хочет получить ответ на этот вопрос. — Тон Хэдли переменился самую малость, он был по-прежнему вежлив, по-прежнему спрашивал как будто между прочим, однако

в комнате словно стало жарче, когда он прибавил: — Так могу я задать этот вопрос прямо сейчас?

Глава семнадцатая

Свет лампы, висевшей над комодом, сиял на волосах Фей, подчеркивая их теплый оттенок, плохо сочетавшийся с очевидной холодностью лица и позы.

— Вопрос по поводу…

Ее руки — Майлз едва не выкрикнул предостережение — инстинктивно дернулись к портфелю за спиной.

— Вопрос, — произнес Хэдли, — связан с тем, что напугало мисс Мэрион Хаммонд прошлой ночью.

Руки Фей метнулись обратно, она выпрямилась.

— И, я боюсь, — продолжал Хэдли, — должен, предваряя вопрос, прояснить ситуацию. Не обращайте внимания на мой блокнот, мисс Сетон! Это неофициально. Я просто записываю то, что просил меня записать Фелл. — Его взгляд переместился на удостоверение личности у нее в руке. — Или вы отказываетесь отвечать на вопросы, мисс Сетон?

— Разве я когда-то… отказывалась?

— Благодарю вас. Так вот: с учетом того, что напугало мисс Мэрион Хаммонд…

– *Я* этого не делала!

— Вы, может быть, не всегда сознаете, — заметил Хэдли, — что именно делаете или как сказываются ваши поступки.

Голос Хэдли оставался столь же спокойным, пока он произносил все это.

— Однако! — прибавил он поспешно, и взгляд его сделался каким-то особо пронзительным, отчего глаза как будто увеличились. — Мы сейчас говорим не о вашей осознанной вине или невиновности. Я всего лишь стараюсь — надо ли уточнять? — прояснить всю картину. Как я понимаю, вы были последней *известной* нам персоной, видевшей Мэрион Хаммонд перед тем, как ее… напугали?

Фей в ответ быстро, загипнотизированно кивнула.

— Оставив ее в спальне целой и невредимой и в хорошем настроении, вы ушли в… в котором часу?

— Около полуночи. Я говорила об этом доктору Феллу.

— Ах да. Значит, так. Мисс Хаммонд успела к этому времени переодеться?

— Да. Она была в голубой шелковой пижаме. Сидела в кресле рядом с прикроватным столиком.

— Что ж, мисс Сетон! Спустя какое-то время в комнате мисс Хаммонд раздался выстрел. Вы помните, который был час?

— Нет. Боюсь, не имею ни малейшего понятия.

Хэдли повернулся к Майлзу:

— А вы не могли бы нам помочь, мистер Хаммонд? Все, включая самого доктора Фелла, кажется, имеют смутное представление о времени.

— Это как раз единственное, — ответил Майлз, — чем я могу вам помочь. — Он помолчал, припоминая всю сцену. — После выстрела я побежал наверх, в спальню Мэрион. Ко мне присоединился профессор Риго, спустя несколько минут подошел доктор Фелл. Профессор Риго попросил меня пойти вниз, простерилизовать шприц и сделать кое-что еще в кухне. Когда я пришел в кухню, было без двадцати два. Там на стене большие часы, и я помню, как посмотрел на них.

Хэдли кивнул.

— Значит, все случилось приблизительно около половины второго ночи или чуть позже?

— Да. Думаю, так и было.

— Вы согласны, мисс Сетон?

— Боюсь… — Фей пожала плечами, — я просто

не помню. Я не обращала внимания на время.

— Но вы же *слышали* выстрел?

— О да. Я спала некрепко.

— После чего, как я понял, вы поднялись наверх и заглянули в дверь спальни?.. Прошу прощения, мисс Сетон. Боюсь, я не вполне уловил ответ.

— Я сказала: да. — Губы Фей отчетливо шевельнулись. Атмосфера прошедшей ночи в какой-то степени вернулась, об этом свидетельствовали ее участившееся дыхание и выражение глаз.

— Ваша спальня на первом этаже?

— Да.

— Когда вы услышали среди ночи выстрел, почему вы подумали, что звук донесся сверху? И из какой именно комнаты?

— Ну, скажем так: сразу после выстрела я услышала, как люди пробежали по коридору наверху. Звуки ночью разносятся далеко. — Первый раз Фей, кажется, была искренне сбита с толку. — Потому я заинтересовалась, что же случилось. Я встала, набросила халат, надела тапочки, зажгла лампу и пошла наверх. Дверь комнаты мисс Хаммонд была широко распахнута, внутри горел свет. Поэтому я подошла и заглянула.

— Что вы увидели?

Фей облизнула губы.

— Я увидела, как мисс Хаммонд полулежит на постели, держа пистолет. Увидела, как профессор Риго — его я знала раньше — стоит по другую сторону кровати. Я увидела, — тут она замялась, — мистера Майлза Хаммонда. Услышала, как профессор Риго говорит, что это шок и что мисс Хаммонд не умерла.

— Но вы не стали входить? И никак их не окликнули?

— Нет!

— Что было дальше?

— Я услышала, как кто-то, судя по топоту, ужасно тяжелый и неуклюжий, поднимается по парадной лестнице в конце коридора, — ответила Фей. — Теперь я понимаю, что это был доктор Фелл, который шел к спальне. Я погасила свою лампу и сбежала вниз по задней лестнице. Он меня не увидел.

— И что же там вас расстроило, мисс Сетон?

— Расстроило меня?

— Когда вы заглянули в спальню, — произнес Хэдли нарочито медленно, — вы увидели нечто, расстроившее вас. Что это было?

— Я не понимаю!

— Мисс Сетон, — пояснил Хэдли, откладывая записную книжку, которую раньше вынул из

внутреннего нагрудного кармана, — я вынужден был задавать все эти вспомогательные вопросы только для того, чтобы подойти к одному-единственному. Вы что-то увидели, и это расстроило вас настолько, что позже вы в присутствии доктора Фелла извинялись перед мистером Хаммондом за устроенную, как вы сами выразились, сцену. Вы не были напуганы, ваши чувства вовсе не были вызваны страхом. Что же вас огорчило?

Фей развернулась к Майлзу:

— Вы рассказали доктору Феллу?

И Майлз удивленно на нее посмотрел:

— Что рассказал?

— О чем я говорила вам вчера ночью, — резко ответила Фей, переплетая пальцы, — когда мы были в кухне и я… я была не в себе.

— Я ничего не рассказывал доктору Феллу, — отрезал Майлз с яростью, которой не понял сам. — Да и в любом случае — какая разница?

Майлз отошел от нее на пару шагов. И натолкнулся на Барбару, которая тоже попятилась. На долю секунды, когда Барбара повернула голову, он с удивлением заметил на ее лице выражение, окончательно сломившее его. Взгляд Барбары уже какое-то время был сосредоточен на Фей. И в ее глазах, постепенно разрастаясь, отражалось

изумление и что-то еще, пусть не неприязнь, но что-то весьма близкое к неприязни.

Если и Барбара на нее ополчится, подумал Майлз, можно сразу переложить все дело на плечи адвоката и ретироваться. Но ведь Барбара не может — только не она — ополчиться на Фей! И потому Майлз продолжил борьбу.

— Я бы не стал отвечать ни на какие вопросы, — заявил он. — Если суперинтендант Хэдли здесь неофициально, у него нет никакого чертового права предлагать какие-то сделки и намекать на некие серьезные последствия, если ему не ответят. Расстроена? Да любой был бы расстроен после того, что случилось вчера ночью. — Он снова взглянул на Фей. — В любом случае все, что вы мне сказали: вы увидели что-то, чего не замечали раньше, и…

— Вот! — выдохнул Хэдли и хлопнул своим котелком по ладони левой руки. — Мисс Сетон увидела там что-то, чего не замечала раньше! Именно так мы и думали!

Фей жалобно вскрикнула.

— Почему же вы не хотите рассказать нам, мисс Сетон? — увещевал Хэдли весьма убедительным тоном. — Почему не сделать полное признание, как вы и намеревались? Если на то пошло, поче-

му бы не отдать этот портфель, — он как будто невзначай указал на него, — вместе с двумя тысячами фунтов и всеми прочими вещами, которые лежат в нем? Почему бы…

Именно в этот момент погас свет над комодом.

Никто не был готов к опасности. Никто не был настороже. Все внимание было сосредоточено на маленьком пятачке, где Фей стояла лицом к лицу с Хэдли, Майлзом и Барбарой.

И хотя никто не трогал выключатель у двери, свет погас. Поскольку на маленьких окнах были задернуты плотные шторы, предназначенные для светомаскировки, темнота обрушилась на них всей тяжестью, словно мешок натянули на лицо, лишая возможности видеть, как и лишая способности мыслить рационально. Из коридора в комнату все же проник какой-то свет, когда кто-то резко распахнул дверь. И что-то ринулось на них.

Фей Сетон закричала.

Они услышали, как ее пронзительный крик взлетел к потолку. Услышали возгласы, похожие на «нет, нет, нет!», затем треск чего-то, упавшего на большую жестяную коробку посреди комнаты. В те несколько секунд, когда Майлз успел забыть о некой пагубной силе, эта самая сила

снова обрушилась на них. Он рванулся вперед в темноте и ощутил, как мимо проскользнуло чье-то плечо. Дверь в коридор громыхнула. Где-то послышались бегущие шаги. Майлз услышал звяканье колец, когда кто-то — это оказалась Барбара — отдернул штору на одном окне.

Серый, смазанный дождем свет просочился со стороны Болсовер-плейс, заодно со светом из витрины с живыми зубами на другой стороне переулка. Суперинтендант Хэдли подскочил к окну, распахнул его и дунул в полицейский свисток.

Фей Сетон, целая и невредимая, была отброшена неизвестным на кровать. Чтобы не упасть, она схватилась за стеганое покрывало, но все равно съехала на пол, стянув его за собой.

— Фей! С вами все в порядке?

Фей едва ли услышала его. Она развернулась, инстинктивно обшаривая взглядом верх комода.

— *С вами все в порядке?*

— Его нет, — проговорила Фей придушенным голосом. — Его нет. Его нет.

Потому что портфеля там больше не было. Опередив всех остальных, опередив даже Майлза и Хэдли, Фей перепрыгнула через жестяную коробку и побежала к двери. Она неслась напролом, с безумной скоростью и успела преодолеть

половину пути до лестницы, прежде чем Майлз тронулся с места.

И даже портфель не остановил этот безумный бег.

Ибо Майлз нашел портфель, брошенный на полу в коридоре, смутно видневшийся в свете витрины с открывавшимися и закрывавшимися челюстями. Фей, должно быть, пробежала прямо по нему, однако даже не заметила этого. Майлз окликнул ее, когда она была на площадке крутой лестницы, ведущей вниз, к входной двери. Он схватил портфель, перевернув его вверх тормашками, в надежде привлечь ее внимание своей пантомимой. Из раскрытого кожаного вместилища выпали три белые пачки банкнот, таких же, как и та, которая была в комнате. Они шлепнулись на пол вместе с какой-то сухой субстанцией, похожей на цементную пыль. Больше в портфеле ничего не было.

Майлз бросился к лестничной площадке.

— Он здесь, говорю же вам! Он не пропал! Его выбросили! Он здесь!

Услышала ли она его? Он сомневался. Однако, хотя бы на короткий миг, она остановилась и подняла голову.

Фей застыла на середине лестничного пролета,

крутые ступеньки которого были покрыты потертым линолеумом. Входная дверь в дом осталась широко распахнутой, и свет из витрины на другой стороне переулка проникал на лестницу.

Майлз, опасно перегнувшись через перила в коридоре и потрясая портфелем, смотрел в ее лицо сверху вниз, когда она подняла голову.

— Вы меня понимаете? — прокричал он. — Не надо никуда бежать! Вот же портфель! Он…

Вот теперь он мог бы поклясться, что она не услышала его. Левая рука Фей едва касалась перил. Шея выгнулась дугой, узел рыжих волос сполз на спину, пока она смотрела наверх. На ее лице читалось легкое изумление. Раскрасневшиеся щеки, даже блестящие глаза как будто выцвели, обретая синюшную бледность, которая сначала придала лицу такое кроткое выражение, а после стерла с него всякое выражение вовсе.

Ноги у Фей подогнулись. Мягко, словно платье, соскользнувшее с вешалки, как будто в теле не было костей и даже синяки ей не грозили, он упала набок и несколько раз перекатилась, оказавшись у подножия лестницы. И стук падения, по контрасту с этой ужасающей вялостью…

Майлз Хаммонд застыл на месте.

Душный, плесневелый воздух коридора про-

никал в легкие, а неожиданное подозрение — в разум. Ему показалось, он дышит этим воздухом уже бесконечно долго, с окровавленными банкнотами в кармане и опустошенным портфелем в руке.

Краем глаза Майлз увидел, как Барбара подошла и встала рядом с ним, посмотрев вниз. Суперинтендант Хэдли, бубня что-то себе под нос, быстро пробежал мимо них, спустился по лестнице, перешагивая через несколько ступенек разом, отчего лестница громыхала и сотрясалась. Он перепрыгнул через лежавшую у подножия лестницы фигуру, прижавшуюся щекой к грязному полу. Хэдли опустился на одно колено, чтобы осмотреть ее. Через мгновение он поднял голову и взглянул на них. Его голос гулко раскатился над лестницей.

— Кажется, у этой женщины слабое сердце?

— Да, — подтвердил Майлз безжизненно. — Да. Именно так.

— Надо бы вызвать «скорую», — гулко сообщил голос. — Но зря она устроила всю эту беготню. Мне кажется, это могло ее прикончить.

Майлз медленно побрел вниз по ступенькам.

Его левая рука замерла на перилах в том месте, где недавно лежала рука Фей. По дороге он

выронил портфель. На другой стороне переулка, видимые теперь через распахнутую дверь, безобразные, лишенные тела челюсти медленно открывались и смыкались, открывались и смыкались целую вечность, пока он склонялся над телом Фей.

Глава восемнадцатая

Была половина седьмого все того же воскресного вечера, хотя с тем же успехом могло пройти уже много дней, потому что время тянулось как-то странно, пока Майлз с Барбарой ждали в комнате Фей Сетон на втором этаже.

Над комодом снова горела лампа. Барбара сидела в потертом кресле. Майлз устроился на краешке кровати, рядом с черным беретом Фей. Он не сводил глаз с помятой жестяной коробки, пока Барбара говорила.

— Может, выйти и посмотреть, нет ли поблизости какого-нибудь «Лайонз» или «Эй-би-си», которые открыты в воскресенье? Или паба, где готовят сэндвичи?

— Нет. Хэдли велел нам оставаться здесь.

— Вы когда в последний раз что-нибудь ели?

— Один из величайших даров, каким может быть наделена женщина, — Майлз попытался выдавить улыбку, хотя и чувствовал, что получается какая-то гнусная ухмылка, — это дар не затрагивать тему еды в неподходящее время.

— Простите, — сказала Барбара и умолкла

надолго. — Между прочим, Фей, *возможно*, выздоровеет.

— Да. Она, возможно, выздоровеет.

После чего молчание длилось очень долго, пока Барбара ковыряла подлокотники кресла.

— Неужели это дело так много для вас значит, Майлз?

— Не в том суть. Я просто чувствую, что жизнь обошлась с этой женщиной до крайности несправедливо. И это необходимо хоть как-то исправить! Необходимо восстановить справедливость! Это же…

Он взял с кровати черный берет Фей и поспешно положил его на место.

— Впрочем, — прибавил он, — какой от этого прок?

— За то короткое время, что вы знакомы с нею, — произнесла Барбара, очевидно снова не выдержав продолжительного молчания, — стала ли Фей Сетон более реальной, чем Агнесса Сорель или Памела Хойт?

— Прошу прощения? О чем вы?

— В «Белтринге», — ответила Барбара, не глядя на него, — вы сказали, что работа историка в том числе возрождать к жизни людей ушедших эпох, давно умерших, думая о них, как о людях

реальных. Когда вы впервые услышали историю Фей, вы сказали, что она не более реальна, чем Агнесса Сорель или Памела Хойт.

Не сознавая того, что все еще ковыряет края подлокотников, Барбара прибавила:

— Об Агнессе Сорель я, разумеется, знаю. Но никогда не слышала о Памеле Хойт. Я… поискала ее в энциклопедия, однако там ее не оказалось.

— Памела Хойт была красоткой времен Регентства, которую подозревали в разных злодеяниях. Весьма примечательный персонаж; я в свое время много о ней читал. Кстати, что значит латинское *panes*[16], кроме множественного числа от слова «хлеб»? Исходя из контекста, это никак не могло значить «хлеб».

Настала очередь Барбары в изумлении хлопать на него глазами.

— Боюсь, я недостаточно хорошо знаю латынь. А почему вы спросили?

— Ну, мне приснился сон.

— Сон?

— Да. — Майлз размышлял над этим с мрачным, тупым упорством, с каким разум цепляется за разные мелочи в моменты эмоционального

---

[16] Notes: 16
Фавны *(лат.)*.

смятения. — Там был отрывок на средневековой латыни, ну, знаете, как это выглядит: странные глагольные окончания и везде «u» вместо «v». — Он покачал головой. — Все по поводу чего-то и *panes*, но теперь я помню только последнее придаточное с ut, о том, что крайне глупо сомневаться в чем-то.

— Все равно ничего не понимаю.

«Ну почему это адское болезненное ощущение в груди никак не проходит?»

— Так вот, мне приснилось, как я вхожу в библиотеку в поисках латинского словаря. Памела Хойт и Фей Сетон были там, обе сидели на пыльных стопках книг и уверяли меня, что у моего дяди не было латинского словаря. — Майлз засмеялся. — Вот ведь забавно, это я запомнил отлично. Даже не знаю, что вывел бы из всего этого доктор Фрейд.

– *Я* знаю, — хмыкнула Барбара.

— Что-нибудь зловещее, как мне думается. Вечно он обещает что-нибудь зловещее, что бы там ни приснилось.

— Нет, — медленно протянула Барбара. — Ничего подобного.

Какой-то момент она смотрела на Майлза с тем же сомнением, недоумением и беспомощностью,

яркие белки глаз поблескивали сочувственно. Затем Барбара вскочила на ноги. Оба окна были открыты навстречу моросящему дождю, впуская чистый влажный воздух. По крайней мере, подумал Майлз, свет в той зазывной витрине погас и весь этот зубной кошмар на другой стороне больше не видно. Барбара развернулась у окна.

— Бедняжка! — сказала Барбара, и он знал, что она имеет в виду вовсе не покойную Памелу Хойт. — Бедная, глупенькая, романтичная…

— Почему вы называете Фей глупенькой и романтичной?

— Она знала, что те анонимки и вообще все слухи о ней были делом рук Гарри Брука. Однако она ни разу никому не обмолвилась. Подозреваю, — Барбара медленно покачала головой, — она все равно продолжала его любить.

— После *такого*?

— Естественно.

— Не верю!

— Очень может быть. Мы все… мы все способны на чудовищные глупости. Или, — Барбара вздрогнула, — может быть, у нее имелись иные причины для молчания, даже после того, как она узнала о гибели Гарри. Не знаю. Вопрос в том…

— Вопрос в том, — подхватил Майлз, — зачем

Хэдли держит нас здесь? И что вообще происходит? — Он призадумался. — А далеко отсюда до больницы, как там она называется, куда ее увезли?

— Да, довольно далеко. Хотите пойти туда?

— Ну, Хэдли же не может держать нас здесь вечно без всяких очевидных причин. Должны мы узнать хоть *какие-то* новости.

И какие-то новости они узнали. Профессор Жорж Антуан Риго — они услышали его характерные шаги задолго до того, как увидели его самого, — медленно поднялся по лестнице, прошел по коридору и заглянул в открытую дверь.

Профессор Риго как будто постарел и выглядел более нервным, чем тот человек, который излагал им свою теорию о вампирах. Дождь уже едва капал, потому он пришел почти сухим. Мягкая темная шляпа была нахлобучена на самые глаза. Щеточка усов подрагивала в такт движениям рта. Он тяжело опирался на желтую трость с клинком внутри, которая приобрела какой-то нехороший оттенок в этой замызганной комнате.

— Мисс Морелл, — произнес он. Голос звучал сипло. — Мистер Хаммонд. Сейчас я расскажу вам кое-что.

Он прошел в комнату.

— Друзья мои, вы, несомненно, знакомы с великими романами о мушкетерах за авторством Дюма-отца. И вы помните, как мушкетеры побывали в Англии. И что все познания д'Артаньяна в английском языке составляли только «come» и «goddamn»[17]? — Он потряс в воздухе толстой рукой. — Если бы мои познания в английском тоже сводились к этим безобидным и незамысловатым словам!

Майлз соскочил с края кровати.

— Да плевать нам на д'Артаньяна, профессор Риго. Как *вы* оказались здесь?

— Мы с доктором Феллом, — пояснил профессор, — прибыли из Нью-Фореста на автомобиле. Мы позвонили его другу, суперинтенданту полиции. Доктор Фелл отправился в больницу, а я сюда.

— Вы прямо сейчас из Нью-Фореста? Как там Мэрион?

— В смысле здоровья, — ответил профессор Риго, — все великолепно. Она сидит, ест, разговаривает, точнее даже, тараторит без умолку.

— В таком случае, — воскликнула Барбара и сглотнула комок в горле, прежде чем продол-

---

[17] Notes: 17

«Идем» *(англ.)*, «черт побери» *(англ.)*. Речь о романе А. Дюма «Двадцать лет спустя».

жить, — вам известно, что ее напугало?

— Да, мадемуазель. Мы услышали, что ее напугало.

И лицо профессора Риго медленно побледнело, став белее даже, чем в тот раз, когда он рассуждал о вампирах.

— Друг мой. — Он бросился к Майлзу, словно догадываясь, в каком направлении движутся мысли последнего. — Я изложил вам теорию о некоем сверхъестественном вмешательстве. Что ж! Похоже, в этом деле я был сбит с толку фактами, призванными сбивать с толку. Однако же я не стану из-за этого рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом. Нет! Потому что, скажу я, один случай вмешательства потусторонних существ, оказавшийся заведомо ложным, не опровергает существования сверхъестественных сил, как наличие поддельной банкноты не опровергает существования «Банка Англии». Вы согласны с этим?

— Да, я согласен. Только…

— Нет! — снова возопил профессор Риго, важно покачивая головой и стукая об пол металлическим наконечником своей трости. — Из-за этого я не стану рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом. Я рву на себе волосы и посыпаю голову

пеплом — в конечном счете, — потому что есть кое-что похуже.

Он вскинул трость с клинком.

— Могу я сделать вам небольшой презент, друг мой? Могу подарить вам этот драгоценный сувенир? Я теперь уже не испытываю от него той радости, какую другим доставляет надгробие Дугала или перочистка из человеческой кожи. Я всего лишь человек. Я могу пресытиться. Можно я подарю это вам?

— Нет, мне не нужна эта проклятая штуковина! Уберите ее! Мы всего лишь хотели узнать у вас…

— Justement![18] — воскликнул профессор Риго и швырнул трость на кровать.

— Мэрион *действительно* в порядке? — не отставал Майлз. — Не может все повториться?

— Не может.

— В таком случае то, что ее напугало… — Майлз взял себя в руки. — Что же она видела?

— Она не видела, — коротко ответил профессор, — ничего.

— *Ничего?*

— Именно.

— И при этом испугалась до такой степени,

---

[18] Notes: 18
Именно! *(фр.)*

никак не пострадав физически?

— Именно, — повторил профессор Риго, сердито прокашлявшись. — Ее напугало то, что она слышала, и то, что она ощущала. А именно шепот.

Шепот…

Если Майлз Хаммонд надеялся вырваться из этого царства чудовищ и ночных кошмаров, то оказалось, что уйти слишком далеко ему не дадут. Он бросил взгляд на Барбару, которая лишь беспомощно покачала головой. Профессор Риго все еще негодующие булькал, словно закипающий чайник, однако смешными эти звуки не казались. В глазах у него застыло какое-то вымученное выражение.

— Это то, — воскликнул он, — что способны сделать и вы, и я, и кто угодно. И подобная простота наводит на меня ужас. А еще…

Он умолк.

Снаружи, на Болсовер-плейс, взвизгнув тормозами и прогромыхав по неровным булыжникам, остановилась машина. Профессор Риго заковылял к одному из окон. И всплеснул руками.

— Доктор Фелл, — прибавил он, поворачиваясь от окна, — прибыл из больницы раньше, чем я ожидал. Мне надо идти.

— Идти? Вам надо идти? Профессор Риго!

Славному профессору не удалось уйти далеко. Потому что доктор Гидеон Фелл, без шляпы и в клетчатой пелерине, с усилием опираясь на трость с загнутой рукоятью, словно заполнил своим туловищем лестницу, заполнил коридор и под конец заполнил и дверной проем. Все пути к отступлению были отрезаны, за исключением выхода через окно, что явно не входило в намерения профессора Риго. И вот доктор Фелл стоял там, гаргантюански колыхаясь, словно стреноженный слон, глядя все тем же диким взглядом сквозь перекошенное пенсне, пытаясь унять дыхание, чтобы высказаться в духе Джонсона, обращаясь к Майлзу.

— Сэр, — начал он, — я принес вам новости.

— *Фей Сетон…*

— Фей Сетон жива, — отозвался доктор Фелл. Затем, едва ли не со слышимым грохотом, он обрушил всякие надежды. — Как долго она проживет, зависит от того, будет ли она достаточно осторожна. Может быть, месяцы, может быть, дни. Боюсь, я должен сказать, что она обречена, и в некотором смысле была обречена всегда.

Какое-то время все молчали.

Барбара, рассеянно отметил Майлз, стояла точно на том месте, где до нее стояла Фей: рядом с

комодом, под свисающей с потолка лампочкой. Барбара прижала пальцы к губам, и на ее лице ужас смешивался с переполнявшей ее жалостью.

— Не могли бы мы, — произнес Майлз, откашлявшись, — не могли бы мы поехать в больницу и навестить ее?

— Нет, сэр, — ответил доктор Фелл.

Впервые за все это время Майлз заметил, что в коридоре за спиной доктора Фелла стоит сержант полиции. Кивком велев сержанту оставаться в коридоре, доктор Фелл протиснулся мимо него и закрыл за собой дверь.

— Я *сам* только что говорил с мисс Сетон, — продолжал он. — И услышал достойную жалости историю целиком. — В выражении его лица смутно угадывалась свирепость. — Что дало мне возможность дополнить подробностями мои собственные догадки и почти точные попадания. — Когда его лицо сделалось еще более свирепым, доктор Фелл поднял руку, чтобы поправить пенсне, а заодно заслонить от света глаза. — Однако все это, понимаете ли, означает новые треволнения.

Тревоги Майлза успели усилиться.

— Что вы имеете в виду под треволнениями?

— Хэдли будет здесь с минуты на минуту с

тем — гм, — чтобы исполнить некоторую формальность. Результат покажется неприятным одной персоне в этой комнате. Потому я и подумал, что лучше мне оказаться здесь раньше его и предупредить вас. Я подумал, мне лучше объяснить определенные моменты, о которых вы могли еще не догадаться.

— Определенные моменты? Связанные с чем?

— С этими двумя преступлениями, — пояснил доктор Фелл. Он всматривался в Барбару так, словно только что заметил ее. — О, ага! — выдохнул доктор Фелл, на которого снизошло понимание. — Вы, должно быть, мисс Морелл!

— Да. И я хочу извиниться…

— Фу ты! Уж не за знаменитое ли фиаско Клуба убийств?

— Ну… да.

— Пустяки, — доктор Фелл великодушно отмахнулся.

Он подковылял к потертому креслу, отодвинутому сейчас к одному из окон. Опираясь на трость с загнутой рукоятью, уселся, и кресло, как сумело, приняло его в свои объятия. Доктор откинул назад косматую голову, чтобы задумчиво оглядеть по очереди Барбару, Майлза и профессора Риго, после чего сунул руку в нагрудный карман под

пелериной. Оттуда он извлек рукопись профессора Риго, теперь изрядно помятую и потрепанную на уголках.

И достал кое-что еще, знакомое Майлзу. Это была раскрашенная фотография Фей Сетон, которую он видел последний раз в «Белтринге». С тем же свирепым видом, за которым скрывал горестное беспокойство и напряжение, доктор Фелл сидел, рассматривая фото.

— Доктор Фелл, — произнес Майлз. — Погодите! Всего полминуты!

Доктор поднял голову:

— А? Да? Что такое?

— Полагаю, суперинтендант Хэдли рассказал вам, что произошло в этой комнате пару часов назад?

— Хм, да. Он мне рассказал.

— Мы с Барбарой пришли сюда и застали Фей на том месте, где сейчас стоит Барбара, с *тем самым* портфелем и стопкой испачканных кровью банкнот. Я… э… сунул эти банкноты в карман как раз перед появлением Хэдли. Но мог бы и не утруждаться. Задав множество вопросов, которые как будто должны были доказать вину Фей, он дал понять, что знает все о портфеле.

Доктор Фелл нахмурился:

— И что же?

— В разгар допроса погас свет. Кто-то, должно быть, опустил рубильник на щитке в коридоре. Кто-то, или что-то, ворвался сюда…

— Кто-то, — повторил доктор Фелл, — или что-то. Черт побери, мне нравится, как вы формулируете!

— Кто бы там ни был, он оттолкнул Фей в сторону и выбежал отсюда с портфелем. Мы ничего не видели. Через минуту я поднял портфель с пола в коридоре. В нем не было ничего, кроме трех пачек банкнот и кучки какой-то пыли. Хэдли прихватил все это с собой, включая спрятанные мною деньги, когда уехал вместе с Фей… на машине «скорой». — Майлз скрипнул зубами. — Я перечисляю все это, — продолжал он, — потому что столько было намеков на ее вину, и я хочу справедливости хотя бы в одном. Какая бы причина ни двигала вами, доктор Фелл, вы для чего-то же просили меня связаться с Барбарой Морелл. И я сделал это, что привело к поразительным результатам.

— Да уж! — пробормотал доктор Фелл с горестным видом. В глаза Майлзу он не смотрел.

— Знали вы, например, что это Гарри Брук писал анонимные письма, в которых обвинял Фей

в связях с разными мужчинами со всей округи? А затем, когда эти обвинения ни к чему не привели, Гарри всколыхнул в местных застарелые суеверия, подкупив юного Фреснака, чтобы тот сделал отметины у себя на шее и начал нести всю эту чушь о вампирах? Вы знали об этом?

— Да, — признал доктор Фелл. — Мне это было известно. И все это правда.

— У нас тут, — Майлз указал на Барбару, которая открыла сумочку, — имеется письмо, написанное Гарри Бруком в тот самый день, когда произошло убийство. Он написал его брату Барбары, который, — спешно прибавил Майлз, — вовсе не имеет никакого отношения к этой истории. Если у вас все еще остались сомнения…

Доктор Фелл повел плечами, внезапно выказав живой интерес.

— Это письмо у вас? — переспросил он. — Можно посмотреть?

— Конечно. Барбара?

Майлзу показалось, Барбара довольно неохотно протянула письмо. Доктор Фелл взял его, поправил пенсне и медленно прочел. Выражение его лица сделалось еще более хмурым, когда он опустил письмо на колено поверх рукописи и фотографии.

— Миленькая история, а? — горестно поинтересовался Майлз. — Какой утонченный способ затравить человека! Но оставим в стороне моральные принципы Гарри, раз уж никто не считает, что Фей в этом замешана. Суть в том, что вся эта ситуация сложилась из-за фокуса, придуманного Гарри Бруком…

— Нет! — голос доктора Фелла прозвучал как пистолетный выстрел.

Майлз уставился на него.

— Что вы имеете в виду? — спросил Майлз. — Вы ведь не хотите сказать, что Пьер Фреснак и все эти гротескные обвинения в вампиризме…

— О нет, — произнес доктор Фелл, мотая головой. — Юношу и фальшивые следы от укусов мы можем полностью сбросить со счетов. Это не имеет значения. Это не важно. Однако…

— Однако — что?

Доктор Фелл, старательно изучив пол, медленно поднял голову и поглядел Майлзу в глаза.

— Гарри Брук, — сказал он, — написал множество анонимных писем, содержавших обвинения, в которые сам он не верил. Вот какая ирония! Какая трагедия! Ибо, хотя Гарри Брук этого не знал — даже не подозревал, не поверил бы, если бы ему рассказали, — обвинения все же оказа-

лись совершенно правдивыми.

Молчание.

Молчание, которое длилось невыносимо…

Барбара Морелл мягко опустила руку на предплечье Майлза. Ему показалось, что доктор Фелл с Барбарой обменялись понимающими взглядами. Но ему требовалось время, чтобы примириться со смыслом услышанных слов.

— А теперь узрите, — произнес доктор Фелл, громогласно выговаривая слова, — объяснение, которое мигом заполнит столько загадочных пробелов в этом деле. Фей Сетон *не могла не* вступать в отношения с мужчинами. Мне бы хотелось проявить деликатность, потому я просто отправляю вас к психологам. Однако же речь идет о форме психического расстройства, которое терзало ее с юности.

Ее нельзя винить за это, так же как нельзя винить за сердечную недостаточность, которая сопутствует расстройству. Такой уж создана эта женщина — их не много, но порой их можно встретить в кабинетах врачей, — и в результате далеко не всегда дело принимает трагический оборот. Однако вы же понимаете, что Фей Сетон была женщиной совсем не того эмоционального склада, чтобы терпеть подобные выверты нату-

ры. Ее внешнее пуританство, ее разборчивость, ее деликатность, мягкие манеры были *не*притворными. Они настоящие. И вступать в связь со случайными незнакомцами было и есть пыткой для нее.

Когда она отправилась во Францию в качестве секретаря Ховарда Брука в тридцать девятом году, она твердо решила преодолеть это. Она справится, справится, справится! Ее поведение в Шартре было безукоризненным. А потом…

Доктор Фелл помолчал.

Он снова взял фотографию и посмотрел на нее.

— Теперь вы начинаете понимать? Атмосфера, постоянно ее окружавшая, была как аура… ну, покопайтесь в памяти! Она же приносила ее с собой. Она преследовала Фей Сетон. Она к ней липла. Именно *это* качество трогало и тревожило повсеместно людей, с которыми она встречалась, даже если они того не понимали. Это было качество, которое ощущали почти все мужчины. Это было качество, которое чувствовали — и негодовали от души — почти все женщины.

Вспомните о Джорджине Брук! Вспомните о Мэрион Хаммонд! Вспомните о… — Доктор Фелл умолк и уставился на Барбару, часто моргая. — Я так понимаю, вы тоже недавно познакомились

с ней, мэм?

Барбара беспомощно развела руками.

— Я видела Фей всего несколько минут! — тут же запротестовала она. — Как я могла хоть что-то понять? Разумеется, я не поняла! Я…

— Может быть, подумаете еще, мэм? — мягко предложил доктор Фелл.

— Кроме того, — заявила Барбара, — она мне понравилась!

И Барбара отвернулась.

Доктор Фелл постучал по фотографии. Глаза на портрете — с их легкой ироничностью, с горечью за отстраненным выражением — делали присутствие Фей в этой комнате живым и зримым, как и брошенная сумочка, до сих пор лежавшая на комоде, или упавшее удостоверение личности, или черный берет на кровати.

— И вот мы вынуждены наблюдать, как эта женщина, великодушная и желающая всем только добра, оказывается в центре событий, пребывая в недоумении — в очевидном недоумении. — Зычный голос доктора Фелла сделался громче: — Совершены два преступления. Оба они — дело рук одного и того же преступника…

— Одного и того же преступника? — воскликнула Барбара.

И доктор Фелл кивнул.

— Первое, — произнес он, — было непреднамеренным и осуществленным кое-как; оно само собой превратилось в чудо. Второе было старательно спланировано и привнесло в нашу жизнь частицу мрака. Мне рассказывать дальше?

Глава девятнадцатая

Доктор Фелл рассеянно набивал пенковую трубку, пока говорил все это: рукопись, фотография и письмо так и лежали у него на колене, а глаза сонно таращились куда-то в потолок.

— Я бы, с вашего разрешения, перенес вас в Шартр, в роковое двенадцатое августа, когда был убит Ховард Брук.

Надо сказать, я не оратор, как Риго. Он смог бы описать вам меткими фразочками, ловко составленными вместе, дом под названием Борегар, и извилистую реку, и башню Генриха Четвертого, которая возносится над деревьями, и жаркий грозовой день, когда дождь никак не может толком пролиться. На самом деле, он уже и так сделал это. — Доктор Фелл постучал по рукописным листам. — Но я хочу, чтобы вы *понимали* эту небольшую группку людей из Борегара.

Архонты Афин! Хуже сложиться просто не могло.

Фей Сетон была помолвлена с Гарри Бруком. Она в самом деле влюбилась — или убедила себя в этом — в неоперившегося юношу с холодным

сердцем, в пользу которого ничего не говорило, кроме молодости и приятной внешности. Помните сцену, описанную Гарри профессору Риго, в которой молодой человек делает предложение и в первый раз получает отказ?

Барбара снова запротестовала.

— Но ведь тот случай, — воскликнула она, — неправда! Этого никогда не было!

— О, ага! — согласился доктор Фелл, кивая даже с некоторым жаром. — Этого никогда не было. Суть в том, что такое могло бы случиться — в точности до последней детали. Фей Сетон, должно быть, знала в самой глубине души, что, при всех своих прекрасных намерениях, она не может ни за кого выйти замуж, если только не хочет месяца за три превратить этот брак в катастрофу своей… Ладно, это опустим.

Но на этот раз — нет! На этот раз все иначе. Все изменилось. Теперь она действительно влюблена, это и романтическое чувство, и физическое влечение, и все у нее получится. В конце концов, никто плохого слова не сказал о ней с тех пор, как она приехала во Францию в качестве секретаря мистера Брука.

И все это время Гарри Брук — никогда ничего не замечавший, движимый тем, что сам считал

своим воображением, — доводит отца до белого каления анонимными письмами, порочащими Фей. Единственная забота Гарри — добиться своего, отправиться в Париж учиться живописи. Есть ли ему дело до довольно молчаливой, инертной девушки, которая чаще всего избегает его объятий и остается почти холодной, когда он целует ее? Гром и молния, нет! Дайте ему кого-нибудь поживее!

Ирония? Пожалуй, что так.

А затем, образно говоря, грянула буря. Двенадцатого августа кто-то заколол мистера Брука. Позвольте продемонстрирую вам, как именно.

Майлз Хаммонд резко развернулся.

Майлз подошел и уселся рядом с профессором Риго на край кровати. Никто из них, хотя и по разным причинам, довольно долго не произносил ни слова.

— Вчера утром, — продолжал доктор Фелл, откладывая в сторону набитую трубку, чтобы взять пачку исписанных листов и взвесить на руке, — мой друг Жорж Риго принес мне этот отчет по делу. Если я процитирую любой отрывок отсюда, вы, вероятно, узнаете те самые слова, какими Риго излагал вам свою версию. Он также показал мне в качестве зловещего сувенира некую трость

с клинком. — Доктор Фелл часто заморгал, глядя через комнату на Риго. — А вы случайно — гм — не захватили с собой сюда это орудие?

Профессор Риго сердито и едва ли не со страхом поднял трость-клинок и перебросил через комнату. Доктор Фелл ловко поймал. А вот Барбара, словно спасаясь от нападения, отскочила к закрытой двери.

— Вот черт! — воскликнул профессор Риго, потрясая кулаками в воздухе.

— Вы ставите под сомнение мои замечания, сэр? — поинтересовался доктор Фелл. — Вы не сомневались, когда чуть раньше днем я вкратце обрисовал вам картину.

— Нет, нет, нет! — сказал профессор Риго. — То, что вы сказали об этой женщине, Фей Сетон, *верно,* совершенно верно. Я лишь хочу подчеркнуть, что говорил вам: типичные описания вампира в фольклоре носят эротический характер. Просто я готов лезть на стенку, потому что я, старый циник, не увидел всего этого сам!

— Сэр, — ответил доктор Фелл, — вы же сами знаете о себе, что вас не особенно интересуют вещественные доказательства. Именно по этой причине, даже когда вы пишете об этом, вы не в состоянии заметить…

— Заметить что? — не выдержала Барбара. — Доктор Фелл, *кто убил мистера Брука?*

Где-то вдалеке раздался раскат грома, от которого задребезжали стекла в рамах, и все они вздрогнули. Дождь в этом перенасыщенном влагой июне собирался пойти снова.

— Позвольте, — произнес доктор Фелл, — просто обрисовать вам события того дня. Вы увидите сами, когда сопоставите историю профессора Риго с рассказом мисс Фей, какие умозаключения неизбежно из них вытекают.

Мистер Ховард Брук вернулся в Борегар из банка «Лионский кредит» около трех пополудни, принеся с собой портфель с деньгами. События, приведшие к убийству, начались именно тогда, и мы можем проследить их с этого места. Где же находились все остальные члены семейства в тот момент?

Незадолго до трех часов Фей Сетон покинула дом, прихватив с собой купальник и полотенце, чтобы прогуляться по берегу реки в северном направлении. Миссис Брук находилась в кухне, разговаривала с кухаркой. Гарри Брук был — или уже не был — наверху у себя, писал письмо. Теперь нам известно, что он писал *это* письмо.

Доктор Фелл показал письмо.

Состроив многозначительную мину, он продолжил:

— Мистер Брук, значит, вернулся в три и спросил о Гарри, миссис Брук ответила, что Гарри наверху, в своей комнате. Гарри между тем, уверенный, что его отец должен быть в конторе (и Риго думал так же, смотрите его записи), и даже не подозревавший, что тот может вернуться домой, оставил недописанное письмо на столе и отправился в гараж.

Мистер Брук поднялся в комнату Гарри и спустя какое-то время сошел обратно. И вот тут мы наблюдаем — именно в этот момент! — любопытную перемену в поведении Ховарда Брука. Он не был зол как черт, каким был еще недавно. Вот, послушайте, из показаний, его жена описывает, каким он спустился по лестнице: «Он выглядел таким *жалким,* и таким постаревшим, и шел медленно, словно больной».

Что же он обнаружил наверху, в комнате Гарри?

Я предвижу очевидное, и я скажу вам.

На письменном столе Гарри он увидел недописанное письмо. Он взглянул на него, потом взглянул еще раз, встревоженный; он взял его и прочел. И тут вся его прекраснодушная уютная

вселенная рухнула.

Старательно изложенное на исписанных убористым почерком страницах, адресованных Джиму Мореллу, перед ним было резюме всего плана Гарри по очернению Фей Сетон. Анонимные письма, порочащие ее слухи, выдумка о вампире. И все это было написано его сыном Гарри — его совершенным кумиром, таким искренним и невинным, — чтобы он, его отец, гнусно обманутый, отпустил Гарри из дома.

Разве удивительно, что это оглушило его? Разве удивительно, что он выглядел именно так, спустившись по лестнице, и медленно — как же медленно! — двинувшись по берегу реки в сторону башни? У него была назначена встреча с Фей Сетон на четыре часа. Он собирался прийти на эту встречу. Однако Ховард Брук представляется мне в высшей степени честным человеком, прямодушным человеком, который возненавидел этот проступок Гарри сильнее, чем любой из возможных других. Он встретится с Фей Сетон на башне, обязательно. Однако он собирается извиниться перед ней.

Доктор Фелл помолчал.

Барбара содрогнулась. Она поглядела на Майлза, который сидел в подобии транса, и удержалась

от каких-либо замечаний.

— Однако же давайте вернемся, — предложил доктор Фелл, — к установленным фактам. Мистер Брук, в твидовом кепи и плаще, в которых он был в банке, двинулся в сторону башни. А через пять минут кто там появился? Гарри — разрази меня гром! — услышавший, что отец побывал дома, и спросивший, куда он пошел. Миссис Брук сказала ему. Гарри постоял минутку, «о чем-то размышляя и бормоча себе под нос». После чего отправился за отцом.

Здесь доктор Фелл с живостью подался вперед.

— Теперь к моменту, не упомянутому ни у Риго, ни в полицейских записях. Не упомянут он только потому, что никто не удосужился это сделать. Никто не счел это важным. Единственный человек, сказавший об этом, — Фей Сетон, хотя ее не было там, когда это произошло, и она не знала бы этого, не будь у нее особых причин, чтобы выяснить.

Однако же она рассказала об этом Майлзу Хаммонду прошлой ночью. Она упомянула, что Гарри, выскакивая из дома вслед за мистером Бруком, «схватил свой дождевик».

Доктор Фелл бросил взгляд на Майлза:

— Вы же помните это, мой мальчик?

— Да, — ответил Майлз, кое-как овладевая голосом. — Но почему бы Гарри не захватить дождевик? В конце концов, день-то был дождливый!

Доктор Фелл махнул рукой, требуя тишины.

— Профессор Риго, — продолжал доктор Фелл, — отправился следом за отцом и сыном к башне спустя какое-то время. В дверях башни он неожиданно столкнулся с Фей Сетон.

Девушка сказала ему, что Гарри с мистером Бруком поднялись наверх и ссорятся там. Она заявила, что не слышала ни слова из сказанного отцом и сыном, однако глаза у нее, по свидетельству Риго, были глазами человека, который вспомнил что-то ужасное. Она сказала, что не пойдет туда сейчас, и в исступлении, охваченная волнением, убежала.

На вершине башни Риго обнаружил Гарри и его отца, тоже весьма взволнованных. Оба были бледные и на взводе. Гарри, кажется, умолял о чем-то, тогда как его отец требовал, чтобы ему позволили разобраться «с этим делом» — в чем бы оно ни заключалось — по-своему, и решительно велел Риго увести оттуда Гарри.

В этот момент на Гарри точно не было никакого дождевика, он был без шляпы и без верхней одежды, в вельветовом костюме, по описаниям

Риго. Трость с клинком, нетронутая, с клинком внутри, стояла, прислоненная к парапету. Так же и портфель, но, по неизвестным причинам, он превратился в *раздутый* портфель.

Это примечательное слово резануло меня, когда я в первый раз читал рукопись.

Раздутый!

Очевидно, портфель не был таким, когда Ховард Брук показывал его содержимое Риго в «Лионском кредите». Внутри лежали «только» — я цитирую слова самого Риго — четыре тонкие пачки английских банкнот. Больше ничего! Но теперь, когда Риго с Гарри оставляли мистера Брука одного на башне, портфель был чем-то набит…

Обратите внимание! — прибавил доктор Фелл.

И он поднял желтую трость с клинком внутри.

С величайшей осторожностью он открутил рукоять, вынул тонкое лезвие из полой трости и показал всем.

— Это оружие, — сказал он, — было обнаружено после убийства мистера Брука, разделенное на две части: клинок лежал у ног жертвы, ножны откатились к парапету. Две половинки соединили снова уже много позже, спустя несколько дней после убийства. Полиция забрала их для

исследования точно в том виде, в каком они были найдены.

Иными словами, — пояснил доктор Фелл с громогласной свирепостью, — их соединили снова, когда кровь уже давным-давно высохла. И все же пятна крови находятся *внутри* трости. *O tempora! O mores!*[19] Неужели это ничего для вас не значит?

Подняв брови в страшной пантомиме, доктор Фелл по очереди всматривался в своих собеседников, словно подталкивая их к выводу.

— У меня промелькнула какая-то жуткая, наполовину оформившаяся идея, что я понимаю, о чем вы! — воскликнула Барбара. — Только я… теперь не вижу. Все, о чем я могу думать…

— О чем же? — спросил доктор Фелл.

— О мистере Бруке, — сказала Барбара. — Как он выходит из дома, прочитав письмо Гарри. Медленно движется к башне. Пытается осознать, что же натворил его сын. Пытается придумать, что ему делать теперь.

— Да, — негромко согласился доктор Фелл. — Давайте же последуем за ним.

Гарри Бруку, я готов в этом поклясться, должно

---

[19] Notes: 19
О времена! О нравы! *(лат.)*

быть, стало не по себе, когда он услышал от матери о незапланированном возвращении отца домой. Гарри вспомнил собственное незавершенное письмо, лежавшее на столе в комнате, где успел побывать мистер Брук. Прочел ли его старик? Это был самый важный вопрос. И потому Гарри надел дождевик — давайте поверим, что он так сделал, — и выбежал вслед за отцом.

Он добрался до башни. Обнаружил, что мистер Брук, в поисках того уединения, какого нам хочется в минуты душевного страдания, поднялся на самый верх. Гарри бросился за ним туда. Одного взгляда на лицо отца в этом мрачном грозовом освещении, должно быть, хватило, чтобы понять: Ховард Брук все знает.

Мистер Брук, скорее всего, поторопился высказать все, о чем ему только что стало известно. И Фей Сетон, стоя на лестнице, услышала это.

Она вернулась со своей прогулки по берегу, как она нам сказала, около половины четвертого. Она пока еще не ходила купаться, купальный костюм по-прежнему висел у нее на руке. Она зашла в башню. Услышала сверху неистовые голоса. И беззвучно, в своих босоножках на мягкой подошве, поднялась по лестнице.

Фей Сетон, замерев на этой винтовой лестнице

в полумраке, не только слышала, но и видела то, что произошло дальше. Она видела Гарри и его отца, оба были в плащах-дождевиках. Она видела стоявшую у парапета желтую трость, лежавший тут же портфель, пока Ховард Брук высказывался, жестикулируя.

Какие безумные упреки изливал в тот момент отец? Угрожал ли отречься от Гарри? Не исключено. Клялся ли, что Гарри увидит Париж и курсы живописи только через *его* труп? Вероятно. Перечислял ли с недоверчивым омерзением все, что его распрекрасный Гарри сделал, уничтожая репутацию девушки, которая в него влюблена? Почти наверняка.

И Фей Сетон слышала это.

Однако, какое бы потрясение она ни испытала, худшее было еще впереди.

Ибо подобные сцены иногда выходят из-под контроля. Так случилось и здесь. Отец внезапно отвернулся, не в силах говорить больше; повернулся к Гарри спиной, как ему пришлось сделать и позже. Гарри видел, что все его планы рушатся. Он видел, что теперь у него не будет никакой легкой жизни. И что-то щелкнуло у него в голове. В порыве детского гнева он схватил трость, открутил рукоять с клинком и ткнул отца в спину.

Доктор Фелл, всей своей громадой воплощавший смущение, соединил половинки трости с клинком. Затем осторожно поставил трость на пол.

Ни Барбара, ни Майлз, ни профессор Риго не нарушили молчания, во время этой паузы можно было досчитать до десяти. Майлз медленно поднялся на ноги. Отупение покидало его. Понемногу он прозревал…

— Удар, — произнес Майлз, — был нанесен именно *тогда*?

— Да. Удар был нанесен именно тогда.

— А время?

— Время, — ответил доктор Фелл, — было примерно без десяти четыре. Профессор Риго был уже очень близко к башне.

Рана, нанесенная клинком, была глубокой и узкой; раны такого рода, как утверждает судебная медицина, заставляют жертву думать, что она ранена вовсе не так уж опасно. Ховард Брук видел, как его сын стоит с побелевшим лицом, отупевший, едва сознающий, что именно наделал. И какова была реакция отца на все это? Если вам встречались люди, подобные мистеру Бруку, вы сможете с легкостью предсказать.

Фей Сетон, беззвучно и незаметно, сбежала

вниз по лестнице. В дверном проеме она столкнулась с Риго и ускользнула от него. А Риго, заслышав наверху голоса, заглянул в башню и окликнул их.

В своем повествовании Риго сообщает нам, что голоса моментально замолкли. Гром и молния, конечно они замолкли!

Ибо, позвольте мне повториться, что чувствовал по всему этому поводу Ховард Брук? Он только что услышал голос друга семьи, Риго, который неизбежно поднимется по ступенькам с той скоростью, с какой позволяет ему телосложение. Собирался ли мистер Брук в разгар всей этой суеты выдать Гарри? Упаси бог всех домашних неурядиц, нет! Наоборот! Его немедленным отчаянным желанием было все замести под ковер, как-нибудь притвориться, что вообще ничего не случилось.

Подозреваю, именно отец рявкнул сыну: «Дай мне твой плащ!» И я уверен, что для него подобный поступок был совершенно естественным.

Вы… гм… улавливаете смысл?

В спине его собственного дождевика, как он понял, ощупав его, зияла дыра, и ткань вокруг намокла от крови. Однако хорошая подкладка плаща способна на большее, чем просто не про-

пускать внутрь дождь. Она так же не дает крови просочиться наружу. Если он наденет плащ Гарри и каким-то образом избавится от своего, то сможет скрыть безобразную кровоточащую рану в спине…

Вы догадываетесь, что он сделал. Он спешно скатал собственный дождевик, затолкнул его в портфель и затянул ремни. Он сунул клинок обратно в ножны (отсюда кровь внутри), он закрутил рукоять и снова приставил трость к парапету. Он надел дождевик Гарри. К тому времени, когда Риго одолел лестницу, Ховард Брук был готов предотвратить скандал.

Нет, подумать только! Как вся эта напряженная, животрепещущая сцена на вершине башни приобретает иное значение, если увидеть ее с такой стороны!

Сын с побелевшим лицом бубнит, заикаясь: «Но, сэр…» Отец, холодным отстраненным голосом: «В последний раз говорю, дашь ты мне разобраться с этим делом так, как я считаю нужным?» С этим делом! А затем, вспылив: «Не могли бы вы увести отсюда моего сына, пока я не улажу кое-что должным образом? Уведите его отсюда!» И отец поворачивается спиной.

В голосе был холодок, холодок был в сердце.

Вы почувствовали его, дорогой Риго, когда заговорили с Гарри, подавленным и поникшим, который в отупении позволил свести себя вниз. И запомнили злые блестящие глаза Гарри в лесу, пока он мысленно задавался вопросом, что, ради всего святого, собирается делать его старик.

Итак, что же собирался делать старик? Он собирался попасть домой, разумеется, с этим обличающим плащом, надежно скрытым в портфеле. Таким образом он сумеет замять скандал. «Мой сын пытался меня убить!» Вот это самое гнусное. Он собирался добраться до дома. А потом…

— Продолжайте, умоляю! — подгонял профессор Риго, щелкая пальцами в воздухе, когда голос доктора Фелла затих. — Это как раз та часть, которой я не понимаю. Он собирался вернуться домой. А потом?..

Доктор Фелл поднял взгляд.

— Он понял, что не сумеет, — просто ответил доктор Фелл. — Ховард Брук чувствовал, что теряет сознание. И подозревал, что может умереть.

Он вполне ясно понял, что не в силах спуститься по этой крутой винтовой лестнице с сорока футов над землей, не рухнув носом в траву на открытом пространстве. Его найдут там без со-

знания — если не хуже, — в плаще Гарри, с его собственным дырявым и окровавленным плащом в портфеле. Возникнут вопросы. Факты, должным образом истолкованные, непременно обернутся катастрофой для Гарри.

Так вот, этот человек поистине любил своего сына. В тот день у него случилось два ошеломительных откровения. Он собирался обойтись с мальчиком крайне сурово. Однако он не желал, чтобы Гарри, бедный обожаемый Гарри, угодил в серьезные неприятности. И потому он сделал самое очевидное, единственно возможное, чтобы доказать, что на него напали после того, как Гарри ушел.

Из последних сил он вытащил из портфеля свой дождевик и снова надел его. Плащ Гарри, теперь тоже окровавленный, затолкнул в портфель. Теперь он *обязан* каким-то образом избавиться от портфеля. В определенном смысле это оказалось нетрудно, потому что прямо под ним была вода.

Однако он не мог просто сбросить портфель с края, хотя полиция Шартра, доказывая свою версию с самоубийством, предположила, что он случайно столкнул его вниз. Он не мог просто так столкнуть его по вполне себе очевидной причине — портфель всплывет.

Однако в зубцах парапета со стороны реки имелись крупные выкрошившиеся фрагменты кладки. Их можно вынуть и положить в портфель, затянуть ремни, и тогда тяжелый портфель пойдет ко дну.

Ему удалось скинуть его. Ему удалось вынуть клинок из ножен, протереть рукоять, удаляя отпечатки Гарри — именно поэтому, разумеется, там были найдены только его отпечатки, — и бросить половинки на пол. Затем Ховард Брук упал. Он не был мертв, когда его нашел и закричал ребенок. Он не был мертв, когда прибежали Гарри с Риго. Он умер на руках у Гарри, трогательно цепляясь за Гарри и стараясь уверить своего убийцу, что все будет хорошо.

Упокой Господи его душу, — прибавил доктор Фелл и медленно поднес руки к лицу, чтобы закрыть ладонями глаза.

Какое-то время в комнате слышалось только сиплое дыхание доктора Фелла. Несколько капель дождя брызнули в окна.

— Леди и джентльмены, — произнес доктор Фелл, отнимая руки от глаз и внимательно глядя на своих собеседников, — я сообщаю вам об этом сейчас. Сообщаю, хотя мог бы сказать еще вчера вечером, после того как прочел записки и услы-

шал переданные мне слова Фей Сетон, что это единственное правдоподобное объяснение того, как Ховард Брук встретил свою смерть.

Пятна *внутри* трости, доказывающие, что клинок убрали в ножны, а затем вынули снова перед тем, как он был обнаружен! Раздутый портфель! Исчезнувший плащ Гарри! Пропавшие фрагменты кладки с парапета! Любопытный вопрос об отпечатках пальцев!

И весь секрет этого очевидного чуда — которое вовсе не планировалось как загадочное преступление — кроется в очень простом факте. В том факте, что один мужской плащ в точности похож на другой.

Мы же не пишем на плащах свои имена. Они не отличаются разнообразием расцветок. Их шьют всего в нескольких стандартных размерах, а Гарри Брук «ростом и телосложением», по словам Риго, был в точности как его отец. Среди англичан старый и поношенный, но остающийся при этом в рамках приличия плащ — это повод для гордости, даже признак принадлежности к определенному сословию и доказательство благовоспитанности. Когда в следующий раз зайдете в ресторан, обратите внимание на ряд потертых одежек, которые висят на крючках, и

вы поймете.

Наш друг Риго даже не догадывался, что видел мистера Брука в двух разных плащах в эти два раза. Поскольку мистера Брука нашли умирающим в собственном дождевике, никто ничего не заподозрил. Никто, кроме Фей Сетон.

Профессор Риго вскочил на ноги и сделал несколько коротких шагов туда-сюда по комнате.

– *Она* знала? — изумился он.

— Несомненно.

— Но после того, как я на миг столкнулся с ней в дверном проеме и она убежала от меня, что она сделала?

– *Я* могу рассказать, — произнесла Барбара негромко.

Профессор Риго, суетливый и въедливый, замахал руками, словно пытаясь заставить ее умолкнуть.

— Вы, мадемуазель? И как же это вас осенило?

— Я могу рассказать, — ответила Барбара просто, — потому что именно это я бы сделала сама. — Глаза Барбары блестели от душевной боли и сострадания. — Пожалуйста, разрешите мне продолжить! Я все это так и *вижу*! Она пошла на реку купаться, в точности как она и

рассказывала. Ей хотелось охладиться, хотелось почувствовать себя чистой. Она действительно… действительно успела влюбиться в Гарри Брука. В подобных обстоятельствах было так просто, — Барбара тряхнула головой, — убедить себя — ладно, что прошло, то прошло, — что у нее начнется новая жизнь.

А потом, не успела она войти в башню, как услышала… Она услышала, что говорил о ней Гарри. Как будто он интуитивно знал, что это правда! Как будто любой мог посмотреть на нее и понять, что это правда. Она видела, как Гарри ткнул отца клинком, однако она не поняла, что мистер Брук серьезно ранен.

Фей бросилась в реку и поплыла в сторону башни. На этой стороне свидетелей, как вы помните, не было! И… разумеется, — воскликнула Барбара, — Фей увидела, как с башни упал портфель! — Барбара, воодушевленная новым озарением, обернулась к доктору Феллу. — Это же так?

Доктор Фелл важно склонил голову:

— Ваши слова, мэм, просто отлиты в золоте.

— Она нырнула и достала портфель. Она забрала его с собой, когда ушла от реки, и спрятала в лесу. Фей, естественно, не знала, что там было, не

представляла в тот момент, что случилось. — Барбара засомневалась. — Майлз Хаммонд рассказал мне по дороге сюда ее версию. Думаю, она вообще не понимала, что происходит, пока…

— Пока, — подхватил Майлз с нескрываемой горечью, — пока Гарри Брук не прибежал к ней, изображая потрясение и восклицая: «Бог мой, Фей, кто-то убил папу!» Неудивительно, что у Фей был слегка цинический вид, когда она рассказывала об этом мне!

— Один момент! — вмешался профессор Риго.

Профессор Риго, создав у всех впечатление, будто скачет на месте, хотя на самом деле не двигался, выразительно воздел указательный палец.

— Среди этого цинизма, — объявил он, — я начинаю прозревать огромный смысл. Чтоб нам всем пропасть, да! Эта женщина, — он погрозил пальцем, — эта женщина сейчас обладает уликами, способными отправить Гарри Брука на гильотину! — Он поглядел на доктора Фелла. — Разве не так?

— Ваши слова тоже, — согласился доктор Фелл, — отлиты в золоте.

— В этом портфеле, — продолжал Риго, надуваясь от гордости, — лежат камни, утяжелившие его, и плащ Гарри, испачканный изнутри кро-

вью его отца. Такое убедит любой суд. И докажет правду. — Он помолчал, размышляя. — Однако же Фей Сетон не использует эти улики.

— Разумеется, нет, — сказала Барбара.

— Почему же вы говорите «разумеется», мадемуазель?

— Неужели вы не понимаете? — воскликнула Барбара. — Она дошла до состояния… такой усталости, такой горечи, что ей оставалось лишь смеяться. Все это больше ее не *задевало*. Ей было неинтересно даже показать Гарри Бруку, кто он такой.

Она — доморощенная блудница! Он — доморощенный убийца и лицемер! Будем же снисходительны к грехам друг друга в этом далеком от совершенства мире. Я… не хочу показаться дурочкой, однако именно так и *будешь* себя чувствовать в подобной ситуации.

Думаю, — продолжала Барбара, — она все рассказала Гарри Бруку. Думаю, она пообещала, что не выдаст его, если только полиция ее не арестует. Однако, на случай если полиция ее арестует, она сохранит у себя портфель со всем содержимым, спрятав там, где никто не найдет.

И она сохранила портфель! Вот и все! Она хранила его шесть долгих лет! Она привезла его с

собой в Англию. Он всегда находился под рукой. Только у нее не было причины доставать его, пока… пока…

Голос Барбары сорвался.

В ее взгляде внезапно промелькнул смутный испуг, словно Барбара сама не знала, не слишком ли далеко завело ее воображение. Но доктор Фелл, широко раскрыв глаза и сипя от любопытства, подался вперед в ожидании.

— Пока… — подсказал доктор Фелл гулким, словно дуновение ветра в тоннеле подземки, голосом. — Архонты Афин! У вас все получается! Не останавливайтесь! У Фей Сетон не было причин доставать портфель, пока…

Но Майлз Хаммонд едва слушал все это. Горячая ненависть клокотала в горле и душила его.

— Значит, Гарри Бруку, — сказал Майлз, — все сошло с рук?

Барбара повернулась от доктора Фелла к Майлзу:

— Что вы имеете в виду?

— Отец защищал его, — Майлз рубанул воздух рукой, — даже когда Гарри склонялся над умирающим, произнося: «Папа, кто это сделал?» Теперь мы знаем, что даже Фей Сетон его защищала.

— Тише, мальчик мой! Спокойнее!

— Гарри Брукам этого мира, — продолжал Майлз, — всегда все сходит с рук. Что это, везение, стечение обстоятельств, какой-то дар небесный, — даже гадать не стану. Этот парень должен был отправиться на гильотину или же провести остаток своих дней на острове Дьявола. Вместо того Фей Сетон, которая никогда не причинила никому ни малейшего вреда, которая… — Голос его взлетел: — Боже мой, хотел бы я встретиться с Гарри Бруком шесть лет тому назад! Душу бы отдал за то, чтобы поквитаться с ним!

— Это нетрудно, — заметил доктор Фелл. — Не желаете ли поквитаться с ним прямо сейчас?

Оглушительный удар грома раскатился изломанным эхом над крышами, залетев в комнату. Дождевые капли брызнули на доктора Фелла, уже не столь краснолицего, сидевшего у окна с незажженной трубкой в руке.

Доктор Фелл возвысил голос.

– *Вы там, Хэдли?* — крикнул он.

Барбара отскочила от двери; не сводя с нее глаз, она ощупью вернулась на прежнее место в изножье кровати. У профессора Риго вырвалось французское восклицание, какое нечасто услышишь в приличном обществе.

А потом случилось как будто все сразу.

Пока насыщенный влагой ветер врывался в окна, раскачивая висячую лампу над комодом, что-то тяжелое ударило в дверь со стороны коридора. Ручка повернулась не до конца и бешено задергалась, как будто за нее боролись разные руки. Затем дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Три человека, силившихся удержаться на ногах, борясь друг с другом, так и ввалились все вместе, едва не рухнув на пол, когда споткнулись о жестяную коробку.

С одной стороны был суперинтендант Хэдли, пытавшийся удержать кого-то за запястья. С другой — полицейский инспектор в униформе. А в середине…

— Профессор Риго, — отчетливо прозвучал голос доктора Фелла, — не будете ли вы так добры опознать этого малого? Человека посередине?

Майлз Хаммонд и сам посмотрел на эти невидящие глаза, на уголки растянутого рта, на брыкавшиеся ноги, которые пинали державших его со злобой и немалой силой. И это Майлз отозвался:

— *Опознать?*

— Да, — сказал доктор Фелл.

— Послушайте, — завопил Майлз, — что все это значит? Это же Стив Кёртис, жених моей сестры!

Что это вы пытаетесь доказать?

— Мы пытаемся, — загремел доктор Фелл, — установить его личность. И как мне кажется, мы сделали это. Потому что человек, который называет себя Стивеном Кёртисом, и *есть* Гарри Брук.

Глава двадцатая

Фредерик, метрдотель в ресторане «Белтринг» — одно из немногих мест в Вест-Энде, где по воскресеньям можно раздобыть еду, — был рад услужить доктору Феллу, даже когда доктор Фелл пожелал немедленно получить отдельный кабинет.

Однако Фредерик растерял все свое радушие, стоило ему увидеть гостей доктора: профессора Риго, мистера Хаммонда и миниатюрную белокурую мисс Морелл, — ту же троицу, которая побывала в «Белтринге» двумя вечерами ранее.

Впрочем, гости тоже не были в восторге, в особенности от того, что Фредерик счел в высшей степени тактичным жестом со своей стороны: он проводил их в ту же самую отдельную столовую, что и раньше, в комнату, предназначенную для заседаний Клуба убийств. Он мысленно отметил, что ужинать они, похоже, больше собрались по обязанности, чем отдавая должное меню.

Он не видел, что после того, как они расселись за круглым столом, их лица сделались еще более сконфуженными.

— Я готов, — простонал профессор Риго, — получить по заслугам. Продолжайте.

— Да, — подхватил Майлз, не глядя на доктора Фелла. — Продолжайте.

Барбара промолчала.

— Послушайте! — запротестовал доктор Фелл, рассеянно и устало разводя руками, отчего пепел из трубки посыпался на его жилет. — Может быть, хотя бы подождем, пока…

— Нет, — сказал Майлз и смерил солонку суровым взглядом.

— Тогда я прошу вас, — сказал доктор Фелл, — мысленно вернуться в прошлый вечер в Грейвуде, когда мы по настоянию Риго прибыли с романтической миссией предостеречь вас от опасности вампиризма.

— Еще мне хотелось, — вставил профессор слегка виновато, — взглянуть на библиотеку сэра Чарльза Хаммонда. Однако единственная комната, которую я так и не увидел за все время, проведенное в Грейвуде, оказалась именно библиотека. Такова жизнь.

— Мы с вами и с Риго, — продолжал доктор, — были в гостиной, и вы только что передали мне рассказ самой Фей Сетон об обстоятельствах смерти Брука.

Я решил, что убийца Гарри Брук. Но каковы его мотивы? И тут у меня забрезжила догадка — основанная, как я полагаю, на вашем описании истерического смеха Фей, когда вы спросили, вышла ли она за Гарри, — что эти анонимные письма, эти клеветнические бумажки были сфабрикованы самим паршивцем Гарри.

Заметьте! Я даже не подозревал, что обвинения в ее адрес имели под собой основание, пока Фей Сетон сама не подтвердила это сегодня вечером в больнице. Это пролило яркий свет на то, что скрывалось во тьме, это дополнило схему, однако же *я* этого не подозревал.

Я видел только невинную женщину, оклеветанную мужчиной, который притворялся влюбленным в нее. Предположим, Ховард Брук узнал об этом из таинственного письма, которое Гарри писал в день убийства. В таком случае человек, которого мы обязаны найти, не менее таинственный корреспондент, Джим Морелл.

Эта гипотеза объясняла, почему Гарри убил отца. И доказывала, что Фей не виновата ни в чем, кроме того, что — по каким-то собственным резонам! — спрятала выброшенный в реку портфель и так и не выдала Гарри. В любом случае обвинения в вампиризме — чепуха. Я как раз

говорил вам об этом, когда… сверху раздался револьверный выстрел. Мы обнаружили, что случилось с вашей сестрой.

И я перестал *что-либо* понимать.

Однако! Позвольте мне теперь сопоставить мои собственные наблюдения с некоторыми сведениями, полученными от вас, и некоторыми сведениями, которые смогла сообщить ваша сестра Мэрион, перед тем как мы покинули Грейвуд. Позвольте показать вам, как целое представление разыгрывалось перед вашими глазами.

Днем в субботу, в четыре часа, вы встретились с сестрой и «Стивеном Кёртисом» на вокзале Ватерлоо. И за чаем в кафе вы взорвали свою гранату (хотя и не подозревали этого тогда), объявив, что пригласили Фей Сетон в Грейвуд. Все верно?

— Стив! Стив Кёртис! — Майлз решительно прогнал от себя это лицо, которое то и дело всплывало перед его мысленным взором в свете свечей. — Да, — подтвердил Майлз. — Все верно.

— Как мнимый Стивен Кёртис принял эту новость?

— Учитывая то, что мне известно теперь, — сухо отозвался Майлз, — будет сильным преуменьшением сказать, что ему это не понравилось. Однако он объявил, что не сможет вернуться с

нами вечером в Грейвуд.

— А до того вы не знали, что он не собирается возвращаться с вами вечером в Грейвуд?

— Нет! Теперь, когда вы спросили, припоминаю, что Мэрион удивилась не меньше меня. Стив начал спешно объяснять что-то о каком-то аврале у них в конторе.

— А имя профессора Риго в тот момент не упоминалось? «Кёртис» знал, что вы знакомы с Риго?

Майлз прикрыл ладонью глаза, вспоминая сцену в подробностях. Он увидел, в размытом свете, обострившем все до безобразия, как «Стив» вертит в руках трубку, «Стив» надевает шляпу, «Стив» как-то неуверенно смеется.

— Нет! — ответил Майлз. — Если подумать, он не знал даже, что я побывал на вечере в Клубе убийств и что это за Клуб убийств такой. Я действительно сказал что-то о «профессоре», но могу поклясться, что имени Риго не упоминал.

Доктор Фелл подался вперед, такой розовощекий и до ужаса добродушный.

– *Фей Сетон,* — мягко заговорил доктор Фелл, — *все еще хранила у себя улики, способные отправить Гарри Брука на гильотину. Однако, если устранить Фей Сетон, очевидно, никто не*

сможет связать «Стивена Кёртиса» с Гарри Бруком?

Майлз начал отодвигаться вместе со стулом.

— Господь Всемогущий! — вырвалось у него. — Вы хотите сказать…

— Ти-и-ше! — воззвал доктор Фелл и, словно гипнотизер, повел рукой перед съезжающим пенсне. — Но здесь — о, здесь! — кроется момент, ради которого мне бы хотелось, чтобы вы напрягли память. За время этого разговора, когда вы с сестрой и так называемым Кёртисом были вместе, что-нибудь говорилось о комнатах?

— О комнатах?

— О спальнях! — настаивал доктор Фелл с видом чудовища, затаившегося в засаде. — О спальнях! Так как?

— Ну да. Мэрион сказала, что хочет поселить Фей в своей комнате, а сама переедет вниз, в спальню получше, которую только что отремонтировали.

— Ага! — сказал доктор Фелл, кивнув несколько раз. — Мне действительно показалось, я слышал, как вы говорили в Грейвуде о сложностях со спальнями. Значит, ваша сестра хотела поселить Фей Сетон в *своей* комнате! О, ага! Да! Но она сделала это?

— Нет. Она пыталась тем вечером, однако Фей отказалась. Фей сослалась на то, что первый этаж лучше подходит ей из-за слабого сердца. Меньше ступенек.

Доктор Фелл взмахнул трубкой.

— Но предположим, — предложил он, — вы знаете, что Фей Сетон будет жить в спальне наверху, в глубине дома. Предположим, чтобы увериться окончательно, вы наблюдаете за домом. Вы спрятались среди деревьев позади дома. Вы смотрите снизу на ряд не закрытых шторами окон. И в какой-то момент незадолго до полуночи что вы видите?

Вы видите, как Фей Сетон — в ночной рубашке и халате — медленно прохаживается туда-сюда перед этими окнами.

Мэрион Хаммонд не видно вообще. Мэрион сидит в кресле в другом конце комнаты, у прикроватного столика. Ее невозможно увидеть и через окна на восточной стороне, потому что они закрыты шторами. Зато отлично видно Фей Сетон.

И следующее предположение: в темные предутренние часы вы прокрадываетесь в эту спальню с намерением совершить аккуратное и артистичное убийство. Вы собираетесь убить того, кто спит в этой кровати. И, приближаясь, вы улавли-

ваете очень слабый аромат духов — отчетливый аромат духов, всегда ассоциировавшийся с Фей Сетон.

Разумеется, вы не можете знать, что Фей подарила маленький флакончик духов Мэрион Хаммонд. Флакончик стоит теперь на прикроватном столике. Но вам-то это неизвестно. Вы лишь ощущаете запах этих духов. Остаются ли у вас еще какие-либо сомнения?

Майлз догадывался, к чему все клонится, догадывался с самого первого слова доктора Фелла. Однако теперь на него обрушилась вся картина целиком.

— Да! — с нажимом произнес доктор Фелл. — Гарри Брук, он же Стивен Кёртис, задумал ловкое убийство. Только выбрал не ту женщину.

Повисло молчание.

— Однако! — прибавил доктор Фелл, взмахнув рукой так, что кофейная чашка пролетела через всю комнату, на что, впрочем, никто не обратил внимания. — Однако! Я снова уступаю своей прискорбной привычке предвосхищать события.

Вчера вечером, надо признать, я позорным образом оказался в тупике. Рассматривая убийство Брука, я *уверился,* что это дело рук Гарри. Я *уверился,* что портфель затем попал к Фей Сетон

вместе с проклятым плащом и что он до сих пор у нее; на самом деле я даже намекнул на это своим вопросом, способна ли она проплыть под водой. Однако ничто, кажется, не объясняло таинственного нападения на Мэрион Хаммонд.

И даже случившееся на следующее утро так и не сняло шор с глаз моих. А ведь тогда я в первый раз увидел «мистера Стивена Кёртиса».

— Он вернулся, такой бодрый и оживленный, якобы из Лондона. Он зашел в гостиную, пока вы, — доктор Фелл снова бросил тяжелый взгляд на Майлза, — говорили по телефону с мисс Морелл. Вы помните?

— Да, — подтвердил Майлз.

– *Я* помню этот разговор, — вставила Барбара, — только…

— Что касается меня, — пророкотал доктор Фелл, — я вошел сразу за ним с чашкой чая на подносе. — Доктор Фелл сморщился от крайней сосредоточенности. — Ваши слова, сказанные мисс Морелл в присутствии «Стивена Кёртиса», были — гм! — цитирую почти дословно: «Этой ночью случилось что-то страшное, — сообщили вы мисс Морелл. — В комнате моей сестры, похоже, произошло нечто, выходящее за пределы человеческого понимания». Вы умолкли в начале

следующей фразы, когда вошел «Стивен Кёртис». Вы тут же вскочили, с жаром заверяя его, что ему не о чем беспокоиться. «Все в порядке, — сказали вы ему, — Мэрион крепко досталось, однако с ней все будет хорошо». Эту часть вы тоже помните?

Перед мысленным взором Майлза возник «Стив» в аккуратном сером костюме, со сложенным зонтиком под мышкой. Майлз ясно увидел, как румянец медленно сходит со щек «Стива».

— Я не видел его лица, — доктор Фелл как будто каким-то непостижимым образом отвечал на мысли Майлза, — зато я слышал голос этого джентльмена, который взлетел на пару октав, когда он переспросил: «Мэрион?» Примерно вот так!

Сэр, вот что я вам скажу: если бы мои мозги лучше соображали этим утром (чего они, очевидно, не делали), одного этого слова хватило бы, чтобы восстановить картину целиком. «Кёртис» был совершенно ошарашен. Но с чего бы это? Он ведь только что слышал, как вы сообщили о том, что в спальне вашей сестры случилось нечто нехорошее.

Предположим, я вернулся домой и услышал, как кто-то говорит по телефону, что в комнате, которую занимает моя жена, произошло несчастье.

Разве мне не естественно предположить, что беда, в чем бы она ни состояла, стряслась именно с моей женой? Разве меня поразит до глубины души, когда я услышу, что жертва *действительно* моя жена, а не моя тетушка Марта из Хэкни-Уик?

Это был прорыв.

К несчастью, я в тот момент не сумел этого увидеть.

Однако же, вы помните, что он сделал сразу после того? Он театральным жестом поднял свой зонт и очень хладнокровно и нарочито разбил его вдребезги о край стола. «Стивен Кёртис» считался — он сам притворялся таким — человеком бесстрастным. Только перед нами был в тот момент Гарри Брук, бьющий по теннисному мячу. Это был Гарри Брук, не получивший желаемого.

Майлз Хаммонд покопался в памяти.

Приятное лицо Стива — лицо Гарри Брука. Светлые волосы — волосы Гарри Брука. Гарри, понял Майлз, не поседел раньше времени от нервов, как предположил профессор Риго, он попросту потерял волосы, и почему-то мысль, что Гарри Брук почти совсем облысел, показалась нелепой.

Конечно, именно поэтому они и думали, что он старше. Что «Стиву», вероятно, уже под сорок. Однако они никогда не спрашивали его о возрасте.

Они — то есть он сам и Мэрион.

Майлз очнулся от голоса доктора Фелла.

— Этот джентльмен, — продолжал доктор угрюмо, — понял, что его план провалился. Фей Сетон жива, она сейчас здесь, в доме. И вы, не желая того, спустя миг повергли его в еще больший шок. Вы сказали, что в Грейвуде находится *еще один* человек, знакомый с Гарри Бруком, — профессор Риго; на самом деле он даже спит сейчас наверху в собственной спальне «Кёртиса».

Стоит ли удивляться, что он отвернулся и зашел за книжные стеллажи, чтобы скрыть лицо?

Теперь при каждом его новом шаге разражалась катастрофа. Он пытался убить Фей Сетон, а вместо того едва не убил Мэрион Хаммонд. Когда этот план пошел…

— Доктор Фелл! — негромко прервала Барбара.

— А? — вскинулся доктор Фелл, вырванный из своей медитации. — О, ага! Мисс Морелл? Что такое?

— Я понимаю, что я человек посторонний. — Барбара провела пальцами по краю скатерти. — Это дело не вполне мое, я лишь хотела бы помочь, но не могу. Однако, — она с мольбой подняла на него серые глаза, — прошу, *умоляю,* пока бедный мистер Майлз не сошел с ума, и мы вместе с ним

заодно, расскажите же нам, чем именно этот человек так напугал Мэрион?

— Ага! — воскликнул доктор Фелл.

— Гарри Брук, — продолжала Барбара, — ядовитый гад. Но он вовсе не умный. Откуда он почерпнул идею этого «артистичного», по вашим словам, убийства?

— Мадемуазель, — вставил профессор Риго с мрачным величием, словно Наполеон на Святой Елене, — он почерпнул ее от МЕНЯ. А сам я узнал это из случая с графом Калиостро.

— Ну разумеется! — выдохнула Барбара.

— Мадемуазель, — вспылил профессор Риго, принимаясь барабанить ладонью по столу, — вы очень меня обяжете, если перестанете говорить «разумеется» в самых неподходящих случаях. Поясните, пожалуйста, — он заколотил по столу с бешеной скоростью, — почему это «разумеется» и как это вообще может быть разумеющимся для вас?

— Простите. — Барбара беспомощно огляделась по сторонам. — Я всего лишь имела в виду, что вы сами постоянно читали Гарри Бруку лекции по криминалистике и оккультизму…

— Но при чем тут оккультизм? — спросил Майлз. — Пока вы не появились сегодня днем, доктор

Фелл, наш друг Риго наговорил кучу какой-то тарабарщины об этом деле. Он сказал, Мэрион напугало то, что она слышала и чувствовала, а не видела. Но это же попросту невозможно.

— Почему невозможно? — удивился доктор Фелл.

— Как же! Потому что она должна была что-то видеть! В конце концов, она ведь выстрелила в это…

— О нет, ничего подобного! — резко возразил доктор Фелл.

Майлз с Барбарой переглянулись.

— Но ведь выстрел, — не отступал Майлз, — *был* сделан в ее комнате, когда мы услышали его?

— О да.

— В таком случае в кого стреляли? В Мэрион?

— О нет, — ответил доктор Фелл.

Барбара мягко погладила Майлза по руке, успокаивая его.

— Наверное, будет лучше, — предложила она, — если мы позволим доктору Феллу самому рассказать.

— Именно, — торопливо подтвердил доктор Фелл. Он поглядел на Майлза. — Кажется — гм! — я несколько озадачил вас, — проговорил он с искренним огорчением.

— Наверное, это прозвучит странно, но да.

— Однако я не собирался загадывать вам загадки. Понимаете ли, мне следовало понять сразу, что ваша сестра никак не смогла бы выстрелить. Она была *расслаблена*. Все ее тело, как и всегда при шоковом состоянии, было совершенно обмякшим и обессиленным. И все же, когда мы ее только увидели, ее пальцы были сжаты на рукояти пистолета.

Так вот, это невозможно. Если бы она *действительно* стреляла, перед тем как лишиться чувств, револьвер выпал бы из ее руки под собственным весом. Сэр, это означает, что ее пальцы были старательно *сомкнуты* на револьвере уже после, в весьма ловкой попытке ввести нас в заблуждение, сбить нас с верного следа.

Однако я совершенно не понимал этого до сегодняшнего дня, когда, по своей обычной рассеянности, не принялся размышлять вслух о жизни Калиостро. Я понял, что перечисляю вкратце разнообразные случаи из его карьеры. И я вспомнил о его инициации, посвящении в тайное общество в таверне «Голова короля» на Джеррард-стрит.

Если честно, я и сам обожаю разные тайные общества. Но должен заметить, что обряды посвящения в восемнадцатом столетии вовсе не

походили на чайные вечеринки в Челтенхеме наших дней. Они обязательно били по нервам. Иногда они бывали опасны. Если Великий Дух приказывал подвергнуть неофита смертельному испытанию, тот никогда не знал наверняка, всерьез это или нет.

Итак, посмотрим!

Калиостро — с завязанными глазами и на коленях — уже и без того был достаточно выведен из душевного равновесия. Наконец ему сказали, что придется доказать свою верность ордену, даже если это будет означать его смерть. Ему в руку вложили пистолет, предупредив, что он заряжен. Ему велели приставить пистолет себе к голове и спустить курок.

Теперь уже кандидат был уверен, как и любой на его месте, что это просто розыгрыш. Он полагал, что ударник затвора опустится в незаряженном пистолете. Но в ту самую секунду, растянувшуюся на целую вечность, пока он взводил курок…

Калиостро взвел курок. И вместо щелчка последовал оглушительный грохот, вспышка пламени, ошеломляющий полет пули.

Нет, разумеется, пистолет у него в руке действительно не был заряжен. Однако в тот момент,

когда он взвел курок, кто-то еще, державший другой пистолет у самого его уха — нацеленный в сторону, — выстрелил по-настоящему и резко стукнул Калиостро по голове. Он навсегда запомнил то единственное мгновение, когда ощутил — или думал, что ощутил, — как пуля вонзается ему в голову.

Как подобный случай может натолкнуть на идею убийства? Убийства женщины со слабым сердцем?

Вы прокрадываетесь наверх среди ночи. Затыкаете рот своей жертве, пока она не успела закричать, чем-то мягким, чтобы после не осталось никаких следов. Вы держите у ее виска холодный ствол пистолета, незаряженного пистолета. И несколько минут, невероятно долгие несколько минут в эти самые страшные часы ночи, нашептываете ей на ухо.

Вы собираетесь ее убить, поясняете вы. Ваш шепот не прекращается, рисуя ей подробности. Она не видит при этом второго пистолета, заряженного настоящими пулями.

В свое время (следуя плану) вы выстрелите рядом с ее головой, но не слишком близко, чтобы не осталось никаких следов пороха. Затем вы вложите револьвер ей в руку. После ее смерти все

поверят, что это *она* стреляла по воображаемому грабителю, нарушителю спокойствия или призраку, а другого человека рядом с ней и в помине не было.

И вот вы продолжаете нашептывать, множа ужасы в темноте. Время, поясняете вы, пришло. Очень медленно вы нажимаете на спусковой крючок незаряженного пистолета, чтобы оттянуть ударник. Она слышит маслянистый звук, когда он отодвигается назад… медленно, очень медленно… вот ударник отъезжает еще… ударник в крайней позиции перед тем, как упасть, и тогда…

Бац!

Доктор Фелл резко опустил руку, стукнув по столу. Это был всего лишь удар руки по дереву, и все же все трое слушателей вздрогнули, как будто увидели вспышку дульного пламени и услышали выстрел.

Барбара с побелевшим лицом вскочила на ноги и попятилась от стола. Пламя свечей тоже заметалось и задергалось.

— Послушайте! — возмутился Майлз. — Какого черта!

— Я — гм! — прошу прощения, — произнес доктор Фелл, смущенно разводя руками и покрепче

насаживая на нос свое пенсне. — Это было на самом деле не для того, чтобы вызвать потрясение. Однако же было необходимо, чтобы вы поняли всю *diablerie*[20] этого фокуса.

Для женщины со слабым сердцем исход вовсе не стал бы открытым вопросом — он был бы предрешен. Простите меня, дорогой Хаммонд, но вы ведь видели, что случилось с такой совершенно здоровой женщиной, как ваша сестра.

У всех у нас (давайте признаем правду) нервы сейчас ни к черту, в особенности когда дело касается взрывов и выстрелов. Вы сказали, ваша сестра не переносит воздушных налетов и снарядов «фау». Это единственное, что способно ее напугать, так оно и вышло.

И кстати, сэр! Если вы переживаете за сестру, сожалеете, что все так обернулось, если не знаете, как она примет случившееся, когда услышит историю целиком, то просто спросите себя, что бы могло с ней случиться, если бы она все же *вышла* за «Стивена Кёртиса».

— Да, — согласился Майлз. Он уперся в стол локтями, обхватив ладонями виски. — Да, понимаю. Продолжайте.

---

[20] Notes: 20
Чертовщина, проделка *(фр.)*.

— Гм, ха! — сказал доктор Фелл. — Когда сегодня днем мне вспомнился этот трюк с пистолетом, — продолжал он, — вся схема развернулась разом. Да с чего вообще кому-то нападать на Мэрион Хаммонд?

Я вспомнил интересную реакцию «мистера Кёртиса» на сообщение, что до смерти была напугана *Мэрион*. Вспомнил ваши слова о спальнях. Вспомнил женскую фигуру в ночной рубашке и халате, которая двигалась из стороны в сторону перед не закрытым шторами окном. Я вспомнил флакончик духов. И ответ был: никто не пытался напугать до смерти Мэрион Хаммонд. Жертвой должна была стать Фей Сетон.

— Но в таком случае…

— Прежде всего, как вы, наверное, помните, я поднялся в спальню вашей сестры. Я хотел увидеть, не оставил ли злоумышленник какие-нибудь следы.

Не насилия, разумеется. Убийце не было нужды даже связывать жертву. После первых минут ему не было нужды и держать ее, он мог в обеих руках держать револьверы — пустой и заряженный, — потому что дула, прижатого к виску, было вполне достаточно.

Но оставалась вероятность, что кляп (который

он все же использовал) мог оставить какие-то следы на зубах или на шее. Ничего не оказалось, как не было и следов на полу рядом с кроватью.

И в спальне передо мной снова предстала воплощенная скорбь в образе «мистера Стивена Кёртиса». С чего бы «Стивену Кёртису» пытаться убить совершенно постороннего для него человека, Фей Сетон, с помощью трюка, позаимствованного из жизни Калиостро?

Калиостро наводил на мысль о профессоре Риго. Профессор Риго наводил на мысль о Гарри Бруке, которого он наставлял по вопросам…

О боже! О Бахус!

А не может ли «Стивен Кёртис» оказаться Гарри Бруком?

Нет, фантастика! Гарри Брук погиб. Хватит уже этой чепухи!

И в то же время, пока я тщетно осматривал ковер в поисках следов, оставленных убийцей, какая-то малая часть рассеянного разума продолжала трудиться. Меня внезапно осенило, что я проглядел те улики, которые лежали у меня перед носом с прошлого вечера.

Выстрел был сделан здесь, предполагаемый убийца взял для своего дела «ив-гран» тридцать второго калибра; должно быть, он знал, что Мэри-

он Хаммонд держит его в ящике прикроватного столика (снова «Кёртис»), а в качестве незаряженного оружия он прихватил с собой какой-нибудь старый пистолет. Очень хорошо!

В какой-то момент после выстрела мисс Фей Сетон подошла к двери этой спальни и заглянула внутрь. Она увидела что-то, ужасно расстроившее ее. Она не была испугана, заметьте. Нет! И причиной тому…

Тут вмешался Майлз Хаммонд.

— Может, я расскажу, доктор Фелл? — предложил он. — Я разговаривал с Фей в кухне, где кипятил воду. Она только что спустилась из спальни Мэрион. На ее лице читалась ненависть, ненависть, смешанная с какой-то дикой тоской. И под конец разговора она выпалила: «Так больше не может продолжаться!»

Доктор Фелл кивнул.

— И еще она сказала вам, как я теперь знаю, — уточнил доктор Фелл, — что она только что увидела нечто такое, чего не заметила раньше.

— Да. Именно так.

— Так что же она могла заметить в спальне Мэрион Хаммонд? Именно этот вопрос я задавал себе в той же спальне, в вашем присутствии, а еще в присутствии доктора Гарвица, медсестры и

«Стивена Кёртиса».

Все-таки Фей Сетон провела в этой комнате довольно много времени в субботний вечер, беседуя с мисс Хаммонд, и, очевидно, не заметила ничего такого в свой первый визит.

Затем я вспомнил тот причудливый разговор, какой сам вел с ней в тот же вечер, но позже — стоя в конце коридора в лунном свете! — когда вся она клокотала от подавленных эмоций, пару раз заставивших ее улыбнуться, словно вампир. Помню странный ответ, который она дала на один из моих вопросов, когда я спросил ее об этом их разговоре с Мэрион Хаммонд.

«По большей части, — сказала Фей Сетон, имея в виду Мэрион, — говорила она — о своем женихе, о брате, о планах на будущее». Затем Фей по неизвестной причине прибавила вроде бы не относящиеся к делу слова: *«Керосиновая лампа стояла на прикроватном столике, или я уже говорила?»*

Лампа? Тогда это замечание резануло мне слух. Но теперь…

— Когда Мэрион Хаммонд была обнаружена предположительно мертвой, в комнату принесли две лампы. Одну принесли вы, — он взглянул на профессора Риго, — а вторую, — он посмотрел на

Майлза, — вы. Подумайте-ка, оба! Куда вы поставили свои лампы?

— Я ничего не понимаю! — взорвался профессор Риго. — Свою лампу я, естественно, поставил на прикроватный столик, рядом с потушенной лампой.

— А вы? — спросил доктор Фелл Майлза.

— Мне только что сообщили, — ответил Майлз, всматриваясь в прошлое, — что Мэрион умерла. Я высоко поднял лампу, но рука у меня задрожала, потому я больше не мог держать ее. Я прошел через комнату и поставил лампу… на комод.

— Ага! — обрадовался доктор Фелл. — А теперь скажите мне, пожалуйста, что еще было на том комоде?

— Большая кожаная рамка на две фотографии: в одной половинке большая фотография Мэрион, а в другой — большая фотография «Стива». Я помню, что лампа ярко осветила эти фотографии, хотя до того эта часть комнаты была погружена в темноту и…

Майлз умолк, поняв. Доктор Фелл кивнул.

— Фотография «Стива Кёртиса», ярко освещенная, — сказал доктор Фелл. — Именно *эту фотографию,* глядящую на нее через комнату, и увидела Фей Сетон, заглянув в дверь после вы-

стрела. Этим и объясняется все ее поведение.

Она поняла. Гром и молния, *она поняла!*

Скорее всего, она совершенно не догадывалась, как был проделан трюк из жизни Калиостро. Зато она точно знала, что убить пытались ее, а не Мэрион Хаммонд, потому что она теперь знала, кто за этим стоит: женихом Мэрион Хаммонд был Гарри Брук.

И это был конец. Последняя капля. Это действительно заставило ее побледнеть от ненависти и тоски. Она в очередной раз пыталась начать новую жизнь, в новом окружении; она вела себя пристойно; она простила Гарри Брука и спрятала улики, доказывавшие, что он убил своего отца; но злой рок все равно продолжал преследовать ее. Злой рок или какая-то дьявольская сила, ополчившись против нее, вернула Гарри Брука из небытия, чтобы он попытался отнять у нее жизнь…

Доктор Фелл кашлянул.

— Я утомил вас таким длинным рассказом, — извинился он, — хотя все размышления заняли, наверное, секунды три, пока я задумчиво глазел на ту спальню в присутствии Майлза Хаммонда, доктора, медсестры и самого «Кёртиса», который стоял в тот момент у комода.

Определить, прав ли я насчет трюка из жизни Калиостро, очень даже просто, понял я в следующий момент. Существует научный тест, который называется тестом Гонзалеса, или нитратным тестом, с его помощью можно доказать, стреляла ли определенная рука из определенного револьвера или нет.

Если Мэрион Хаммонд не спускала этот курок, я смог бы записать: «Ч. т. д.». Но если Гарри Брук в самом деле мертв, как считается, тогда преступление воистину совершено злым духом.

Я как-то неосторожно объявил об этом вслух, вызвав негодование доктора Гарвица, который за это выставил всех нас из комнаты. Однако за этим последовало кое-что интересное. Первым моим побуждением было заставить мисс Сетон во всем сознаться. Я спросил Гарвица, в присутствии «Кёртиса», не будет ли он так добр попросить мисс Сетон подняться ко мне. После чего «Кёртис» устроил форменную истерику, которая поразила даже вас.

Внезапно до него дошло, что он зря тратит время; девушка в любую минуту может оказаться здесь. Надо убираться с глаз долой. Он сказал, что пойдет к себе прилечь, и — бац! Честное слово, я засмеялся бы, если все это дело не было таким

гротескно злонамеренным и жестоким. Не успел «Стивен Кёртис» коснуться ручки двери, как вы сказали, чтобы он не входил туда, потому что профессор Риго — который тоже знал Гарри Брука — спит и его нельзя тревожить.

Да уж, гром и молния! Его *нельзя* тревожить!

Вас не удивило ли снова, что «Кёртис» рванул к задней лестнице так, словно сам дьявол гнался за ним по пятам?

Однако у меня не было времени размышлять над всем этим в тот момент, потому что вернулся доктор Гарвиц, сообщивший то, что меня действительно испугало. Фей Сетон ушла. Записка, которую она оставила, в особенности строчка: «И портфель тоже кстати, не так ли?» — выпускала кота из мешка или, что точнее, плащ из портфеля.

Я понимал, что́ она задумала. Я был первостатейный идиот, что не догадался об этом еще накануне ночью.

Когда я сказал Фей Сетон, что, если мисс Хаммонд поправится, полиция не заинтересуется этим, она улыбнулась прямо-таки жутко и пробормотала: «В самом деле?» Фей Сетон все это осточертело, она была готова взорваться.

В ее комнате в городе хранились улики, все еще

способные отправить Гарри Брука на гильотину. Она твердо решила добраться до них, вернуться с ними, швырнуть их нам в лицо и потребовать ареста.

И вот — внимание!

Так называемый Стивен Кёртис был в настоящем отчаянии. Если как следует подумать, это пока еще не конец. Когда он прокрался наверх и исполнил свой фокус из эпохи Калиостро, Мэрион не видела его, она не слышала его голос, если не считать шепота. Она ни за что не подумает (и не подумала, когда мы разговаривали с ней позже), что на нее напал собственный жених. Никто больше его не видел, он проскользнул в дом через заднюю дверь, поднялся по задней лестнице сразу в спальню, потом спустился и ушел раньше, чем кто-либо успел добежать до комнаты после выстрела.

Но Фей Сетон, которая в одиночку возвращается в уединенный дом на краю леса с уликой, способной отправить его на виселицу?

Именно по этой причине, дорогой мой Хаммонд, я отправил вас за ней следом так поспешно и велел не отпускать ни на шаг. После чего *все* пошло наперекосяк.

— Ха! — Профессор Риго засопел и застучал

по столу, требуя внимания. — Этот веселый *farceur*[21], — продолжал Риго, — врывается ко мне в спальню, где я сплю себе спокойно, вытаскивает меня из кровати, тащит к окну и говорит: «Смотри!» Я смотрю и вижу, как два человека выходят из дома. «Это мистер Хаммонд, — говорит он, — но, быстрее, быстрее, быстрее, кто второй?» — «Боже, — говорю я, — либо я грежу, либо это Гарри Брук». И он несется к телефону.

Доктор Фелл пробурчал что-то.

— Вот только я забыл, — пояснил доктор Фелл, — что Хаммонд прочел записку Фей вслух, да так громко, что его услышал даже полубезумный человек у подножия задней лестницы. И, — прибавил доктор Фелл, оборачиваясь к Майлзу, — это он же повез вас на машине на станцию. Верно?

— Да! Только в поезд он не садился.

— О, еще как садился! — возразил доктор Фелл. — Просто-напросто прыгнул следом за вами. Вы его не заметили, даже не подумали о нем, потому что вы лихорадочно искали *женщину*. Когда вы обыскивали поезд, ни один мужчина, особенно прикрывшийся газетой, как делают

---

[21] Notes: 21
Шутник, балагур *(фр.)*.

очень многие, не удостаивался от вас второго взгляда.

Фей Сетон вы тоже не нашли, виной чему ваше собственное взвинченное состояние. Тут вовсе нет ничего загадочного. Ее состояние несильно отличалось от вашего, потому толпа была ей невыносима; она поступила так, как поступают многие в наши дни, особенно хорошенькие женщины, которые могут себе это позволить: она ехала в вагоне поездной бригады.

Этот глупейший эпизод привел к последнему эпизоду, трагическому.

Фей уезжала в Лондон в настоящей истерике, бурля от ярости и отчаяния. Она собиралась покончить со всем этим делом. Она собиралась рассказать правду обо всем. Но потом, когда суперинтендант Хэдли действительно попытался разговорить ее у нее в комнате…

— Что же? — не выдержала Барбара.

— Она поняла, что все равно не в силах признаться, — ответил доктор Фелл.

— Вы хотите сказать, она до сих пор влюблена в Гарри Брука?

— О нет, — возразил доктор Фелл. — Это все быльем поросло. Всего лишь промелькнувшая мысль о возможности респектабельной жизни.

Нет, сейчас речь шла о все том же злом роке, который преследовал ее, что бы она ни делала. Понимаете, тот Гарри Брук, который перевоплотился в Стивена Кёртиса…

Профессор Риго всплеснул руками.

— Но вот это, — прервал он, — еще один момент, которого я не понимаю. Как же совершилась эта перемена? Когда и как Гарри Брук превратился в Стивена Кёртиса?

— Сэр, — ответствовал доктор Фелл, — более всего остального душа моя не терпит рутинной работы с картотеками, необходимой для проверки чьих-либо документов. Раз уж вы официально опознали этого человека как Гарри Брука, остальное я предоставляю Хэдли. Но я так понимаю, — он обратился к Майлзу, — вы не очень давно знакомы с «Кёртисом»?

— Нет, всего пару лет.

— И по словам вашей сестры, он был комиссован из армии в самом начале войны?

— Да. Летом сорокового года.

— Лично я предполагаю, — сказал доктор Фелл, — что Гарри Бруку во Франции, когда разразилась война, было нестерпимо постоянно ощущать нависшую над ним угрозу. При его темпераменте он наверняка весь извелся. Ему было

невыносимо сознавать, что Фей Сетон со своими уликами… В общем, представьте себе холодный рассвет и лезвие гильотины над вами.

Потому он решил сделать то, что делали до него многие: порвать с прошлым и начать новую жизнь. В конце концов, немцы захватили Францию, по его мнению, навсегда, деньги его отца, имущество его отца в любом случае были для него потеряны. Полагаю, какой-то Стивен Кёртис действительно погиб при эвакуации в Дюнкерке. А Гарри Брук, солдат французской армии, был приписан к британской в качестве переводчика. В той неразберихе, как мне кажется, он раздобыл себе одежду, документы и личность настоящего Стивена Кёртиса.

В Англии он взрастил эту личность. Он был на шесть лет старше — на двенадцать, с учетом военного времени, — чем тот мальчик, который хотел стать художником. Он занимал вполне солидное положение. Он был удачно помолвлен с девушкой, получившей наследство, которая командовала им, а он в глубине души всегда и хотел, чтобы им командовали…

— Как странно, что вы заговорили об этом, — пробормотал Майлз. — Мэрион высказалась совершенно в том же духе.

— Вот таким было его положение, когда Фей явилась, чтобы уничтожить его. Бедняга на самом деле вовсе не хотел ее убивать, между прочим. — Доктор Фелл подмигнул Майлзу. — Помните, о чем он спросил вас в том кафе на вокзале Ватерлоо, после того как оправился от первого ужасного потрясения?

— Погодите! — воскликнул Майлз. — Он спросил, сколько времени займет у Фей составить каталог библиотеки. Вы хотите сказать…

— Если бы потребовалась неделя-другая, как он предполагал, он мог бы найти какой-то предлог, чтобы не попасться ей на глаза. Но вы отмели такую возможность, сказав, что потребуются месяцы. И потому решение было принято вот *так*. — Доктор Фелл щелкнул пальцами. — Фей способна лишить его нынешнего положения, даже если и не обвинит в убийстве отца. И потому, вспомнив эпизод из жизни Калиостро…

— Я *обязан* прояснить свою роль в этом деле, — произнес профессор Риго в исступлении. — Я как-то говорил ему, да, что человека со слабым сердцем можно убить, напугав до смерти. Но вот все эти подробности, чтобы аккуратно вложить пистолет в руку жертвы, убеждая всех, будто бы она сама стреляла, — такое мне и в голову не

пришло. Это же криминальный гений!

— Совершенно согласен, — сказал доктор Фелл. — И я искренне надеюсь, что никто не возьмет на вооружение эту идею. Придумать убийство, в котором жертва как будто сама испугалась до смерти при виде проникшего в дом чужака, никогда и не существовавшего.

Профессор Риго все еще пребывал в исступлении.

— Это не только не было моей выдумкой, — заявил он, — но — как же я ненавижу преступления! — я даже не узнал старого фокуса, обставленного дополнительными деталями, когда его разыграли у меня перед носом.

Он помолчал, вынул из кармана носовой платок и утер лоб.

— Был ли у Гарри Брука, — прибавил он, — очередной гениальный план, когда он отправился вслед за Фей Сетон в Лондон сегодня днем?

— Нет, — сказал доктор Фелл. — Он просто собирался убить ее и уничтожить все улики. Меня бросает в дрожь при мысли, что́ могло бы произойти, если бы он добрался до Болсовер-плейс раньше Хаммонда и мисс Морелл. Однако «Кёртис» следовал за *ними,* понимаете? Поскольку Фей Сетон ехала в вагоне поездной бригады, он

тоже ее не нашел. И потому ему пришлось следовать за ними, чтобы они привели его к ней.

Затем появился Хэдли. И «Кёртис», слышавший все из коридора под дверью комнаты на Болсовер-плейс, потерял голову. Теперь его единственной мыслью было добыть плащ — запятнанный кровью дождевик, единственную убийственную для него улику, — пока Фей не раскололась и не выдала его.

Он отключил свет на щитке в коридоре. Он выскочил в темноте вместе с портфелем и выронил его при бегстве, потому что изо всех сил цеплялся за дождевик, все еще набитый тяжелыми камнями. Он выбежал из дома прямо…

— Прямо куда? — спросил Майлз.

— В объятия полисмена, — пояснил доктор Фелл. — Может быть, вы помните, что Хэдли не удосужился даже побежать за ним? Хэдли просто открыл окно и дунул в свисток. Мы обо всем договорились по телефону, подготовились как раз на такой случай.

Гарри Брук, он же Стивен Кёртис, сидел в полицейском участке на Камден-Хай-стрит, пока мы с Риго не вернулись из Гемпшира. После чего его привезли обратно на Болсовер-плейс, чтобы Риго официально его опознал. Я предупреждал,

дорогой Хаммонд, что для одного из вас троих результат покажется неприятным, и я имел в виду вас. Однако это приводит меня к одной мысли, которую я хочу высказать в заключение.

Доктор Фелл откинулся в кресле. Он взял свою пенковую трубку, остывшую до белой золы, и положил обратно. Явное смущение или нечто похожее заставило его надуть щеки.

— Сэр, — начал он громовым голосом, который ему удалось понизить на тон, — полагаю, вам не стоит слишком сильно переживать за вашу сестру Мэрион. Может, это прозвучит не по-рыцарски, скажу вам, что из этой молодой леди гвозди бы делать. Она ничуть не пострадает от потери Стивена Кёртиса. Но вот Фей Сетон совсем другое дело.

В небольшой комнате наступила тишина. Они слышали, как шумит дождь за окном.

— Теперь я рассказал вам всю ее историю, — продолжал доктор Фелл, — или же почти всю. Больше мне не следует говорить, поскольку остальное не мое дело. И все же эти шесть лет не могли быть для нее легким временем.

Из Шартра ее выгнали. Ее выгнали, угрожая арестом за убийство, даже из Парижа. Я подозреваю, поскольку она не показала своих французских

документов Хэдли, что она зарабатывала на жизнь на улице.

Однако в характере этой девушки имеется некое качество — назовите это великодушием, назовите ощущением обреченности, назовите как хотите, — *не* позволявшее ей высказаться даже в конце и выдать того, кто когда-то был ее другом. Она чувствует, что злая судьба настигла ее и ни за что уже не отпустит. Ей осталось в лучшем случае несколько месяцев жизни. Она лежит теперь в больнице, ей плохо, она подавлена, и нет надежды. Что вы думаете обо всем этом?

Майлз поднялся с места.

— Я иду к ней, — сказал он.

Раздался резкий скрежет по ковру, когда Барбара Морелл отодвинулась от стола вместе со стулом. Глаза Барбары широко распахнулись.

— *Майлз, не делайте глупостей!*

— Я иду к ней.

После чего все выплеснулось наружу.

— Послушайте, — сказала Барбара, опираясь руками на стол и заговорив негромко, но очень быстро. — Вы в нее не влюблены. Я поняла это, когда вы рассказывали мне о Памеле Хойт и вашем сне. Она в точности как Памела Хойт: нереальный, покрытый пылью образ из старин-

ных книг, мечта, которую вы создали в своем воображении.

Послушайте, Майлз! Именно это и зачаровало вас. Вы идеалист и никогда не были другим. Какой… какой бы безумный план вы ни составили для себя, он может завершиться только катастрофой, и даже раньше, чем она умрет. Майлз, ради всего святого!

Он подошел к стулу, на котором оставил свою шляпу.

Барбара Морелл — такая искренняя, полная сочувствия, советовавшая ему ради его же блага, как это делала Мэрион, — позволила себе возвысить голос почти до крика:

— Майлз, это же глупо! Подумайте о том, *что* она собой представляет!

— Да мне плевать, — сказал он. — Я иду к ней.

И Майлз Хаммонд еще раз вышел из небольшой столовой в «Белтринге» и торопливо спустился по боковой лестнице, выбегая под дождь.